

неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

3

155 2024

* к новой натурфилософии
* вторая мировая: практики
нормализации, забвения
и реинтерпретации
* кино первой половины
XX века: медиа, паранойя,
политика

неприкосновенный запас 3 [155] 2024

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ВТОРАЯ МИРОВАЯ: ПРАКТИКИ НОРМАЛИЗАЦИИ, ЗАБВЕНИЯ И РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ	003	Олег Бэйда, Игорь Петров. Кровь и почва: две жизни доктора Бейтельшпахера
	030	Анатолий Воронин. Второе задание: жизнь и смерть Веры Волошиной
	048	Иван Курилла. Память о союзнике по Второй мировой войне: российско-американские зарисовки
	060	Марк Эдел. «Советские ветераны Второй мировой войны»: двадцать лет спустя
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	083	Скажи мне, кто твой друг... <i>Страницы</i> Алексея Левинсона
КУЛЬТУРА ПОЛИТИКИ	087	Отто Люхтерхандт. Правовой нигилизм и российская правовая культура: исторические корни и современный профиль
ПРЕВРАТНОСТИ МЕТОДА	106	Аргентинский маятник – 2 <i>Страницы</i> Татьяны Ворожейкиной
КИНО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: МЕДИА, ПАРАНОЙЯ, ПОЛИТИКА	117	Игорь Смирнов. От спасения героя к суверенной власти: медиальная политика кино 1900–1940-х
	141	Вадим Михайлин. Диверсификация паранойи: «М» Фрица Ланга и «Великий гражданин» Фридриха Эрмлера
К НОВОЙ НАТУРФИЛОСОФИИ	173	Егор Дорожкин. Геофилософия сумрачного мира: земля, субъективность и воображение
	189	Дмитрий Шаталов-Давыдов. Животное и сообщество: к проблеме взаимосвязи политического и экологического
	201	Богдан Громов. Вина вещей. Комментарий к изречению Анаксимандра
ОБЗОР ЖУРНАЛОВ	213	Александр Писарев. Исследования художественные, политико-теологические и комедийные: обзор российских интеллектуальных журналов
НОВЫЕ КНИГИ	222	Рецензии
SUMMARY	233	

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
Андрей Захаров
Антон Золотов

Дизайн
Дмитрий Черногаев
Андрей Бондаренко

Корректор
Марина Алхазова

Маркетинг, PR и реклама
Анастасия Векшина
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:
a.vekshina@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2024

Кровь и почва: две жизни доктора Бейтельшпахера

ОЛЕГ
БЭЙДА,
ИГОРЬ
ПЕТРОВ

Описание любого тоталитарного режима редко обходится без рассказов о зверствах и их бездушных исполнителях. Хотя гадание по лицам в XXI веке кажется ненаучным и даже оскорбительным, человеку все равно привычнее представлять монстров и убийц прошлого как психопатов с пустым взглядом и взъерошенными волосами. Нам гораздо удобнее видеть в зле отталкивающий пример человеческого падения, в котором уродливость поступков запечатлевается и в телесном облике.

Однако это лишь иллюзия восприятия. Нижеследующая история покажет, что границы (бес)человечности пластичны и легко сдвигаемы: в хаосе жизни самый обычный человек способен внезапно превратиться в монстра, а впоследствии спокойно обрести прежнее обличье. Так и заинтересовавший нас персонаж – образованный и изобретательный ум – сначала «поиграл» в чудовище, а затем с легкостью вернулся в человеческое, если не сказать человеколюбивое, состояние. Обложившись пухлыми архивными папками, авторы этих строк сумели отследить эти метаморфозы, но вместе с тем мы едва ли сможем их объяснить.

Эта история началась ровно десять лет назад, когда один из нас, читая записки генерала вермахта Готхарда Хейнрици, заин-

Олег Игоревич Бэйда (р. 1990) – историк, преподаватель Университета Мельбурна (Австралия), специализируется на истории русской эмиграции и Второй мировой войны.

Игорь Романович Петров (р. 1969) – историк, независимый исследователь (Мюнхен, Германия), специализируется на истории русской эмиграции и Второй мировой войны.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ: ПРАКТИКИ НОРМАЛИЗАЦИИ, ЗАБВЕНИЯ И РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

тересовался его переводчиком и адъютантом – неким русским немцем и в гражданской жизни доцентом Кёнигсбергского университета, носившим фамилию Бейтельсбахер (Beutelsbacher). Он охотно переводил для генерала с немецкого на русский и с русского на немецкий, но еще охотнее переводил людей – на тот свет. Его начальник писал в своих дневниках, немного искажая фамилию подчиненного:

«Лейтенант Бейтельсбахер прикончил в общей сумме двенадцать партизан, некоторых вчера в Лихвине, а некоторых сегодня поблизости отсюда. Никогда бы не подумал, что в этом маленьком человечке столько энергии. Он мстит за своего отца, за свою мать, за своих братьев и сестер, которых коммунизм или свел в могилу, или отправил в ссылку. Он – безжалостный мститель»¹.

Идентифицировать лейтенанта удалось не сразу – тем более, что он пропал со страниц дневника генерала столь же внезапно, как и появился. Заметим, что если бы Хейнрици не вел дневник, то его адъютант так и остался бы энигмой, безмолвно растворившейся в тумане прошлого. Но кровь всегда оставляет следы.

Почвовед из Одессы

Соавторам этого текста захотелось разыскать человека, от которого в генеральском дневнике, помимо бесспорных свидетельств военных преступлений, остались лишь фамилия и смутный эскиз биографии. Интернет предлагал скудный выбор между одесским архитектором Христианом Бейтельсбахером и Бейтельсбахерским консенсусом, заложившим в 1970-х стандарт для политического образования в ФРГ и названным так по имени баден-вюртембергской деревни Бейтельсбах, от которой и пошла, вероятно, фамилия нашего героя. Но другая ниточка – место довоенной службы – оказалась более перспективной. В адресной книге Кёнигсберга за 1941 год обнаружился подходящий, причем единственный, кандидат² – ассистент местного университета Dr Hans Beutelspacher, проживавший по адресу Möwenweg, 7. Хейнрици, по всей видимости, воспринимал фамилию на слух, а потому и ошибся, написав ее через *b*, а не через *p* – а значит, правильно писать «Бейтельшпахер». Так начал раскрываться биографический клубок.

1 Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици / Под ред. Й. Хюртера, перев. с нем. О.И. Бэйдя, И.Р. Петрова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 117 (запись от 2 ноября 1941 года). [См. также рецензию на эту книгу, публиковавшуюся в «НЗ»: Захаров А. *Верноподанный* // Неприкосновенный запас. 2020. № 1(129). С. 276–280. – Примеч. ред.]

2 *Einwohnerbuch Königsberg* (Pr). 1941. S. 20.

Ханс Бейтельшпахер родился 20 сентября 1905 года в немецкой колонии Розенфельд под Одессой и происходил из семьи русских немцев³. Начальную школу в родной колонии он посещал с 1911-го по 1913 год, а затем семь лет учился в одесском реальном училище имени Святого Павла, застав таким образом и революцию, и гражданскую войну, и первые годы советской власти. Училище было основано местной лютеранской общиной; одним из его выпускников был Лев Троцкий. В автобиографии, предпосланной собственной диссертации 1932 года, Бейтельшпахер так описывал свое дальнейшее образование:

«После сдачи экзаменов на аттестат зрелости в Нейфрейдентале в 1922 году я на семь месяцев посвятил себя практической работе в сельском хозяйстве. С зимнего семестра 1922–1923 по зимний семестр 1925–1926 изучал химию в Новороссийском университете в Одессе, а с зимнего семестра 1925–1926 – сельское хозяйство в Высшей сельскохозяйственной школе Хоэнхайм, где защитил в 1928 году диплом агронома. В летнем семестре 1928 года изучал химию в Высшей технической школе Штутгарта. [...] С 1928-го по 1930 год работал ассистентом в Институте питания растений в Хоэнхайме, с летнего семестра 1930 года продолжив изучение химии в Высшей технической школе Штутгарта»⁴.

Его научным руководителем была эмигрантка с русскими корнями – Маргарита фон Врангель. В августе 1932 года в научном журнале была напечатана их совместная статья, представлявшая собой выжимку из будущей диссертации, дорабатывать которую Хансу пришлось в одиночку, поскольку наставница скончалась в марте того же года, еще до публикации⁵. Доктором сельскохозяйственных наук Бейтельшпахер официально стал 31 марта 1933-го⁶. На тот момент он уже работал в Технической школе Цюриха, перебравшись в соседнюю Швейцарию набираться опыта. Похоже, что это был не очень успешный период в жизни молодого ученого: нам удалось найти лишь одну небольшую опубликованную им статью, относящуюся к указанному времени⁷. Возможно, после прихода нацистов

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

- 3 Niedersächsisches Landesarchiv (NLA). Abteilung Osnabrück Rep 980 № 33 853. Fragebogen für die politische Überprüfung, Dr Hans Beutelspacher. 22 Juli 1949. Нам известно, что отца тоже звали Ханс и он был инженером. Дальнейших подробностей о семье, которые позволили бы, помимо прочего, верифицировать рассказ о преследованиях оставшихся в России родственников в годы сталинских чисток, пока обнаружить не удалось.
- 4 BEUTELSPACHER H. *Methode zur Bestimmung geringer Kaliummengen in Bodenlösungen*. Hohenheim, 1933.
- 5 WRANGELL M. VON (FÜRSTIN ANDRONIKOW F.), BEUTELSPACHER H. *Methode zur Bestimmung geringer Kaliummengen in Bodenlösungen* // Fresenius: Zeitschrift für analytische Chemie. 1932. Bd. 90. № 11–12. S. 401–417.
- 6 Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek – Universitätsarchiv Göttingen. Der Kurator der Universität, 11 635. Personal- und Feststellungsbogen zum Gesetz nach Art. 131 GG. № 434. Dr Hans Beutelspacher (Wiss. Assistenten). 15 März 1955.
- 7 BEUTELSPACHER H. *Die Agrikulturphysik und ihre Beziehungen zur Bodenarbeit* // Mitteilungen der Deutschen Landwirtschafts-Gesellschaft. 1933. Jahrgang 48. S. 1042–1044.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

к власти Хансу показалось, что открылись более перспективные карьерные маршруты.

Во второй половине мая 1933 года внимание швейцарской прокуратуры привлекло распространявшееся в немецкоязычных университетских городах страны обращение, озаглавленное «К немецким студентам арийского происхождения». Оно начиналось следующими словами:

«После того, как закончен первый этап тяжелой и упорной борьбы за возрождение Германии, [...] ни один немецкий студент за границей не может оставаться безразличным к нынешнему движению национального обновления. Все они должны [...] находиться в постоянной готовности, чтобы самолично поддержать Германию в борьбе за признание ее новых идей»⁸.

Для реализации намеченного предлагалось создать в Швейцарии общества немецких учащихся; студенты приглашались на их учредительные собрания. Под обращением стояла подпись доктора Бейтельшпахера. В Базеле, к примеру, подобное собрание состоялось в трактире с подобающим случаю названием «У бурого медведя» («Zum Braunen Mutz»). На мероприятии присутствовали семнадцать человек, а председательствовал сам Бейтельшпахер, украсивший свой столик флажком со свастикой. Чуть раньше подобное собрание состоялось в Берне, где, впрочем, собрались лишь десять энтузиастов⁹.

Бурные организационные усилия молодого доктора привлекли внимание швейцарской полиции, которая составила краткое и довольно путаное досье. В нем сообщалось, что, по показаниям цюрихской домохозяйки, ее постоялец вел довольно уединенный и степенный образ жизни, больше всего общаясь с двумя русскими эмигрантами, чьих имен она не запомнила. Он получал от Общества поддержки немцев за границей ежемесячную стипендию в сто марок и надеялся, что вскоре немецкое Министерство сельского хозяйства предоставит ему профессорскую кафедру в одном из университетов. В материалах также утверждалось, что Бейтельшпахер вступил в цюрихскую группу национал-социалистической партии скорее всего из прагматических соображений, а ее собрания посещает крайне редко и лишь для галочки. Кроме того, из досье следовало, что новоявленный доктор весьма разговорчив и охотно готов приукрасить собственную биографию. Так, о своей учебе в советском университете он предпочитал не распространяться, вместо этого выдавая себя за белогвардейца, вынужденного покинуть Россию после гражданской войны. Также после по-

8 Schweizerisches Bundesarchiv. E4320B#1968/195#11*. Beilage 1 zum Bericht der Schweizerischen Bundesanwaltschaft vom 08.09.1933.

9 Ibid.

ездки в Германию в начале 1933 года он – вероятно, для повышения собственного престижа среди коллег – рассказывал, что вел переговоры о будущем месте работы лично с Герингом и Геббельсом¹⁰.

Неудивительно, что карьера Бейтельшпахера как партийного студенческого лидера не заладилась, и поэтому он довольно быстро пропал из поля зрения швейцарских правоохранителей. Более того, годом спустя в отдел Восток Внешнеполитического отделения НСДАП даже поступило особое предупреждение против сотрудничества с ним¹¹. После войны Бейтельшпахер в анкетах указывал, что состоял в СА, но не в НСДАП¹². Последнее не соответствует действительности: уже после его переезда в Кёнигсберг партийная канцелярия известила местное гау¹³, что Бейтельшпахер учтен в их картотеке как член Зарубежной организации НСДАП, которому присвоен партийный номер 3604455¹⁴. Весной 1935 года Бейтельшпахер вернулся в Германию. С кафедрой ничего не вышло, но зато он получил позицию ассистента в Институте агрономии при Кёнигсбергском университете. Под началом агрохимика Эйльхарда Альфреда Митчерлиха карьера доктора, наконец, пошла в гору: несколько серьезных публикаций были дополнены поездками на конференции, в том числе зарубежные¹⁵. Так, в июле 1939 года молодой ученый заседал в международной комиссии по почвоведению в Стокгольме¹⁶. Все говорило о том, что перспективно-го почвовед ждёт блестящее будущее...

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

Из толмачей в палачи

...если бы не вторжение Германии в Польшу. Бейтельшпахера призвали в армию, и в середине октября 1939 года он попал в подготовительный батальон связи в Кёнигсберге в чине вахмистра (унтер-офицера)¹⁷. Однако к тринадцатому дню служ-

10 Schweizerisches Bundesarchiv. E4320B#1968/195#11*. Rapport der Kantonspolizei Zürich vom 03.10.1933. О нерадивости составлявших отчет швейцарских полицейских свидетельствует тот факт, что они перепутали имя человека, информацию о котором собирали: в отчете он фигурирует не как Beutelspacher, а как Beutelsperger.

11 National Archives and Records Administration. Washington, D.C. (NARA). T. 81. R. 14. F. 1279.

12 Fragebogen für die politische Überprüfung, Dr Hans Beutelspacher. 22 Juli 1949.

13 Основная административная единица Германии во времена «третьего рейха». – *Примеч. ред.*

14 Bundesarchiv Berlin (BArch Berlin). R 9361-II/72566. Дальнейшая переписка в деле отсутствует.

15 См., например: MITSCHERLICH E.A., BEUTELSPACHER H. *Die Umwandlung der anorganischen Stickstoffverbindungen in organische mit Hilfe der Pflanze* // Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft, Naturwissenschaftliche Klasse 13. 1936. Heft 5. S. 159–184; IDEM. *Zur Bestimmung des organischen Stickstoffs nach Kjeldahl bei Gegenwart von Nitraten* // Bodenkunde und Pflanzenernährung. 1937. Heft 3–4. S. 195–201.

16 Verhandlungen der vierten Kommission der Internationalen Bodenkundlichen Gesellschaft. Stockholm. 3–8 Juli 1939.

17 5. Kompanie Nachrichten-Ersatz-Abteilung 1 (ответ на авторский запрос, поданный в Федеральный архив Германии 27 марта 2020 года).

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

бы braveй вахмистр Бейтельшпахер уже оказался в лазарете, причем с не самым героическим диагнозом «триппер». На полях стоит заметить, что с апреля 1937 года он состоял в браке с кёнигсбергской обывательницей, а в июле 1940-го у пары родилась первая дочь¹⁸. Карточка Бейтельшпахера в WAST¹⁹, на которую нами возлагались большие надежды, не содержала практически ничего, кроме этой пикантной детали, а также еще менее значимой информации о том, что 9 декабря 1939 года выписавшийся из лазарета вахмистр был переведен из 5-й роты учебного батальона связи в 6-ю. О его дальнейшей службе до конца войны в карточке, увы, нет ни слова.

По счастью, кое-что мы уже знали из записок генерала Хейнрици. В начале операции «Барбаросса» Бейтельшпахер, доросший до лейтенанта, служил в 443-м батальоне связи 43-го армейского корпуса, которым командовал Хейнрици. В начале войны в вермахте крайне не хватало грамотных переводчиков, в то время как со связистами дело обстояло еще довольно сносно, и поэтому вскоре наш герой оказывается в ближайшем окружении генерала, а затем и на страницах его дневника – впервые в записи от 12 сентября:

«Кстати, недавно мы были в деревне Седнев на реке Снов, прежде огромном поместье казацкого гетмана, [...] которому принадлежали 240 000 моргенов земли. Сейчас замок совершенно пуст, разорен и опустошен. Один приват-доцент из Кёнигсберга, родившийся на Украине, по имени Бейтельшпахер [...] был тут в детстве с родителями и описал мне богатства этого дворца, его прекрасный парк (сейчас непролазная чаща), его библиотеку с ценнейшими рукописями и рассказал о здешней грандиозной жизни в старые времена»²⁰.

После первоначальных успехов немецкие войска уже в сентябре обнаружили, что их тыловые коммуникации постоянно растягиваются, личного состава начинает не хватать, а бесконечные русские версты никак не кончаются. География почему-то оказалась сильнее военной теории. Собственную малочисленность и отсутствие политического целепологания в отношении населения, которое в 1941 году рассматривалось лишь как расходный материал в контексте будущей колонизации, национал-социалисты компенсировали неизбирательным насилием. После того, как генералу Хейнрици с октября

18 VArch Berlin. В 563/ZK-B-575/158; см. также ответ на авторский запрос, поданный в Государственный архив Брауншвейга 20 апреля 2021 года, который основывается на следующем документе: Sterbeurkunde № 828/1984 (E 34: S 490).

19 Wehrmachtauskunftstelle – учреждение, во время войны ведавшее картотекой военнслужащих вермахта.

20 *Заметки о войне на уничтожение...* С. 88–89. Здесь и далее фамилия дается в правильном, а не в искаженном, как в дневнике генерала, написании.

1941 года стали досажать партизаны, его корпус начал латать свой тыл, создавая маленькие антипартизанские команды. Лейтенант Бейтельшпахер был сначала придан одной из таких команд в качестве переводчика²¹, но вскоре его назначили на специально созданную должность ответственного за борьбу с партизанами при штабе корпуса²².

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

Собственную малочисленность и отсутствие политического целеполагания в отношении населения, которое в 1941 году рассматривалось лишь как расходный материал в контексте будущей колонизации, национал-социалисты компенсировали неизбирательным насилием.

Этот октябрьский день 1941 года для нашего повествования оказывается переломным. Если прежний жизненный путь доктора Бейтельшпахера, недореализовавшегося ученого и незадачливого активиста, воспринимался с некоторой иронией, то теперь все изменилось: доктор вооружился веревкой. Формально числясь в штате как «делопроизводитель» (*Sachbearbeiter*), бывший почвовед сразу же проявил в борьбе с партизанами недюжинное рвение. Собрав под своим началом трех бывших красноармейцев, крестьянских сыновей, он стал выходить «на охоту» каждый вечер:

«Только с помощью крестьян и можно схватить партизан. Переводчику за истекшие три дня удалось поймать и прикончить пятнадцать, среди них нескольких женщин. Партизаны клятвенно верны друг другу. Они позволяют себя расстрелять, но не выдают товарищей»²³.

Нам недоступны источники, которые позволили бы пролить свет на ход мыслей Бейтельшпахера и его собственное отношение к этим ежедневным расправам. Но не вызывает сомнения, что бессудные убийства неожиданно оказались для него вполне рациональным и, вероятно, даже интересным занятием, позволявшим ощущать себя полезным, а также предоставлявшим возможность мстить. На следующий день Хейнрици снова отмечает в дневнике:

21 NARA. T. 314. R. 1005. F. 518. Anlage 562 zum Kriegstagebuch General-Kommando XXXXIII.A.K. 7 Oktober 1941.

22 NARA. T. 315. R. 1275. F. 1080–1081. General-Kommando XXXXIII.A.K., “Partisanenbekämpfung”. 8 Oktober 1941.

23 *Заметки о войне на уничтожение...* С. 119 (запись от 5 ноября 1941 года).

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

«Партизанская активность под Лихвином заметно растет. Бейтельшпахер только 6-го числа поймал шестьдесят человек, из них сорок красноармейцев, двадцать он сумел осудить и прикончить. Одного молодого парня они повесили в городе, то есть они освобождают полевых жандармов от этой безрадостной работы и сами ее выполняют»²⁴.

Повешенным оказался шестнадцатилетний Александр Чекалин – партизанский разведчик, воевавший вместе с отцом в отряде «Передовой». Он был выдан немцам 44-летним каменщиком Никифором Авдюхиным, который с приходом нового порядка добровольно вызвался служить старостой деревни Песковатское. Заболевший Чекалин скрывался в деревне, где его и заметил Авдюхин, после чего попытавшийся бежать партизан был задержан. Мать юноши просила заместителя городского главы Лихвина Шутенкова содействовать освобождению сына, однако, ощущая угрозу ареста – она состояла в партии, – сама была вынуждена скрыться. Чекалина увезли в Лихвин и там казнили²⁵. Посмертно молодому партизану было присвоено звание Героя Советского Союза²⁶, а в 1944 году город Лихвин был переименован в его честь. В послевоенной агнографической книге Василия Смирнова при описании ареста и допроса Чекалина фигурирует «маленький востроносый переводчик», который «четко выговаривал слова»²⁷, но, кто именно задержал Чекалина и отдал приказ казнить его, оставалось неизвестным в течение более полувека – до тех пор, пока авторов этого текста не привлек казус доктора Бейтельшпахера. Чекисты в этом деле ограничились лишь выявлением виновных коллаборационистов: Авдюхина расстреляли в начале апреля 1942 года.

Четыре десятка красноармейцев, плененных Бейтельшпахером в тот же день, были скорее всего окруженцами из разбитых дивизий, которые упорно пробивались на восток по окрестным лесам. Едва ли эти живые мертвецы после недель скитания по чащобам могли оказывать хоть какое-то сопротивление; достаточно было лишь небольшой группы солдат, чтобы справиться с ними. Судя по имеющимся свидетельствам, оголодавшие, ослабевшие и обносившиеся советские военнослужащие не вызывали у Бейтельшпахера никакой жалости. Не исключено, что еще одной предпосылкой его жестокости стал гипертрофированно-искаженный «научный взгляд» специалиста по сель-

24 Там же. С. 120 (запись от 6 ноября 1941 года).

25 См.: КИРЕЕВ С. *Дело Авдюхина и Осипова: неизвестные подробности из жизни лихвинских пособников* // Тульские известия. 2022. 19 октября (https://ti71.ru/articles/bez_sroka_davnosti/delo_avdyukhina_i_osipova_neizvestnye_podrobnosti_iz_zhizni_likhvinskikh_posobnikov).

26 *Указ Президиума Верховного Совета СССР № 606/52 от 4 февраля 1942 года*. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р7523. Оп. 4. Д. 59. Л. 1.

27 Смирнов В. И. *Саша Чекалин. Повесть*. М.: Воениздат, 1972. С. 419.

скому хозяйству: ведь в лабораторных формулах, которыми он привык оперировать, не оставалось места для сантиментов. Иногда даже сам генерал Хейнрици был обескуражен излишним рвением своего корпусного палача: «Я сказал Бейтельшпахеру, чтобы он не вешал партизан ближе, чем в ста метрах от моего окна. Не самый приятный вид с утра»²⁸. Впрочем, кладбищенский сарказм генерала компенсировался официальным признанием «заслуг» Бейтельшпахера – к началу 1942 года тот был уже трижды награжден²⁹.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

Герой Советского Союза школьник Александр Чекалин

Илл. 1. Александр Чекалин, казненный нацистами. «Пионерская правда», 28 февраля 1942 года.

ПРОПАЛ – И НАШЕЛСЯ

В 2018 году мы перевели записки генерала Хейнрици и издали их на русском языке, а двумя годами позже опубликовали небольшую статью о Бейтельшпахере в журнале Университета

28 Заметки о войне на уничтожение... С. 121 (запись от 7 ноября 1941 года).

29 Среди его наград были Крест военных заслуг II-го класса с мечами (1 июля 1941 года), Железный крест II-го класса (4 сентября 1941 года) и I-го класса (31 декабря 1941 года): Fragebogen für die politische Überprüfung, Dr Hans Beutelspacher. 22 Juli 1949.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

Мельбурна. В той статье мы писали, что, к сожалению, пока не смогли установить дальнейшую военную судьбу ученого душегуба. Как уже говорилось, со страниц генеральского дневника он исчез столь же внезапно, как и появился на них. Нам представлялось, что, сделай интересующий нас персонаж хоть какую-нибудь карьеру в самом вермахте, его восточных (то есть набранных из советских военнопленных) частях или же на ниве антипартизанской борьбы, мы, несомненно, наткнулись бы на то или иное упоминание о нем или в военной литературе, или в документальных источниках, посвященных нацистским преступлениям. Поэтому пришлось предположить, что Бейтельшпахер скорее всего перешел на штабную работу или вовсе был отправлен в тыл. Тем самым становилось ясно, что на его деяния 1941 года наслоились истории преступлений оккупационного режима последующих лет, благодаря чему кёнигсбергский агроном и ускользнул от внимания советских органов. Самой последней ниточкой, которую нам удалось обнаружить, стал дневник старшего лейтенанта Красной армии Владимира Гончарова, сохранившийся в материалах немецкого МИДа. Записи погибшего под Юхновом советского офицера в феврале 1942 года были переведены на немецкий, причем на последнем листе стояла пометка «Перевел лейтенант Бейтельшпахер»³⁰. Так как 43-й армейский корпус на тот момент находился как раз под Юхновом, то, как нам представлялось, Бейтельшпахер по-прежнему продолжал выполнять при его штабе обязанности переводчика.

Однако историческая реальность оказалась, с одной стороны, гораздо более причудливой, а с другой стороны, гораздо более прямолинейной, чем наши теоретические выкладки. В конце октября 2021 года к одному из соавторов обратился его старый друг – химик и писатель Михаил Бару, – создающий серию очерков о маленьких русских городах. В ходе подготовки текста, посвященного городу Опочке в Псковской области, ему попала такая цитата: «В 1942 году карательный отряд, сформированный фашистом Байтельскахером из русских изменников, остановился в деревне Дербыши бывшего Идрицкого района»³¹.

Да, фамилия нашего героя была в очередной раз искажена, но нам сразу же стало ясно, что след верный – тем более, что в окрестностях Опочки нашлись и следы пребывания 43-го армейского корпуса, пусть и не в 1942-м, а в 1944 году. Таким образом, выяснилось, что Бейтельшпахер остался служить при корпусе и после того, как генерала Хейнрици в конце янва-

30 Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PAAA), Berlin. Handakten Ritter – Russland. R 27808. Фамилия переводчика указана на странице 34 перевода дневника.

31 СЕРГЕЕВА З. *Эти страшные годы... // Великая Отечественная война. Опочецкий район. 1941–1944* (<http://vov.opochka.ru/book/eti-strashnye-gody>).

ря 1942 года назначили командовать 4-й армией. Более того, доктор-палач продолжал заниматься тем же, чем занимался и осенью 1941 года: с помощью пленных красноармейцев боролся с советскими партизанами, причем теперь ему помогали не три изменника, а несколько сотен, объединенных в «казачий эскадрон». Основу будущей группы Бейтельшпахера составили казаки, ранее служившие в Красной армии: два командира, десять младших командиров и один ефрейтор. Уже на немецкой стороне все они ранее были приданы немецкому лыжному батальону под командованием майора Ханса фон Шлебрюгге (*Ski-Bataillon Schlebrügge*), сформированному в декабре 1941 года и тут же брошенному в бой под Юхновом и Спас-Деменском. У командования часть была на хорошем счету: в феврале и марте 1942-го ей удалось предотвратить несколько прорывов на участке фронта длиной в пятьдесят километров³².

В 43-м армейском корпусе пути казаков-коллаборационистов и доктора-переводчика пересеклись. Когда в начале мая 1942 года лыжный батальон сменил подчинение, казаки остались при корпусе: вероятно, успехи способствовали выделению их в отдельное подразделение³³. Бейтельшпахер, ставший к тому моменту обер-лейтенантом, начал укреплять казацкую группу волонтерами, набираемыми в лагерях для военнопленных. К середине июня отряд насчитывал 35 человек и командование было им довольно: казаки показали себя «весьма деятельными», захватив за короткий период восемьдесят пленных³⁴. Через два месяца оба показателя пропорционально выросли: в «отряде самообороны», называвшемся теперь «эскадроном», числились уже 160 человек, а количество пленных превысило пятьсот³⁵.

Помимо антипартизанских операций, эскадрон по собственной инициативе вел прогерманскую пропаганду среди местного населения. Сотрудник немецкой роты пропаганды, посетивший казаков на берегу Угры в начале августа 1942 года, был восхищен речью, произнесенной командиром 2-го взвода Федором Богатыревым – «крестьянским сыном с Дона». Оратор убеждал гостей в том, что здоровая, мирная и работающая душа русского народа вовсе не растоптана большевиками, а «русско-немецкой армии под началом немецких офицеров» не способна противостоять ни одна сила в мире. Богатырев начал воевать за немцев еще в лыжном батальоне, и этот факт,

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

32 Bundersarchiv Freiburg (BArch Freiburg). RH 19–II/127. Bl. 258. Fernschreiben der Hgr Mitte; NARA. Т. 315. R. 865. F. 464. Kriegstagebuch der 31 I.D. 8 März 1942; NARA. Т. 315. R. 264. F. 314. Meldung des Kommandeurs der 131 I.D.; BÉRAUD Y. *German Mountain Troops 1942–1945*. [Б.м.:] Casemate Publishers, 2021. P. 32–33.

33 NARA. Т. 314. R. 1011. F. 159. Kriegstagebuch des XXXXIII.A.K. 1 Mai 1942.

34 NARA. Т. 314. R. 1010. F. 557–558. Kriegstagebuch des XXXXIII.A.K. 18 Juni 1942.

35 Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 500. Оп. 12 454. Д. 413. Л. 247. Selbstschutz-Verband des Gen.-Kdo.XXXXIII.A.K. 18 August 1942.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

как и то, что он произносил подобные речи перед местными жителями, убедил немецкого пропагандиста в искренности казака. В Берлин был послан запрос о том, не стоит ли отправить талантливого оратора в немецкую столицу. Решение, определившее дальнейшую судьбу Богатырева, принял лично Густав Хильгер – бывший посольский советник в Москве и один из главных экспертов немецкого МИДа по России. «Казачий командир Богатырев, – резюмировал чиновник, – полезнее там, где он в настоящий момент находится»³⁶.

Если первые казаки, пришедшие из лыжного батальона, возможно, на самом деле имели казацкие корни, то с ростом численности эскадрона этот вопрос стал сугубо теоретическим. Формально казаки составляли около половины личного состава³⁷, но это было чистой фикцией, поскольку у пленных, назвавшихся «казаками», было больше шансов освободиться из лагерей: немцы считали таковых представителями группы, «годной» в расовом отношении. Помимо военнопленных, отряд Бейтельшпахера рос и за счет партизан-перебежчиков. Один из них, Александр Селиверстов, вспоминал после войны:

«В действующей немецкой армии в Смоленской области, в ее штабе был переводчик лейтенант Бойтеспахер [опять! – О.Б., И.П.]. Какими-то судьбами восемнадцать человек казаков из группы Кононова³⁸ попали в данный район. Вот этот переводчик и стал организовывать “казаков”. После ликвидации армии Белова³⁹ эта группа пополнилась за счет их парашютистов и кавалеристов. Бойтеспахер сам был русским немцем из Одессы и с гражданской войны жил в Кёнигсберге. Доверчивый, и с русской душой»⁴⁰.

Сам Селиверстов в начале войны был направлен в специальную школу под Ульяновском, где несколько месяцев обучался партизанскому делу и диверсионным навыкам, после чего был заброшен в немецкий тыл. В начале июня 1942 года он перешел на сторону немцев⁴¹.

36 РААА. R 60758. Дальнейшую судьбу Богатырева прояснить не удалось, но известно, что год спустя у 2-го эскадрона был уже другой командир (NARA. T. 314. R. 1012. F. 580–581. Bericht über Osttruppen. 1 Juli 1943).

37 ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 454. Д. 413. Л. 42. Kosaken-Schwadron des Gen.-Kdo.XXXXIII.A.K. На 22 сентября 1942 года личный состав части составляли командир, три офицера, пятнадцать унтер-офицеров и 157 солдат. Среди них были казаки (51%), русские (37%), украинцы (5%), татары (3%), белорусы (3%), поляки (0,5%) и чувашаи (0,5%).

38 Имеется в виду инициатива тылового района группы армий Центр по организации «казачьих отрядов» из военнопленных, запущенная в сентябре 1941 года. Командовал этими отрядами и отбирал военнопленных бывший майор Красной армии Иван Кононов.

39 1-й гвардейский кавалерийский корпус Красной армии под командованием генерал-лейтенанта Павла Белова в первой половине 1942 года воевал в немецком тылу.

40 BArch Freiburg. MSG 149/59. Bl. 111. После войны автор этих воспоминаний, записанных в 1950 году, жил в Регенсбурге, а затем в Амберге под фамилией Сильвестров. См. его послевоенную розыскную анкету: ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 18 004. Д. 1434. Л. 247; см. также анкеты в: ITS Digital Archive. Bad Arolsen. DocID: 79781117–123.

41 BArch Freiburg. MSG 149/59. Bl. 125–128, 134.

К концу августа эскадрон состоял из трех взводов, которыми, помимо Богатырева, командовали лейтенанты Сидоренко (тоже выходец из лыжного батальона Шлебрюгге) и Шарапов (командир разведвзвода)⁴². Целью создания подобных формирований было решение наболевшей проблемы: охраны тыла 4-й армии и обеспечения бесперебойного снабжения по железной дороге. Армия, возглавляемая генералом Хейнрици, с трудом пережила первую боевую зиму, несколько месяцев проведя почти в полном окружении (с тыла ей угрожал корпус Белова) и едва избежав полного разгрома. Летом 1942 года в тылу всей группы армий Центр прошли крупные антипартизанские операции, поэтому эскадрон Бейтельшпахера пришелся очень ко двору.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

У пленных, назвавшихся «казаками», было больше шансов освободиться из лагерей: немцы считали таковых представителями группы, «годной» в расовом отношении.

Небольшие операции казаки проводили уже с начала июня, добывая остатки корпуса Белова, потрепанного регулярными немецкими войсками в ходе майской операции «Ганновер». Группа Бейтельшпахера прочесывала леса, искала и уничтожала партизанские лагеря, брала пленных и захватывала трофеи. Все лето и осень 1942 года эскадрон провел на северном берегу реки Угры, в деревне Чащи Восточного района Смоленской области. Параллельно с антипартизанскими операциями и пропагандистской работой эскадрон курировал хозяйственную сферу, устанавливая и собирая продуктовые и вещевые налоги с населения, а также назначая глав местных администраций. К концу августа эскадрон захватил до шестисот пленных, убив 67 партизан. Собственные же потери коллаборационистов состояли из троих раненых и троих убитых⁴³. Методы проведения карательных операций не отличались от прошлогодних и включали в себя бессудные расправы, что запечатлено в одном из партизанских донесений:

«[Русские полицейские] отряды устраивают облавы на наших людей. Захваченных выстраивают группами по 12–15 человек и задают вопрос: кто из вас за Гитлера, а кто за Сталина. Всех, кто не

42 NARA. T. 314. R. 1010. F. 671–672. Kriegstagebuch des XXXIII.A.K. 29 August 1942.

43 Ibid. F. 673. Такое нетипичное для боевых операций соотношение потерь не было исключением. Так, в декабре 1942 года эскадрон участвовал в операции «Зимородок» (*Eisvogel*), проводимой фактически лишь частями, состоящими из коллаборационистов. Только в одном бою им были убиты тридцать партизан, в то время как собственные потери составили трое убитых и двое раненых. См.: NARA. T. 314. R. 1010. F. 325–331. Tätigkeitsbericht über den Einsatz des Kos.-Verbandes Fiedler beim Unternehmen "Eisvogel". 29 Dezember 1942.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

ответит положительно, отправляют как военнопленных в концлагеря, а сопротивляющихся убивают. Предавшихся врагу [...] вооружают, обмундировывают и зачисляют в казацкие отряды»⁴⁴.

Командование 43-го корпуса было довольно и методами доктора, и результатами его эскадрона. 5 сентября казаки-«ветераны», служившие еще в лыжном батальоне Шлебрюгге, получили лично из рук командующего корпусом, генерала Курта Бреннеке, медали «За зимнюю кампанию на Востоке», в солдатской среде прозванные «За мороженое мясо». Сам Бейтельшпахер был награжден ею на несколько недель ранее⁴⁵. Его казаки прочесывали глухие деревни в дальних углах своей оперативной зоны, попутно пытаясь выяснить настрой местного населения. Осенью крестьяне собирали по лесам разбросанное еще со времен вяземского котла 1941 года оружие, и доктор рапортовал наверх о том, что, возможно, готовится создание новых партизанских отрядов⁴⁶. К концу ноября эскадрон разросся до 260 человек (только 28 октября приняли присягу 110 новых бойцов) и в рамках «легализации» восточных формирований вермахта был зачислен в штатное расписание, получив название «443-й казачий батальон» (Kosaken Abteilung 443)⁴⁷.

Разумеется, несмотря на все похвалы, по обученности и дисциплине коллаборационистские части заметно уступали немецким. Впрочем, до определенного момента генерал Бреннеке верил, что при должной организации подготовки и жестком контроле со стороны немецких офицеров подобающую дисциплину удастся наладить. На этой оптимистической волне в один из приездов он даже подарил казакам баян⁴⁸. К концу ноября территория, контролируемая эскадронами, была существенно расширена. Тем не менее Бейтельшпахер успевал не только справляться с собственными задачами, но и помогать соседям: 11 декабря он сообщил коллеге из 12-го корпуса о партизанской группе, которую преследовал до границы собственных «владений». 12-й корпус эстафету принял и через несколько дней пленил раненого майора Павла Зыкова – командира партизанского отряда имени Лазо⁴⁹.

44 Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. Р-8. Оп. 2. Д. 151. Л. 17.

45 NARA. Т. 314. Р. 1010. Ф. 704. Kriegstagebuch des XXXXIII.A.K. 5 September 1942. Fragebogen für die politische Überprüfung.

46 NARA. Т. 314. Р. 1010. Ф. 827. Kriegstagebuch des XXXXIII.A.K. 11 Oktober 1942.

47 ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 454. Д. 413. Л. 262, 264. Antrag auf Etatisierung einer Kos. Abt. bei Gen. Kdo. XXXXIII.A.K. 22 November 1942; NARA. Т. 314. Р. 1010. Ф. 858. Kriegstagebuch des XXXXIII.A.K. 28 Oktober 1942.

48 NARA. Т. 314. Р. 1010. Ф. 858, 912. Kriegstagebuch des XXXXIII.A.K. 28 Oktober, 26 November 1942. Также немецкое командование беспокоило связи казаков с местными девушками, которые подозревались в работе на советскую сторону. См.: Ibid. Ф. 840. Kriegstagebuch des XXXXIII.A.K. 19 Oktober 1942.

49 NARA. Т. 314. Р. 503. Ф. 1033. Vernichtung der Diversantengruppe Kusjmin und der Partisanengruppe Sykow. 17 Dezember 1942. После допросов в начале марта 1943 года майор Зыков был расстрелян.

С тем, чтобы контролировать состояние коллаборационистских формирований, при 4-й армии была создана специальная должность «инспектора восточных частей». Вскоре было решено открыть при ее штабе «восточную школу», где советские граждане, воевавшие за немцев, постигали бы науку антипартизанской борьбы. Главой этих ускоренных «офицерских курсов» предполагалось назначить Бейтельшпахера⁵⁰. Но не успел доктор приступить к организации школы, как уже в конце января 1943 года ее пришлось передать другому лицу: казаков переподчинили соседней 3-й танковой армии⁵¹.

Согласно акту, составленному советскими властями после освобождения Восточного района, за время оккупации немцы сожгли на его территории до 80% жилых построек и угнали на работы в Германию более 4000 человек⁵².

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

ОПУСТОШЕНИЕ

Сменилось не только подчинение, но и география. С Угры казаки были переброшены на четыреста километров северо-западнее; они обосновались в городе Пустошка Псковской области, где пытались разделаться с партизанами в тылу двух армий и вели активные боевые действия. В леса посылались разведчики, там брались пленные, принимались перебежчики с трофеями, сжигались партизанские стоянки. Сухие строчки военных документов редко позволяют уточнить детали, как и то, являлись ли причисленные к партизанам люди реальными участниками советского подполья или же это были просто напуганные крестьяне. Применение немцами неизбирательного насилия в отношении гражданского населения на фоне боевых действий против вооруженных комбатантов не вызывает никаких сомнений, и во время подобных операций военные преступления были нормой, а не исключением.

Уже известный нам Селиверстов детально описал одну из обычных боевых операций. Казаки с тяжелым боем взяли оборудованный партизанский лагерь на несколько сотен человек и уничтожили его. Большая часть партизан после боя смогла ускользнуть, однако в таких лагерях всегда находились и ушедшие в лес невооруженные гражданские; на этот

50 NARA. T. 314. R. 1010. F. 162. Dienstanweisung für die Inspektion der Osttruppen der 4. Armee. 25 November 1942; F. 953. Kriegstagebuch des XXXXIII.A.K. 23 Dezember 1942; F. 355. Landeseigene Hilfskräfte. 28 Dezember 1942.

51 NARA. T. 314. R. 1010. F. 987. Kriegstagebuch des XXXXIII.A.K. 15 Januar 1943; ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 454. Д. 639. Л. 32. Fernschreiben von Odko.H.Gr.Mitte, Ia an A.O.K.4, Pz.A.O.K.3. 23 Januar 1943.

52 Государственный архив Смоленской области. Ф. Р-1630. Оп. 1. Д. 317. Л. 3. Согласно акту, особенно активно деревни сжигались при отступлении немецких войск в феврале 1943 года. Из имеющихся документов не ясно, оставался ли эскадрон к тому времени на территории района.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

раз вторая колонна эскадрона взяла в плен семерых из числа таких, о которых Селиверстов рассказывает:

«Они не дали никаких показаний, и их расстреляли. При расстреле я видел, как они крестились. Я сомневаюсь, были ли они действительно партизанами!»⁵³

Вскоре после прибытия в Пустошку эскадрон принял активное участие в антипартизанской операции 281-й охранной дивизии «Весенний сев» (*Frühjahrsbestellung*). В ходе зачистки были убиты 320 партизан и лишь восемнадцать взяты в плен; потери немецкой стороны составили восемь убитых и девятнадцать раненых⁵⁴. Батальон, насчитывавший к тому моменту четыреста человек, оставался на хорошем счету у командования корпуса, а новый командующий, генерал Карл фон Овен, оценил его как «полезный, надежный и годный для любой задачи в войне с бандитами»⁵⁵.

На новом месте немецкое командование требовало не только взимать с населения налоги и продукты – в первую очередь оно обязывало обеспечивать отправку советских граждан на принудительные работы:

«Уже несколько недель наблюдается, что население некоторых волостей, в противоположность большинству Русского народа в освобожденных волостях, симпатизирует бандитам, помогает им или по крайней мере не содействует их уничтожению так, как следует этого требовать для окончательного освобождения России. [...] Поэтому ПРИКАЗЫВАЕТСЯ: Все мужское население этих волостей от 14 до 50 лет, так же как и все женское население от 14 до 45 лет, за исключением женщин, имеющих ребенка [...] младше 8 лет, будет без исключения немедленно совместно переведено на работу в другую местность предварительно на три месяца»⁵⁶.

В июне 1943 года казаки Бейтельшпахера, только что произведенного в капитаны, помогали угонять местных жителей из деревень Денисово, Тимоново и Новая (Юрово). Для начала требовалось убедить население, что немецкая власть крепка и пришла навсегда; целью пропагандистской акции было выманить людей из укрытий, чтобы затем произвести облаву и насильно доставить их в пункт отправки⁵⁷. Кроме того, казаки помогали охранять вагоны с набранными невольниками

53 BArch Freiburg. MSG 149/59. Bl. 124.

54 NARA. T. 314. R. 1012. F. 209–210. Erfahrungsbericht über Unternehmen Frühjahrsbestellung. 24 April 1943.

55 NARA. T. 314. R. 1013. F. 297–298. Zustandsbericht des Kosaken-Btl. 443. 1 Mai 1943. С августа 1942 года партизаны в официальных немецких документах именовались «бандитами».

56 NARA. T. 314. R. 1019. F. 912–913. Памятка для призыва военно- и работоспособного населения из определенных волостей.

57 NARA. T. 314. R. 1019. F. 906–909. Herausziehung der wehr- u. arbeitsfähigen Bevölkerung zum Arbeitseinsatz. 2 Juni 1943.

от партизанских налетов. В одном из случаев партизаны действительно напали на эшелон в попытке освободить угоняемых; в ходе акции нападавшие применяли и тяжелое вооружение⁵⁸. Выказывая служебную смекалку, на совещании у командующего корпуса Бейтельшпахер предложил отобрать у крестьян велосипеды, так как местные жители используют их для связи с партизанами⁵⁹.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

Согласно акту, составленному советскими властями после освобождения Восточного района, за время оккупации немцы сожгли на его территории до 80% жилых построек и угнали на работы в Германию более 4000 человек.

Безусловно, жизнь в оккупации была крайне многогранной. Случалось и так, что у восточных частей вермахта налаживались более или менее соседские отношения с местными обывателями, у которых они жили и от которых зависели. Однако это не относилось к батальону доктора, неизменно озлоблявшего местных своими действиями. Свидетельница запомнила его солдат как жестоко грабивших гражданских; иногда, рассказывает она, казаки прикидывались партизанами – приходя в села под видом «народных мстителей», они выявляли сочувствующих большевикам⁶⁰. Нет нужды говорить о том, какая судьба ждала тех, кто проявил себя как противник оккупации.

Есть и другие свидетельства. Как вспоминал Селиверстов после войны, в батальоне хватало отталкивающих персонажей. По его словам, сам Бейтельшпахер «таскался с женщинами», командира 3-го эскадрона, лейтенанта Шарапова, «ничего не интересовало, кроме баб, гусей, уток, поросят, пчел – это он все с собой таскал», а 4-й эскадрон лейтенанта Филатова вел себя безобразно: грабил, насиловал, проводил массовые расстрелы и всячески уничтожал любые крупницы доверия гражданских к батальону. Впрочем, мемуарист-коллаборационист объяснял такое поведение оккупантов провокациями советской разведки, просочившейся в часть. Население жаловалось Бейтельшпахеру, а тот, хотя и «был как старый дуб», все же устроил Филатову выволочку; последний, однако, оправдывался тем, что иначе, мол, поступать нельзя: так он «борется с партизанами». Дело дошло до того, что из штаба прислали немецкого

58 NARA. T. 314. R. 1012. F. 518–519. Bericht über die Herausziehung der wehr- u. arbeitsfähigen Bevölkerung zum Arbeitseinsatz. 18 Juni 1943.

59 NARA. T. 314. R. 1012. F. 490–491. Beitrag zum KTB. 13 Juni 1943.

60 СЕРГЕЕВА З. Указ. соч.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

майора для расследования преступлений казаков-карателей. Бейтельшпахер покрывал своего подчиненного, сваливая все на немцев, ибо русские якобы не способны чинить насилие над русскими – и довольный майор-разведчик, закрыв расследование, уехал. Страдающим от бесчинств мирным гражданам оставалось лишь уходить к партизанам⁶¹.

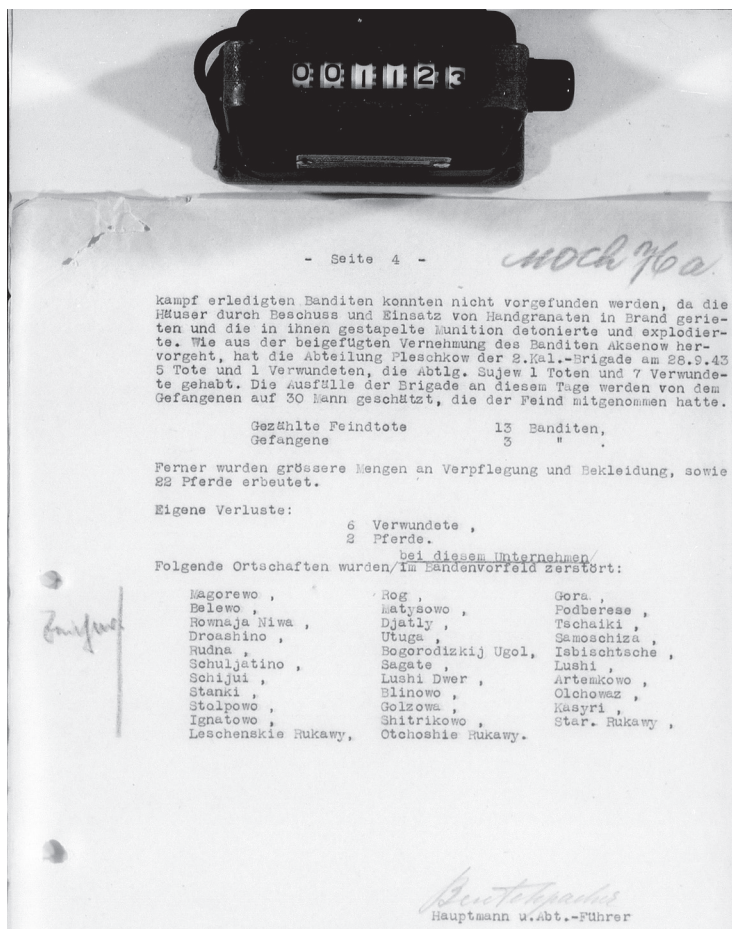
В одном из отчетов Бейтельшпахер рапортовал, что при прочесывании лесов опрашиваемое население лгало его бойцам, пытаясь создать у казаков искаженные представления о силах и расположении действовавших в районе партизанских Калининских бригад. Население либо действительно поддерживало партизан, либо же было вынуждено мириться с вооруженными людьми из леса. В деревнях оборудовались схроны, запасались вооружения и взрывчатка, а также готовились боевые позиции. Впрочем, немецких казаков вопросы вины гражданских и их вынужденного или добровольного сосуществования с советскими патриотами в любом случае не интересовали: для принятия карательных мер им было достаточно найденных трофеев или просто подозрений в сотрудничестве. Так, 28 сентября 1943 года команда Бейтельшпахера «в наказание» сожгла деревни Еловка, Овинище, Гусино и Дуброво, а на следующий день огнем были уничтожены деревни Павлово, Александрово, Глуховка, Лужки, Скураты, Погары и Свибло⁶².

Разумеется, из-за таких акций устрашения партизанское сопротивление постоянно нарастало, что в свою очередь означало расширение насилия со стороны оккупантов. Согласно отчету Бейтельшпахера, датированному октябрём 1943 года, разведанные позволили определить деревни, являвшиеся опорными пунктами нескольких партизанских бригад, сильно досаждавших немцам в регионе. С целью затруднить оперативные действия подпольщиков было принято решение обратиться район в «мертвую зону», предполагавшую уничтожение всех построек и сожжение всего урожая в выделенном квадрате. Только за первую половину октября 443-й казачий батальон, усиленный немецкими частями, сжег 33 деревни⁶³. Целью такой дикой жестокости было лишить партизан физической возможности снабжать себя с земли. То, что при этом и невоюющее население гарантированно обрекалось на голодную смерть в грядущую зиму, попросту не принималось в расчет.

61 ВArch Freiburg. MSG 149/59. Bl. 111. В сохранившихся батальонных документах и Шарапову, и Филатову даются положительные оценки: Шарапов описывается как «лихой, абсолютно надежный и зарекомендовавший себя в прошлых боях», а Филатов – как «старательный, надежный, с большим организационным талантом» (NARA. Т. 314. R. 1012. F. 580–581. Bericht über Osttruppen. 1 Juli 1943).

62 NARA. Т. 314. R. 1019. F. 942. Bericht über die Bandenbekämpfung im Gebiet zwischen Swidlo- und Jasno-See am 28.u.29.9.43. 1 Oktober 1943.

63 NARA. Т. 314. R. 1014. F. 1120–1123. Gefechtsbericht. 13 Oktober 1943.

**ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ**

**КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА**

Илл. 2. Рапорт капитана Бейтельшпахера об одной из антипартизанских операций – с приложением списка сожженных деревень, осень 1943 года. Национальное управление архивов и документации (NARA), Вашингтон, США.

СМЕНА ФЛАГОВ И ОХОТА ЗА ЧЕМОДАНАМИ

По всей видимости, этот всплеск насилия имел и внешнюю причину: батальон доказывал командованию свою лояльность и связывал военных преступников кровью (или, как в упомянутом случае, огнем). Дело в том, что летом и осенью 1943 года солдаты и офицеры восточных частей вермахта начали переходить на советскую сторону целыми подразделениями. Виной тому были успехи Красной армии и полное отсутствие политического целеполагания из Берлина, превращавшее «добровольных борцов с большевизмом» в чистых наемников. Так, 19 июля 1943 года взбунтовались 47 легионеров, служивших в элитном полку «Бранденбург» и деливших с 443-м казачьим батальоном охрану тыла в районе Пустошки. Легионеры застрелили четырнадцать сослуживцев и на двух грузовиках перешли

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

на сторону 2-й Калининской бригады⁶⁴. В августе к партизанам перебежали еще тринадцать казаков из 443-го батальона⁶⁵. Подобные эпизоды множились по всему немецкому тылу – от Балтийского моря до Черного, – из-за чего командование сухопутных сил вермахта было вынуждено принять решение о переброске восточных батальонов на запад, подальше от опасной линии фронта.

В первоначальных списках на переброску значился и 443-й казачий батальон, к этому времени вместе со своим корпусом переведенный в состав 16-й армии группы армий Север⁶⁶. Командование корпуса, однако, выступило против передислокации, подчеркивая, что батальон «благонадежен», «особо рекомендовал себя» и нужен не только для противостояния напору партизан, но и для надзора за состоящими из хиви (от немецкого *Hilfswilliger* – «желающий помочь»); добровольные помощники из числа военнопленных) строительными частями, возводящими линию укреплений в районе Пустошки⁶⁷. В итоге батальон в самый последний момент был вычеркнут из списков на перевод, а в отчете было указано, что «после проведенной в батальоне чистки личный состав надежен»⁶⁸.

В начале ноября 1943 года батальон был временно передан в распоряжение 1-го армейского корпуса для участия в большой антипартизанской операции «Генрих» (*Heinrich*) к юго-западу от Пустошки. Однако во время этой акции советские войска прорвали линию фронта, в результате чего у немецкого командования не осталось иного выбора, кроме как бросить на ликвидацию прорыва казаков⁶⁹. На передовой батальон Бейтельшпахера находился около десяти дней, с 9-го по 18 ноября, причем уже 13 ноября доктор просил срочно отвести его в тыл, так как более не мог гарантировать благонадежность своих подчиненных. Поддерживая эту просьбу, командование корпуса использовало весьма парадоксальную аргументацию: «Казачья задача только в освобождении тыла от бандитов и считают бои с Красной армией братоубийством»⁷⁰.

64 NARA. T. 314. R. 1019. F. 1054. Beiträge für den Tätigkeitsbericht. 1 August 1943.

65 NARA. T. 314. R. 1020. F. 6. Beiträge für den Tätigkeitsbericht. 1 September 1943.

66 BArch Freiburg. RH 19-III/252. Bl. 10. Fernschreiben OKH / Gen. der Osttr. an HGr Nord. 21 September 1943. Численность батальона составляла на тот момент 445 человек (Ibid. Bl. 18. Fernschreiben AOK 16 an HGr Nord. 28 September 1943).

67 Ibid. Bl. 12-12RS. Fernschreiben XXXXIII.A.K. an HGr Nord. 23 September 1943.

68 Ibid. Bl. 21. Fernschreiben OKH an HGr Nord. 30 September 1943; NARA. T. 314. R. 1015. F. 534–535. Zustandsbericht des Kosaken-Btl. 443. 1 November 1943. Следует отметить, что на тот момент перебежчиков на советскую сторону в 443-м батальоне в среднем было меньше, чем в восточных частях. В партизанских отчетах упоминаются в основном пленные 443-го батальона, а не перебежчики (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 69. Оп. 1. Д. 709. Отчеты от 12 июля и 30 сентября 1943 года).

69 BArch Freiburg. RH 24-1/282. Bl. 175–185RS. Kos.Btl. 631. Tätigkeits- u. Gefechtsbericht für die Zeit vom 30.10–15.11.43. 15 Dezember 1943.

70 NARA. T. 314. R. 1014. F. 369. Kriegstagebuch des XXXXIII.A.K. 13 November 1943.

Тем не менее соответствующий приказ опоздал: 16 ноября казаки оказались на линии атаки советских танков в районе деревни Лакуши, были выбиты со своих позиций и обратились в бегство. В числе других поле боя оставил и командир 3-го эскадрона Шарапов. Но, несмотря на это фиаско, потери батальона оказались невелики⁷¹.

Чтобы избежать повторения подобных эксцессов, командование 43-го армейского корпуса перевело батальон подальше от линии фронта, где он продолжал участвовать в карательных акциях⁷². Зимой 1943–1944 годов, по мнению командования корпуса, уже само присутствие батальона в районе Пустошки препятствовало наращиванию и укоренению партизанских отрядов в этой местности⁷³, а весной и в начале лета 1944 года батальон снова активно участвовал в антипартизанских операциях «Тяга вальдшнепов» (*Schnepfenstrich*) и «Лесная просека» (*Waldschneise*). Только в ходе последней акции, согласно немецким сводкам, его бойцами были уничтожены 92 партизана и еще 41 взят в плен, причем сами казаки потеряли убитыми лишь пять человек⁷⁴.

К этому времени Бейтельшпахер уже получил чин майора и очередную награду⁷⁵. Тем не менее его батальон вынужден был окончательно покинуть 43-й корпус, а неослабевающий натиск советских войск вынуждал немецкое командование постоянно перебрасывать корпуса с места на место. В начале июля 1944 года батальон отступил в Латвию⁷⁶. Незадолго до того упоминавшийся выше командир эскадрона Филатов с пятнадцатью своими бойцами ушел к партизанам⁷⁷.

Сомнения в благонадежности батальона заставляли 18-ю армию, в распоряжении которой он оказался, держать его в резерве⁷⁸. В итоге в конце сентября 1944 года батальон был переброшен в Польшу, где прикрывал тыл 9-й армии к юго-западу от

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

71 NARA. T. 312. R. 607. F. 8229716. Zwischenmeldung Gruppe Loch. 16 November 1943; NARA. T. 314. R. 1014. F. 374. Kriegstagebuch des XXXXIII.A.K. 18 November 1943; BAArch Freiburg. MSG 149/59. Bl. 112 [письмо от 2 мая 1950 года; в нем бой датируется 14 ноября 1943 года].

72 NARA. T. 314. R. 1014. F. 378. Kriegstagebuch des XXXXIII.A.K. 21 November 1943; NARA. T. 314. R. 1016. F. 471. Kriegstagebuch des XXXXIII.A.K. 28 Februar 1944.

73 NARA. T. 314. R. 1020. F. 841, 1197. Entwicklung der Bandenlage im Monat Dezember 1943. 27 Dezember 1943; Entwicklung der Bandenlage im Monat Februar 1944. 27 Februar 1944.

74 NARA. T. 314. R. 158. F. 403. Kriegstagebuch des II.A.K. 16 Mai 1944; NARA. T. 314. R. 159. F. 509. Befehl für das Bandenunternehmen Waldschneise. 1 Juni 1944; NARA. T. 314. R. 159. F. 630. Tagesmeldung des II.A.K. 8 Juni 1944.

75 NARA. T. 314. R. 470. F. 856. Abwehrtrupp 317 Bericht. 17 Mai 1944. Доктор был удостоен нагрудного штурмового пехотного знака.

76 С 15 марта 1944 года батальон подчинялся 2-му армейскому корпусу: NARA. T. 314. R. 158. F. 272. Kriegstagebuch des II.A.K. 15 Mai 1944. С 29 июня его переподчинили 10-му армейскому корпусу: NARA. T. 314. R. 159. F. 836. Fernschreiben II.A.K an Kos. Abt. 443. 29 Juni 1944. С начала августа батальон перешел в ведение командующего тылом 18-й армии (Kommandant des rückwärtigen Armeegebietes – Korück 583): NARA. T. 312. R. 959. F. 9149899. Truppeneinteilung 18 Armee. 6 August 1944.

77 BAArch Freiburg. MSG 149/59. Bl. 112 [письмо от 2 мая 1950 года].

78 NARA. T. 312. R. 957. F. 9147908. Kriegstagebuch AOK 18. 13 September 1944.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

Варшавы⁷⁹. Здесь казаки охраняли железные дороги и продолжали воевать с партизанами, только теперь польскими. Вермахт активно пытался вербовать в свои ряды польских добровольцев⁸⁰, и, возможно, именно по этой причине *modus operandi* батальона изменился: теперь партизан предпочитали брать в плен, а не ликвидировать на месте⁸¹. (Впрочем, не обходилось и без издержек: 15 декабря под Бяла Равска кто-то из казаков ошибочно застрелил штурмовика-фольксдойча⁸².)

В составе других частей 9-й армии 443-й батальон в середине января 1945 года попал под главный удар мощного советского наступления, принудившего немецкие войска спешно отступать на запад. Уже в начале февраля тыловой район 9-й армии оказался на немецкой территории, в Фюрстенвальде на ШПрее. Поведение казаков во время отступления красочно описывается в жалобах местных жителей, подобных, например, следующей:

«Русский офицер улегся в кровать хозяйки поместья, три унтер-офицера заняли спальню экономки по соседству. Казаки вломились на кухню, взломали кладовые и амбары в поисках корма для своих лошадей, которых они, впрочем, хотели сменить на лошадей хозяйки. [...] Они взломали чемодан пострадавшего от бомбежки соседа, причем офицер никак не препятствовал действиям подчиненных. У экономки были украдены золотые часы и талоны на табак. Три немецкие беженки вынуждены были прятаться от настойчивых казаков в соседнем здании. В птичнике были истреблены все птицы без разбора, а пытавшемуся возражать сторожу пригрозили расстрелом»⁸³.

Вскоре остатки казачьих батальонов были передислоцированы южнее, в район города Шпремберга, где в тылу 4-й танковой армии в начале марта уже действовали советские диверсанты. По большей части, однако, восточные части привлекались для возведения укреплений⁸⁴. В 20-х числах апреля немецкие войска, оборонявшие Шпремберг, попали в окружение, но казаки скорее всего разбежались еще до этого. По свидетельству Селиверстова, русские офицеры в Шпремберге покинули свои эскадроны, а Бейтельшпахер с оставшимися бойцами напра-

79 NARA. T. 312. R. 349. F. 7923518. Landeseigene Verbände im Bereich AOK 9. 15 Oktober 1944; NARA. T. 312. R. 343. Tagesmeldung AOK 9. 28 Oktober 1944.

80 См.: NARA. T. 312. R. 343. Kriegstagebuch AOK 9. 17 Oktober 1944.

81 ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12 472. Д. 626. Л. 2, 43. Tagesmeldungen Ic/AO AOK 9. 16, 31 Dezember 1944.

82 Archiwum Akt Nowych, Warszawa. 2/1335/0/23/187. L. 93. SS- und Polizeiführer im Distrikt Radom Ic Ereignismeldung. 16 Dezember 1944.

83 BArch Freiburg. RH 2/2129. Bl. 174. Beeinflussung der Stimmung der Zivilbevölkerung durch das Verhalten von Wehrmachtseinheiten. 24 Februar 1945. У нас нет возможности установить, принадлежали ли упоминаемые казаки к 443-му батальону или другой казачьей части Koriück 532.

84 BArch Freiburg. RH 2/2130. Bl. 152RS. Bandenlage im Monat März 1945. 6 April 1945; BArch Freiburg. RH 19-XV/7b. Bl. 246. Fernschreiben HGr Weichsel an HGr Mitte. 14 März 1945.

вился в Чехию. При этом доктор не хотел сдаваться американцам, а особенно англичанам, «описывая их отрицательные свойства». Под Карлсбадом остатки части расстались, причем Бейтельшпахер увел с собой 4-й эскадрон. Селиверстов предполагал, что доктор и его подчиненные отправились на советскую сторону, так как впоследствии в лагерях в Западной Германии он не встретил ни одного человека из этого эскадрона⁸⁵.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

ПРИЗЕМЛЕНИЕ

Вопреки высказываемой антипатии к англичанам через два месяца после окончания войны Бейтельшпахер оказался в британской зоне оккупации, в деревне Унтерштедт под нижнесаксонским Ротенбургом, где встретился со своей женой (возможно, именно туда она эвакуировалась из Кёнигсберга). Заполняя анкету, грозившую за ложную информацию «самыми строгими наказаниями» (*the most severe penalties*), Бейтельшпахер все же солгал, указав в качестве последнего места службы *Division z.b.V. 172*, находившийся во время войны в тылу или на западном фронте⁸⁶. Вряд ли он тогда подозревал, что останется в Нижней Саксонии до конца жизни.

Четыре года спустя, проходя процесс денацификации в Оснабрюке, он уже не скрывал факт своей службы в 43-м корпусе. Более того, набор честно перечисленных им наград, включающий нагрудный знак «За борьбу с бандами», мог заставить комиссию по денацификации догадаться, чем именно Бейтельшпахер занимался на оккупированной территории СССР. Но денацификаторов подобные детали вовсе не интересовали; с их точки зрения Бейтельшпахер не являлся убежденным национал-социалистом или профессиональным военным – а проверке подлежали лишь эти категории. Он был всего лишь химиком, и на этом основании его исключили из числа проверяемых персон. Более того, Бейтельшпахеру разрешили не платить пошлину в двадцать марок на том основании, что он фактически оказался неимущим⁸⁷.

Первые послевоенные годы действительно оказались нелегкими для семьи Бейтельшпахера, состоявшей уже из четырех человек (его вторая дочь родилась в 1944 году). Он попытался стать предпринимателем и производить гумус, но не преуспел

85 BArch Freiburg. MSG 149/59. Bl. 132.

86 BArch Berlin. ZA 11/ Örtliches Kontrollblatt P. 4. Beutelspacher, Hans. Как уже отмечалось, в Wehrmachtsauskunftsstelle не сохранилось никакой информации о службе Бейтельшпахера с 1941-го по 1945 год и, в частности, о его службе в XXXXIII A.K. Об этом свидетельствует датированный 27 марта 2020 года ответ на запрос, направленный одним из авторов в Федеральный архив Германии.

87 Fragebogen für die politische Überprüfung, Dr Hans Beutelspacher. 22 Juli 1949; NLA. Rep 980 № 33 853. Entnazifizierungsbescheid. 23 Juli 1949; Entscheidung in der Beschwerdesache. 20 September 1949.

**ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ**
КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

Entnazifizierungs-Hauptausschuß Tag des Eingangs: 23.7.1949
 Entnazifizierungs-Hauptausschuß
 in der Person
 Osnabrück

33853 Verfahrensakte

Name Dr. Beutelspacher Vorname Hans
 geb. am 20.9.1905 in Rosenfeld bei Odessa
 wohnhaft Osnabrück-Eversburg, Wippenmoor 10
 Beruf Betriebschemiker Arbeitgeber
 Verteidiger

nicht zu überprüfen

1) An Aussch. am
 2) Vom Aussch. gewich. 20.9.49
 3) Nachr. an Kasse
 4) Nachr. an Betr.
 5) Gebührenliste

Az. 902 VE 20255/49 Wiedervorlage:
 SpE
 Gebührenliste
 Nr. 10011

STAATSARCHIV OSNABRÜCK
 Rep 980
 Nr. 33853

2. AUG. 1949

Илл. 3. Обложка личного дела Бейтельшпахера о денацификации. Земельный архив Нижней Саксонии.

и был вынужден поступить в сельскохозяйственную исследовательскую лабораторию; семейство при этом продолжало ютиться в беженском бараке⁸⁸. Но, как и в 1930-е после Швейцарии, фортуна внезапно сменила гнев на милость, и несостоявшаяся денацификация вдруг стала поворотным пунктом в карьере нашего героя. Уже через месяц он устроился научным сотрудником в Институт биохимии почвы, входивший в состав Исследовательского института сельского хозяйства Брауншвейга⁸⁹. Директором этого учреждения был назначен

88 Fragebogen für die politische Überprüfung, Dr Hans Beutelspacher. 22 Juli 1949; NLA. Rep 980 № 33 853. Bescheinigung. 11 August 1949; Brief Beutelspacher an den Entnazifizierungsausschuss. 11 August 1949.

89 Universitätsarchiv Göttingen. Kur. 11 635. Personal- und Feststellungsbogen Hans Beutelspacher. 15 März 1955.

почвовед Вольфганг Фляйг, в соавторстве с которым между 1950-м и 1975 годами наш герой написал несколько десятков статей. Сюда же следует присовокупить и статьи, написанные Бейтельшпахером самостоятельно или с другими соавторами; общее число его публикаций приближается, вероятно, к сотне⁹⁰. «Коньком» ученого стала электронная микроскопия, с помощью которой он пытался внести свой вклад в почвоведение, причем, если судить по индексу цитируемости, это ему вполне удалось. Так, одна из последних работ Бейтельшпахера – возможно, его *opus magnum* – цитировалась более сотни раз, и ученые продолжают ссылаться на нее по сей день⁹¹.

В середине 1950-х брауншвейгский институт, в котором работал бывший нацист, установил контакты с советскими почвоведом. В начале 1958 года это учреждение по приглашению его немецкого руководства посетила советская специалистка по почвоведению Мария Кононова, оставившая благодарственную запись в гостевой книге. По-видимому, к тому моменту антибольшевистские настроения окончательно оставили Бейтельшпахера, так как он, благодаря знанию русского языка, радушно принимал и любезно опекал гостей и с удовольствием позировал с ними на фото⁹². В том же году в его переводе и с предисловием Фляйга на немецком языке вышла книга Кононовой «Гумусовые вещества земли»⁹³.

ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

Илл. 4. Доктор Бейтельшпахер (крайний справа) принимает советских гостей. Рядом с ним – профессор биохимии Мария Кононова, будущий лауреат Государственной премии СССР. Брауншвейг, ноябрь 1958 года. Частное собрание.

90 Более или менее полный список этих текстов имеется в распоряжении авторов.

91 См.: FLAIG W., BEUTELSPACHER H., RIETZ E. *Chemical Composition and Physical Properties of Humic Substances* // GIESEKING J. E. (Ed.). *Soil Components*. New York: Springer, 1975. Vol. 1. P. 1–212. Показатели цитируемости – по данным сайта www.semanticscholar.org.

92 Копии записи в гостевой книге и фотографии имеются в личном архиве авторов.

93 См.: KONONOVA M. *Die Humusstoffe des Bodens: Ergebnisse und Probleme der Humusforschung*. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1958.

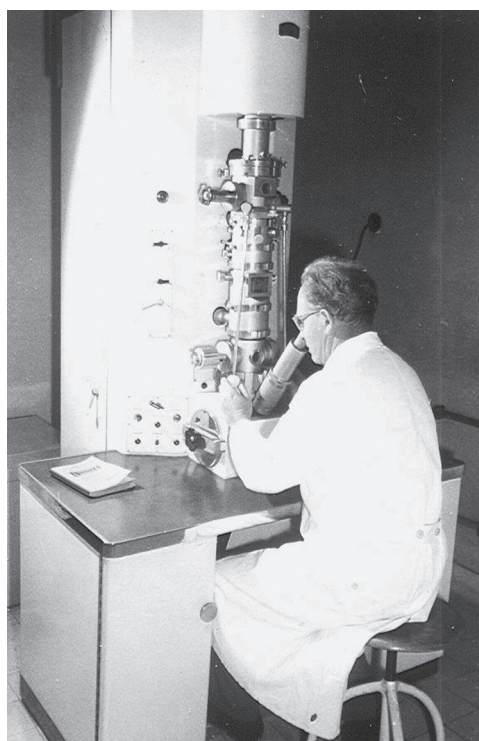
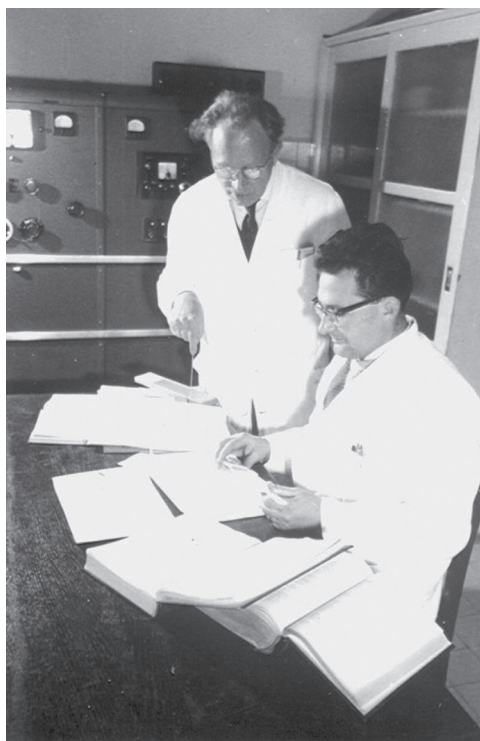
**ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ**

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

Илл. 5. Доктор Бейтельшпахер наставляет молодого коллегу. Брауншвейг, конец 1960-х. Частное собрание.

Илл. 6. Доктор Бейтельшпахер за электронным микроскопом. Частное собрание.

Но куда более удивительным, чем моральные метаморфозы Бейтельшпахера, кажется тот факт, что после войны почвовед-вешателя не разыскивали (или по крайней мере не смогли опознать) чекисты. Ведь военная карьера Бейтельшпахера началась в 1941 году с казни будущего Героя Советского Союза и до самого конца войны состояла исключительно из антипартизанских операций, бессудных расправ и сожженных деревень. Число жертв возглавляемого им батальона было четырехзначным; он обязательно должен был фигурировать как минимум в трех расследованиях военных преступлений в Тульской, Смоленской и Псковской областях. Нам остается лишь предположить, что и спецслужбы СССР порой искали не там, где нужно, а там, где светло.

В 1959 году Бейтельшпахер получил должность научного советника, что обеспечивало ему статус государственного служащего и гарантировало достойную пенсию⁹⁴. Он возглавлял отдел в Институте биохимии почвы. Коллеги запомнили его как авторитарного руководителя, который в то же время умел быть милым и не чурался застолий с молодыми учеными. Порой за рюмкой он вспоминал о войне или о детстве под Одессой,

⁹⁴ Universitätsarchiv Göttingen. Kur. 11 635. Brief Kurator der Georg-August Universität an die Forschungsanstalt für die Landwirtschaft. 28 Februar 1962.

но это напоминало слушателям гиперболизированные «охотничьи рассказы». О реальной «охоте на партизан» он, конечно, не распространялся. Бейтельшпахер ушел на пенсию в 1970-м, но еще несколько лет продолжал публиковать научные труды. Он умер в Брауншвейге 19 марта 1984 года⁹⁵. Одна из послевоенных фотографий изображает Ханса Бейтельшпахера, который сидит спиной к зрителю, всматривающимся в микроскоп. Удивительным образом это фото представляется своего рода метафорой его жизни: интересно, какое из его лиц мы увидели бы, обернись он сейчас, – увлеченного ученого или безжалостного убийцы?

**ОЛЕГ БЭЙДА,
ИГОРЬ ПЕТРОВ**

КРОВЬ И ПОЧВА:
ДВЕ ЖИЗНИ ДОКТОРА
БЕЙТЕЛЬШПАХЕРА

95 По данным телефонной беседы одного из авторов с госпожой R.R. 22 ноября 2018 года и письма, полученного авторами 20 апреля 2021 года из Государственного архива Брауншвейга, составленного на основе свидетельства о смерти № 828/1984 (E 34: S 490).

Второе задание: жизнь и смерть Веры Волошиной

Анатолий Борисович Воронин (р. 1967) – независимый исследователь-москвовед, автор книги «Москва 1941» (2016).

27 ноября 1941 года в штаб 19-го пехотного полка 7-й пехотной дивизии вермахта, дислоцированный в подмосковной деревне Головково, была доставлена задержанная девушка. «Просеивание» местного населения стало для немцев привычной рутинной, лишь усиливавшей и без того царившие в войсках с самого начала войны параноидальные настроения. Теперь, когда первый год войны стремительно катился к финалу, а немецкая армия безнадежно увязла в русской грязи, они стали повсеместными. Решительной победы под Москвой, кажется, не вышло.

Возможно, именно такие мысли досаждали Герману Пюркхауэру – командиру полка, вот уже два месяца пребывавшему в своей должности. Он разделял агрессивную подозрительность своих подчиненных: ему тоже кругом мерещились партизаны. Тем более, что вышестоящие штабы слали депешу за депешей, предупреждая о грозной опасности в прифронтовом тылу. Их сухие строчки как будто отмеряли будущие казни:

«В последнее время на многих участках отмечен заброс за линию фронта гражданских лиц и одиночных военнослужащих с целью систематического сожжения деревень за линией фронта. Еще раз обращаем внимание на то, что все гражданские лица, выявленные в зоне боевых действий глубже рубежа Грибцово – Дорохово, должны беспощадно расстреливаться»¹.

С самого утра командиру донесли, что ночью, в двадцати километрах западнее Головково, кто-то поджег три дома в деревне Петрищево. А теперь еще и эта «ружейная баба»!²

ПОЛКОВНИК И ПАРТИЗАНКА

При обыске у одетой в солдатскую шинель неизвестной были изъяты компас и револьвер. Представившись «Верой Горой», девушка заявила пленителям, что работала артисткой массовки на съемках фильма о советских женщинах на фронте и в тылу.

1 National Archives and Records Administration (NARA). T. 315. R. 1561. F. 528. Besondere Anordnungen, 197. Infanterie Division, Abt. Ia, Div. Gef. St., den 23. November 1941.

2 *Flintenweiber* (нем.) – уничижительное прозвище, применявшееся в германской армии в отношении женщин-красноармеек.

Рассказ был похож на правду. Но над немецким полковником довлел приказ. Веру подвергли пыткам – у немцев это лукаво называлось «жесткими мерами допроса», – после чего она созналась, что является членом группы, брошенной за линию фронта для дезорганизации немецкого тыла. В конечном счете, вытянутое зверскими побоями признание стоило задержанной жизни.

Подобно многим офицерам и солдатам вермахта, 44-летний полковник Пюркхауэр, распорядившийся жизнями чужих ему «восточных людей», считал, что «просто выполняет свою работу». Этот баварец, являясь вполне типичным кадровым военным, встретил Первую мировую войну курсантом, воодушевляемым горячим национальным чувством. Через несколько лет лейтенант Пюркхауэр, командир роты, оказался во французском плену. Баварские соединения славились своей выправкой, и после войны ему удалось попасть в одно из таких – в 7-ю пехотную дивизию³. Патриотизм миллионов немцев был болезненно уязвлен поражением «второго рейха» и ничтожеством веймарской реальности; именно этот расклад вывел на первый план Гитлера и его группу. Аккуратист, приученный к беспрекословному исполнению приказов, Пюркхауэр, вне всякого сомнения, принадлежал к числу одобренных утверждение нового порядка.

Однако порядок сменился войной. Словно в плохо смонтированном кино, перемежались кадры чужих лесов, повсеместной нищеты и смешавшихся воедино деревенских стоянок. Девушка Вера была лишь маленькой частью этого ландшафта, и потому Пюркхауэр вряд ли подумал о судьбе своей посланной на смерть пленницы дважды. Она ведь сама созналась, что является партизанкой; да, он знал, что методы установления правды были негуманными – но идет война. С крыльца штаба казненную хорошо было видно: тело висело на придорожной иве, а рядом была прибита табличка, сообщавшая, что убитая входила в группу «поджигателей». Демонстративные зверства были призваны утратить местное население, но крестьяне на недавней казни почти не присутствовали: жители деревни Головково либо попрятались в лесах, либо же загодя ушли подальше на запад, как было предписано немцами. С точки зрения полковника думать тут было не о чем – рутина восточного похода, столь же обыденная, как и рапорт, который теперь требовалось подать наверх.

Обстоятельства задержания Веры Горы, жестокого допроса и вынесения приговора полковник Пюркхауэр аккуратно зафиксировал в «докладе о допросе», один из экземпляров которо-

3 Bundesarchiv Militärarchiv Freiburg (BArch MA). Msg 109/2046. Biografie des Generalmajors Hermann Pürckhauer.

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН

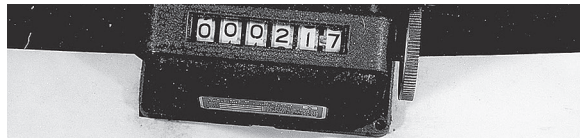
ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН
ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

Илл. 1, 2. «Доклад о допросе» Веры Горы (Волошиной), подготовленный полковником Пюркхауэром. NARA. T. 315. R. 1924. F. 217-218.

го был им направлен в соседнюю, 292-ю, пехотную дивизию⁴. Спустя восемь десятилетий этот документ станет ниточкой, позволившей детально расследовать гибель советской партизаники⁵. Тело Веры оставалось на импровизированной виселице до отхода немецких частей; для гитлеровцев подобные декорации бесчеловечности были нормой в извращенном мире оккупированных «восточных территорий», а также способом своеобразного варварского бахвальства перед солдатами и офицерами соседних подразделений. Среди последних, кстати, были и коллаборационисты из Легиона французских добровольцев – и они любили фотографировать мертвую натуру.

Abtschrift !
Infanterie - Regiment 19
Abteilung Ia
Rgts.Gef.St., den 28.11.41

Bericht über die Vernehmung der Wera Gora, geboren in Kemerowo bei Nowo Sibirsk, 21 Jahre alt, Beruf: Studentin in Moskau.

Im Abschnitt des III./R.19 wurde am 27.11. - 8.00 Uhr die vorgenannte Frau festgenommen. Sie trägt Uniform und Uniformmantel, war bewaffnet mit einer Pistole und ausgerüstet mit Kompaß.
Bei Beginn des Verfahrens gab die G. an, Angehörige einer Filmartistengruppe zu sein, die am 21.11. über Kunzewo (9 km westl. Moskau) an die Front südlich der Seen-Engel transportiert worden sei. Die Uniformierung und Bewaffnung war im Gebäude der Orts-B.K.W. (jetztige Abteilung für G.P.U.) durchgeführt worden. Zweck der von mehreren Filmoperatoren begleiteten Expedition sei die Anfertigung eines Propaganda-Films gewesen, der die Arbeit weiblicher Soldaten hinter und an der Frontlinie zeigen sollte. Diese Aussage erschien zunächst auf Grund der geschickerten Einzelheiten durchaus glaubwürdig und wurde hartnäckig aufrechterhalten. Erst nachdem sie einen Widerspruch überführt war und nach Anwendung scharfer Zwangsmethoden legte sie folgenden Geständnis ab:
In Moskau werden ab 19.11. 41 zahlreiche Studenten, Studentinnen und andere Angehörige geistig gebildeter Schichten mit oder ohne Zwang zusammengefaßt und zur G.P.U.-Schule in Kunzewo gebracht. Dort finden ständige Lehrgänge mit einer Teilnehmerzahl von durchschnittlich 150 Personen beiderlei Geschlechts statt. In kurzfristigen Lehrgängen wird der Gebrauch und der Umgang mit Brandflaschen enthaltenden Flaschen, die Orientierung mit Kompaß usw. gelehrt. Nach drei Tagen wurde der Lehrgang in Gruppen von meist 20 Personen aufgeteilt. Ihre Gruppe bestand aus 11 jungen Frauen und 6 Männern. Die Gruppe wurde zusammen mit einer anderen Brandgruppe in blauen bzw. der G.P.U. auf der Rollbahn zunächst nach Kabinke geschafft. Die zweite Gruppe zeigte dort in die Gegend nördlich der Rollbahn ab, näherer Verbleib unbekannt. Die Gruppe der G. wurde weiterbefördert nach Obuchowo. Die Gruppe der G. wurde geführt von einem Leutnant der russischen Luftwaffe. Jeder Angehörige war ausgerüstet mit 4 Molotow-Cocktails, Pistole mit Munition, Kompaß und Rucksackverpflegung für 7 Tage. Die schon im Lager Kunzewo bekommenen und gelehrte Aufgabe war das Anzünden und Zerstören solcher Ortschaften, hinter der deutschen Frontlinie, die als Truppenunterkünfte dienen. Diese Arbeit soll so durchgeführt werden, daß sich die Gruppe in der Nacht auf den ganzen Ort verteilt wobei jeder je nach Größe des Dorfes ein oder zwei Häuser anzuzünden hat. Die brennenden Glasflaschen erhalten eine nach dem Zerspringen sofort brennende Flüssigkeit; besondere Zündung durch Feuer, Handgranate usw. ist nicht nötig.
Die Gruppe der G. hatte den Auftrag den Ort B. Semenuachi in Brand zu setzen, anschließend daran möglichst viele weiter westlich gelegene Orte. Als Sicherung für das Hinübergehen hinter die deutsche Frontlinie wurden der Gruppe von einem in Obuchowo gelegenen Stab 20 Soldaten zur Bedeckung beigegeben. Die Führung dieser Gruppe hatte ver-

sagt, da man schon kurz nach dem Überschreiten des Flusses mit deutschen Gefechtsvorposten in Berührung und Schußwechsel kam. Hierdurch wurde die Gruppe, deren offizielle Bezeichnung - Das Brandkommando - lautet, auseinandergeprengt. Nach Aussage der G. sollen in Moskau laufend Aushebungen für die Brandstifterschule in Kunzewo stattfinden, ferner sollen dauernd Transporte einzelner Gruppen an die Frontlinie abgehen. Diese Gruppen sind meist uniformiert; in jeder Gruppe sollen jedoch mehrere Frauen und Männer Zivilkleidung tragen.
Daß die Frau nach Ansicht des Regiments als Partisanin zu betrachten ist wird sie erschossen und zur Warnung aufgehängt mit einer Tafel: - Diese Mädchen war Angehörige einer Brandgruppe -

gez. Pürkhauser.
7. Division
Ic
Div.Gef.St., den 29.11.41
An
292. Division -Ic-
in Abschrift zur Kenntnis.
Für das Divisionskommando
Der erste Generalstabsoffizier
J.A.
Hauptmann.

4 NARA. T. 315. R. 1924. F. 217-218. Bericht über der Wera Gora, geborgen in Kemerowo bei Nowo Sibirsk, 21 Jahre alt, Beruf: Studentin in Moskau. Infanterie – Regiment 19, Abteilung Ia, Rgts. Gef. St., den 28. November 1941.

5 Документ обнаружен и переведен независимым исследователем Сергеем Вершининым (<https://ahistory.info/document/1790>).

Дикие привычки агрессоров из 1941-го позволяют нам, людям сегодняшнего дня, восстановить эту трагическую историю в деталях. Дело в том, что к немецкому докладу о допросе Веры Горы теперь добавились сделанные оккупантами фотографии тела казненной – всего их три. Первая осела в архиве Кеньон-Колледж в США⁶. На обороте надпись: «Предводительница банды в Головково. Декабрь 1941». Вторую по случаю приобрел рязанский историк Александр Никитин. На ней немецкие военнослужащие разглядывают повешенную. На третьей в объектив попала прибитая к иве табличка с надписью на русском: «Эта девушка была членом группы поджигателей, такая же участь ожидает тех, кто поджигает...» К сожалению, отследить перемещения третьей фотографии сложнее: выкупленная неизвестным коллекционером, она осела в безымянном собрании, а доступное нам изображение оказалось невысокого качества. Полностью надпись на ее обороте не разобрать, но ее начало совпадает с резолюцией подписанного Пюркхауэром бессудного приговора.

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН

ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

Илл. 1, 2. «Доклад о допросе» Веры Горы (Волошиной), подготовленный полковником Пюркхауэром. NARA. Т. 315. R. 1924. F. 217–218.

ДЕВОЧКА ИЗ СИБИРИ

1 августа 1919 года в сибирском Щегловске, в семье Николая Хохолкова и его жены Клавдии, на свет появилась девочка. Раздираемая гражданской войной страна пока еще помнила о традициях, и 11 августа ребенка окрестили и нарекли Верой⁷. Отец Веры рано ушел из жизни, и уже летом 1921 года ее мать вышла замуж за Даниила Волошина⁸. Новый муж принял девочку как свою и удочерил ее, хотя она и впредь продолжала называть его «дядей Володей». Вера росла как обычный советский ребенок. Вскоре ее поколению суждено будет пройти через чудовищную бойню войны, но пока вокруг кипела новая жизнь, бурно прораставшая сквозь старые устои. Тон в ней задавали любящая мама и строгая бабушка, школьные занятия и спортивные секции, комсомольская работа и верные друзья. Довольно рано у Веры появились собственные достижения: так, на городских соревнованиях среди школьников 1936 года она заняла первое место по прыжкам в высоту⁹. Среди друзей юности выделялись

6 Kenyon College. Bulmash Family Holocaust Collection. 2019.2.93. На обороте фотографии надпись «Bandenführerin in Golowkowo. Dezember 1941» (<https://digital.kenyon.edu/bulmash/1469>).

7 Государственный архив Кузбасса (ГКУ ГАК). Ф. Д-60. Оп. 6. Д. 347. Л. 154–155. Выписка из метрической книги Щегловской Никольской церкви о рождении (1 августа 1919 года) и крещении (11 августа 1919 года) В.Д. Волошиной, г. Щегловск.

8 ГКУ ГАК. Ф. Р-1239. Оп. 1. Д. 188. Л. 143. Запись о бракосочетании Волошина Даниила Степановича и Хохолковой Клавдии Лукьяновны в книге регистрации записей о браке отдела ЗАГС Щегловского уездного исполкома 1921 года.

9 Кузбасс. 1936. № 153. 11 августа. С. 4.

парни – Юра Двужильный и Петя Гора. Окончив школу, Юрий поступил в Ленинградский институт гражданского воздушного флота на факультет аэродромного строительства, а Петр – сын директора Кемеровского коксохимического завода – начал работать учителем истории в том же Кемерове. В 1937 году, получив направление в Московский институт физкультуры (ГЦОЛИФК), Вера успешно выдержала экзамен и была зачислена в студенты.

Вере нравилось учиться, а попутно и возвращаться в пестрой и необычной столичной жизни. Впрочем, советская молодежь, как и большинство граждан СССР, жила скромно, если не сказать бедно. Из дома приходили небольшие переводы, а обратно шли посылки с тем, чего нельзя было купить в Кемерове: там были нитки для мамы, калоши для бабушки и тому подобный «дефицит».

«В каникулы у меня тоже денег мало, если что-нибудь [бы] купила, я бы совсем голодной была. Я и так уже занимала».

«28-го пошла с одним парнем на концерт в Колонный зал. [...] Я была в своем шерстяном платье, в черных чулках и Валькиных туфлях (мои совсем продырявились)»¹⁰.

«Только что пришли с концерта из Большого зала Консерватории. Сегодня почти всех знаменитых артистов видала»¹¹.

Но потом вдруг происходит несчастье: внезапная болезнь – грипп, давший осложнения на суставы, – губит ростки первых спортивных достижений: «Мама, я совсем поправилась от ревматизма, но у меня очень большое малокровие и порок сердца. А так чувствую себя очень хорошо»¹². Так или иначе, на учебе в ГЦОЛИФК был поставлен крест: пришлось все начинать сначала. Столь же резкие повороты происходят тогда и судьбах Вериных друзей. Отец Петра Горы, попав в жернова репрессий, был арестован, наспех осужден и в 1938 году расстрелян¹³. Петр к тому моменту уже был студентом Московского педагогического института; если бы отца репрессировали раньше, ему не удалось бы туда поступить. Юрий Двужильный ушел добровольцем на «зимнюю войну» с финнами, где стал героем: распределенный в лыжный батальон, он спас раненого товарища и получил орден Красного Знамени.

Вера не сдавалась. Поступила в Московский институт советской кооперативной торговли, на торгово-экономический фа-

10 ГКУ ГАК. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 35. Л. 7. Письмо Веры Волошиной матери, без даты.

11 Там же. Л. 1. Письмо Веры Волошиной матери, без даты.

12 Наро-Фоминский историко-краеведческий музей (НФИКМ). Документ № 313. Письмо Веры Волошиной матери, 3 июля 1938 года.

13 Василий Борисович Гора (1884–1938) был приговорен к «высшей мере наказания» 4 июля 1938 года выездной сессией военной коллегии Верховного Суда СССР и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1959 году.

культет. Вместе с новыми подружками – Ниной Цалит, Мариной Солиной и Валей Пичкур (именно та одалживала ей туфельки) – девушка жила в общежитии на Волоколамском шоссе, недалеко от станции метро «Сокол». Рутинная жизнь высасывала силы и средства: «Мама, я здорова, вы не беспокойтесь. Работать я устроилась закройщицей, об этом я вам писала. Время летит ужасно быстро. Пройдут лекции, иду на работу, приходишь, поешь и спать»¹⁴. В стране шестидневка, а потому лишь в единственный выходной Петя Гора и мог навеститься к своей подруге юности. В сентябре 1938 года она пишет:

«Вы спрашиваете про Петро Гора. Он здесь, в Москве, учится в педагогическом институте. Каждый подвыходной или выходной приезжает к нам. Что с его матерью? Он очень много пережил, и от прижженного самоубиенного Петро ничего не осталось»¹⁵.

Похоже, жизнь Веры опять налаживалась: новые подруги, старые друзья и снова концерты, кинозалы, праздники. Вот, что девушка пишет родным в ноябрьские праздники 1940 года:

«Ходили сейчас с Ниной по Москве, по площадям. Что творится! На каждой площади танцы, пляски, выступления джаз-оркестров, концерты. Шуму, жуть. Все хохочут, поют. Это днем, а что будет вечером и ночью. Москва уже который день не спит. В институте у нас то же самое. Вчера были на демонстрации. День был замечательный, солнце, тепло. Мама, если бы вы знали, как хороша Москва в праздничные дни. А как вы встречали праздник? Наверное, ничего нет покушать, а здесь магазины ломаются, все-таки еще у нас неправильно обстоит дело в этой области»¹⁶.

В 1940 году в ее жизнь вошел Владимир Карпов – выпускник кинооператорского факультета ВГИКа. Скорее всего он тоже жил в Ленинградском районе, где-то рядом с общежитием Веры, и, подобно ей, ездил гулять в Серебряный бор. Именно там он сделал серию фотографий девушки. Во время совместных прогулок молодой человек неизменно делился рассказами о съемках, о работе операторов и артистов, о статистах и массовке. В конце октября, окончившего киноинститут, «Вовку», как она его называла, призвали в армию¹⁷. Путь Карпова лежал на Крайний Север, в авиационную разведку. Специфика службы – аэрофотосъемка, расшифровка снимков, обозначение позиций и укреплений противника, предназначавшихся

14 ГКУ ГАК. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 35. Л. 9. Письмо Веры Волошиной матери, 30 октября 1940 года.

15 НФИКМ. Документ № 314. Письмо Веры Волошиной родным, 24 сентября 1938 года.

16 НФИКМ. Документ № 316. Письмо Веры Волошиной родным, 8 ноября 1940 года.

17 Там же. Владимир Карпов был призван РВК Ленинградского района Москвы 31 октября 1940 года. См.: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 118. Оп. 83 286с. Д. 19 (https://pamyat-naroda.ru/heroes/isp-chelovek_spisok8324324/).

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН
ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

для бомбовых ударов, – требовала, очевидно, секретности, но это не мешало общению Карпова с Верой: они переписывались вплоть до октября 1941 года. Естественно, он не мог поведать девушке, чем на самом деле занимается, а потому Вера была уверена, что «Вовка за Полярным кругом в действующей армии снимает кадры для новых боевых киноборников»¹⁸. А что же Юра Двужильный? «Мама, если увидите Нину [сестру Юрия], спросите, где он, учится или нет», – интересовалась Вера в письме 8 ноября 1940 года¹⁹. Получается, что переписки со старым школьным товарищем у нее не было, а чем парень занимается, она не знала.

*Илл. 3. Вера Волошина
в Серебряном бору
в 1940 году. Фото
Владимира Карпова.
ГКУ ГАК. Ф. Р-1215.
Оп. 9. Д. 29.*

18 ГКУ ГАК. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 35. Л. 20 об. Письмо Веры Волошиной матери, 15 октября 1941 года.

19 НФИКМ. Документ № 316. Письмо Веры Волошиной родным, 8 ноября 1940 года.

ШИНЕЛЬ ВМЕСТО ПЛАТЬЯ

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН

ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

Лето 1941 года, вот-вот начнется война. Вера вместе с подругой Ниной Цалит – в райпотребсоюзе в Загорске, на производственной практике. Здесь девушка приобрела белое шелковое – какой шик по советским временам! – платье; возможно, это был свадебный наряд. В изученной нами переписке с матерью об избраннике ни слова, как и о планах выйти замуж:

«Я здоровая, пока еще в Загорске, но 30-го еду в Москву. [...] У нас институт взяли под госпиталь. Я пока не знаю, где буду жить и что делать. Пока домой приехать не могу. Из Московской области никого не выпускают. По первой возможности приеду. На посланные деньги [250 рублей²⁰] я купила дяде Володе две рубашки, трусы, вам рейтузы и еще на платье. Расплатилась с долгами. Мамуш, вы обо мне не беспокойтесь. Я пока где-нибудь устроюсь работать»²¹.

Георгий Фролов, официальный биограф Веры считал, что именно Юрий Двужильный должен был стать мужем Веры. Но анализ писем показывает, что это предположение необоснованно: она по-прежнему ничего о нем не знает. «Мам, если можете, узнайте, где Юрка, опять, наверное, заработает орден. Он в этом отношении ненормальный. [Его сестра] Нина от него что-нибудь получает?» – спрашивала она в своем последнем письме домой. А вот с Владимиром Карповым переписка продолжается, и, вероятно, именно о нем она пишет матери 31 августа 1941 года:

«Кроме [вашей] телеграммы, оказалось еще письмо, я его вам посылаю, почитайте. Вот видите, о вашей дочери еще кое-кто заботится. Мамуш, если от этого парня будет какое-нибудь письмо, вы отвечайте на него, я ему дала ваш адрес, а то, может быть, меня куда-нибудь опять вышлют. Этот парень очень любит меня»²².

Но вернемся в начало июля:

«Институт никого никуда не отпускает. С 1-го августа начинаем заниматься. Институт кончаем в феврале. Но это все еще вилами на воде писано. [...] Сегодня целый день бродили по Москве, искали постоянную работу. Завтра пойдем на завод, поступим токарями на место ушедших на фронт»²³.

Но вместо резца у Веры в руках оказывается лопата: 3 июля она выехала на оборонительные работы под Брянск. Это на-

20 Сумма в 250 рублей упоминается в следующем письме, отправленном с оборонительных работ в июле 1941 года (ГКУ ГАК. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 35. Л. 15).

21 Там же. Л. 12. Письмо Веры Волошиной матери, 25 июня 1941 года.

22 Там же. Л. 16. Письмо Веры Волошиной домой, 31 августа 1941 года.

23 Там же. Л. 13. Письмо Веры Волошиной домой, 2 июля 1941 года.

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН
ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

всегда прерывает общение с Петей Горой: тот в качестве командира студенческого отряда Московского пединститута уезжает рыть противотанковые рвы где-то в Смоленской области. В будущем его карьера пойдет вверх, и это, несмотря на расстрелянного отца: после окончания войны Петр Гора станет ученым-историком, проректором Московского государственного педагогического университета (МГПУ) и даже создаст собственную методическую школу преподавания.

*Илл. 4. Вера Волошина
в 1941 году. ГКУ ГАК.
Ф. Р-1215. Оп. 9. Д. 29.
Л. 2.*

В августе Вера и ее подруги, как и было запланировано, вернулись к учебе. Несмотря на войну, жизнь не стояла на месте: им предстояли курсовые работы, а в феврале – выпускные экзамены. Но совсем не участвовать в боевых и тыловых тяготах было невозможно:

«Наши ребята сейчас на фронте. Двое уже ранены, лежат в госпитале. Я стала донором. Организм ничего не теряет, если отдать двести граммов крови. Через несколько дней он ее опять восстанавливает. Эти капли крови, может быть, спасут человеческую жизнь, а она очень дорога. Мы занимаемся по семь часов. Спать приходится ложиться рано, потому что света в институте у нас нет, встаем тоже рано, как старушки»²⁴.

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН

ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

Немецкий бросок на Москву, пусть и утонувший в распутице, привел к закрытию Кооперативного института и его эвакуации в поселок Или Алма-Атинской области Казахской ССР²⁵. Но вместо экзаменов Вера с Ниной Цалит оказались в Центральной разведывательно-диверсионной школе при ЦК ВЛКСМ. Это было диверсионное отделение Разведотдела штаба Западного фронта, иначе известное как «хозяйство Спрогиса», названное так в честь командира, латыша Артура Спрогиса. Документы не рассказывают ни о том, как Вера попала «на хозяйство», ни о том, как она проходила отбор. Возможно, она просто обратилась в Ленинградский районный комитет ВЛКСМ²⁶ – райком, к которому был приписан Кооперативный институт, – вслед за подружкой. Цалит вспоминала, что хотела уйти воевать сразу после 22 июня, но «в военкомате не понравилась [ее латышская] фамилия и не взяли»; однако, когда в институте объявили об эвакуации, решила: «не поеду в Казахстан, я лучше пойду на войну». Секретарь комсомольской организации упомянула, что в ЦК комсомола набирают группу добровольцев, и Нина Цалит – дочь латышских политэмигрантов – была сразу принята Спрогисом. Следом за ней отбор прошла и Волошина²⁷.

Вера сообщает об этом домой как бы между прочим, в конце письма: «Мама, мой адрес (только не пугайтесь): Полевая станция 736 п/я 14, майору Спрогису для меня»²⁸. В другом письме немного уточняет – с жутковатым окончанием:

«Мамуш, институт мне кончить не удалось, но я его кончу после войны. Я сейчас на фронте, мамочка. Только не волнуйтесь, ничего страшного нет, и потом, смерть бывает только один раз»²⁹.

Было, чем похвастаться и своим соседкам по комнате в общежитии Марине и Вале: «Если вы сейчас вооружены лопатой,

24 Там же. Л. 18. Письмо Веры Волошиной домой, 4 сентября 1941 года.

25 *Российский университет кооперации: летопись кооперативного ВУЗа 1941–1945 гг.* (www.ruc.su/news/detail/113306/).

26 В наградном листе Нины Цалит указано, что она пришла в воинскую часть 9903 добровольно через Ленинградский районный комитет ВЛКСМ: ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682 524. Д. 287. Л. 302. Наградной лист Цалит Нины Ивановны, 14 февраля 1942 года.

27 *Воспоминания Цалит Нины Ивановны* (www.moypolk.ru/soldier/calit-nina-ivanovna-1).

28 ГКУ ГАК. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 35. Л. 18, 20. Письмо Веры Волошиной матери, 15 октября 1941 года.

29 Фролов Г.Н. *Вера Волошина. Юрий Двужильный. Документальные повести.* М.: Воениздат, 1987. С. 116.

то мы с Нинкой наганом, гранатой и еще кое-какими вещами. Нам выдали все обмундирование. Так что из нас получились brave ребята»³⁰. Подготовка сводилась к трехдневному минимуму, включавшему «обращение с бутылками с зажигательной смесью» и «ориентирование при помощи компаса»³¹; затем следовала проверка боем – переброска за линию фронта на 7–14 дней. Основной расчет делался на довоенную подготовку и выносливость скороспелых диверсантов. Естественная убыль была жестокой реальностью: тех, кто не справился, быстро заменяли вновь прибывшими – в расчете на то, что следующая партия сдаст рискованный экзамен. Вернувшиеся получали несколько недель отдыха и возможность дальнейшего обучения. В первый раз Вера вернулась живой, однако об этом выходе за линию фронта мы знаем только в общих чертах. Ее отряд действовал с 21 октября по 6 ноября 1941 года в Калининской (ныне Тверской) области, в районе Старицы, где устраивал диверсии на транспортных коммуникациях вермахта³². После возвращения участники группы были вознаграждены короткой поездкой в Москву, после чего вновь занялись тренировочными занятиями и подготовкой к новому выходу на «ту» сторону. Для Веры предстоящее второе задание окажется последним.

ЗАЖИГАТЕЛЬНАЯ СМЕСЬ

15 ноября начался второй этап немецкого наступления на Москву. Фронт 16-й армии был прорван под Волоколамском, и положение становилось поистине отчаянным. 17 ноября Ставка Верховного главнокомандующего издала директиву № 0428, известную также как «гони немца на мороз». В документе говорилось:

«Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом – такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии»³³.

Практику выполнения этого приказа можно не пояснять. Штаб 5-й армии сразу же конкретизировал приказ Ставки.

30 ГКУ ГАК. Ф. Р-1353. Оп. 2. Д. 21. Л. 2. Письмо Веры Волошиной Марине Сониной, 20 октября 1941 года.

31 NARA. T. 315. R. 1924. F. 217–218. Bericht über der Wera Gora, 28 November 1941.

32 Фролов Г.Н. *Указ. соч.* С. 128–134.

33 ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 111. Л. 21, 22. Цит. по: *Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5-1). Ставка ВГК, 1941 г. Документы и материалы.* М.: Терра, 1996. С. 299–300.

В частности, Разведотделу, вместе с Особым отделом НКВД и партизанским отрядом, предписывалось разрушить «населенные пункты вдоль шоссе Дорохово – Симбухово на участке Дорохово – Колодкино (Грибцово, Усатково, Петрищево, Мишкина [Мишинка], Архангельское, Головкино, Никольское, Колодкино)». Артиллерии и «катюшам» 32-й стрелковой дивизии предписывалось поражать цели в районе Скугорово, Крюково, Маурино и Пашково³⁴. 20 ноября несколько диверсионных групп Спрогиса получили задачи «сожжения населенных пунктов в тылу противника, которые занимают или в которых могут находиться части противника»³⁵. На выполнение этого задания отводилось 5–7 дней с момента пересечения линии фронта.

В одну из таких групп в составе десяти человек были зачислены Вера Волошина и Зоя Космодемьянская. Их командиром стал восемнадцатилетний ярославский комсомолец Павел Проворов³⁶. Перед партизанами была поставлена задача сжечь десять населенных пунктов, занятых врагом³⁷. Командиром другой группы с аналогичным заданием, но с иным списком деревень³⁸ стал Борис Крайнов³⁹. На допросе Вера рассказала своим мучителям, что «каждый из участников был оснащен четырьмя “коктейлями Молотова”, пистолетом с комплектом патронов, компасом и запасом еды (в вещмешке) на семь дней»⁴⁰. Обе группы должны были вместе переходить линию фронта, после чего разделиться и начать действовать самостоятельно. После захода в деревню и рассредоточения каждый боец должен был поджечь по одному или два дома.

21 ноября, к трем часам пополудни машины с диверсантами подтянулись к деревне Обухово, где расположился штаб 322-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии. К тому моменту фронт пришел в движение: 7-я и 197-я пехотные дивизии вермахта перешли в наступление и отодвинули 19-ю и 32-ю стрелковые дивизии на десяток километров на восток. Советская линия обороны переместилась за Нарские пруды, немцы занимали уже другие деревни, а намеченные под сожжение населенные

34 ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 38. Л. 280–284. Приказ командарма 5-й армии № 272, 8 ноября 1941 года.

35 ЦАМО. Ф. в/ч 9903. Оп. 8066. Д. 6. Л. 116. Задание группе в составе [10] человек под командованием ст. группы т. Проворова и зам. Голубева, 20 ноября 1941 года.

36 Павел Сергеевич Проворов (1923–1942) – направлен в распоряжение капитана Спрогиса Ярославским обкомом ВЛКСМ в составе группы из 37 человек. Погиб в бою в Кармановском районе Смоленской области 27 февраля 1942 года.

37 В список входили Анашкино, Петрищево, Ильятино, Пушкино, Бугайлово, Грибцово, Усатково, Грачево, Михайловское, Коровино (ЦАМО РФ. Ф. в/ч 9903. Оп. 8066. Д. 6. Л. 116).

38 «Ястребово, Никольское, Богородское, Архангельское, Златоусово и другие» (Лота В.И. *Секретный фронт Генерального штаба*. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 310).

39 Борис Сергеевич Крайнов (1923–1943) – секретарь Ярославского горкома комсомола, направлен Ярославским обкомом ВЛКСМ в распоряжение капитана Спрогиса в составе группы из 37 человек. В 1943 году откомандирован в действующую армию, погиб 5 марта в районе Старой Руссы.

40 NARA. T. 315. R. 1924. F. 217–218. Bericht über der Wera Gora, 28 November 1941.

пункты оказывались еще глубже в немецком тылу – и значит, увеличивался риск того, что с задания группа не вернется. Но приказы не обсуждают.

Советские бойцы проводили контратаки и вели разведку ранее оставленных позиций. В этих тяжелых условиях диверсанты пошли за линию фронта, использовав «вход» у деревни Большие Семеньчи. Группе были приданы двадцать солдат боевого охранения, но при переходе через реку Нару сопровождающие напоролись на немецкую разведку. Последовала перестрелка, группа охранения отошла, а партизаны продолжили продвигаться на запад самостоятельно. Вскоре в районе дороги Дютьково – Маурино они вновь наскочили на немецкий патруль, после чего разделились на маленькие по численности «спайки».

Для осени 1941 года такая ситуация была нередкой. Алексей Голубев⁴¹, ставший командиром такой группки, куда вошла и Вера Волошина, описывал хаотичные встречи в лесу с отколовшимися от другой группы советскими диверсантами. О том же отчитывался и Борис Крайнов:

«При обстреле в районе дороги Дютьково – Маурино кроме охранения, отстали четыре человека. [...] В моей группе остались Крайнов, Булгина, Щербачков, Булгина [фамилия Булгиной повторяется дважды, вероятно, имелась в виду Лебедева. – А.В.]. Задачу, которую мне поставили, с этим составом выполнить не мог. Решил соединиться с группой Проворова, в которой было шесть человек. Итого у нас было десять человек. Было решено выполнить задачу этой сборной группой»⁴².

В группе Проворова–Крайнова оказалась Зоя Космодемьянская. Через несколько дней она вместе с Борисом Крайновым и еще одним диверсантом, Василием Клубковым⁴³, уйдет в свой последний бой к деревне Петрищево.

МОЛЧАЩИЙ СНЕГ

То, что командиры групп Проворов и Крайнов оказались вместе, еще полбеды – куда хуже было то, что лишь у них двоих имелись карты местности, а потерявшиеся остались без них.

41 Алексей Федорович Голубев (1923–?) – заместитель командира группы Проворова. Направлен в распоряжение капитана Спрогиса Ярославским обкомом ВЛКСМ в составе группы из 37 человек.

42 ЦАМО РФ. Ф. в/ч 9903. Оп. 8453. Д. 4. Л. 139. Отчет Бориса Крайнова, 1 декабря 1941 года.

43 Василий Андреевич Клубков (1923–1942) – входил в группу Павла Проворова, был захвачен в плен в районе Петрищево. Согласно материалам уголовного дела, Клубков выдал Зою Космодемьянскую, а после был направлен немцами в советский тыл для сбора информации о частях Красной армии. 3 апреля 1942 года военный трибунал Западного фронта приговорил его к расстрелу. Позже материалы дела оспаривались, но в реабилитации Клубкова было отказано.

«Действовать в тылу не могли, так как не было карты», – позже констатировал Алексей Голубев⁴⁴. Его подчиненные, и Вера среди них, застряли в лесу между Большими Семеньчами, Радчино и Головково. Это был ближний тыл немецких войск. Не ориентируясь на местности, молодые партизаны мало что могли предпринять. В окрестностях Радчино они попытались провести разведку, отправив 16-летнего Николая Морозова в деревню, но тот с задания не вернулся⁴⁵. Выданный на неделю паек быстро заканчивался, и поэтому было решено возвращаться к своим.

По какой-то неизвестной причине группа, возглавляемая Голубевым, пошла не прямо назад, на восток, а на север, то есть вдоль немецких позиций, огибая Нарские пруды. 27 ноября, далеко за полночь диверсанты перешла дорогу между деревней Якшино и совхозом Головково. Светила луна, и на снегу отчетливо виднелись следы прошедших недавно машин и танков. На всякий случай партизаны заложили под снег несколько мин. Произошедшее в следующие несколько минут Георгий Фролов позже описывал так:

«Вдруг из-за поворота дороги неожиданно раздалась автоматная очередь, за ней другая, третья. Под огнем неприятеля группа отошла за дорогу. На поляне остались Вера Волошина и танкист-окруженец... Наташа видела, как Вера, взмахнув рукой, молча упала в снег. И еще запомнилось, как при свете луны блеснуло на ее руке стеклышко компаса, с которым Вера никогда не расставалась. Вскоре стрельба утихла. Слышно было, как взрели моторы, и их рокот стал удаляться в сторону совхоза, пока не затих совсем. Наташа [Самойлович] с двумя бойцами ушла в разведку. На поляне они нашли убитого танкиста. Веру найти не удалось. Только темнели на снегу пятна ее крови. Гибель товарищей глубоко всех потрясла»⁴⁶.

В официальном партизанском отчете все суше и проще: «Остала т. Волошина»⁴⁷. Как выяснилось позже, немецкий батальон стоял лишь в километре восточнее Якшино⁴⁸. До спасительной линии фронта партизанам оставалось совсем чуть-чуть – около двух километров. В районе деревни Еремино голубевцы, потерявшие по пути Веру, вышли к своим.

Немецкие документы столь же скупо засвидетельствовали, что на участке III батальона 19-го пехотного полка полковника Пюркхауэра в восемь часов утра была задержана женщина, назвавшаяся Верой Горой. В докладе о состоявшемся допро-

⁴⁴ ЦАМО РФ. Ф. в/ч 9903. Оп. 8453. Д. 4. Л. 142. Отчет Алексея Голубева, 1 декабря 1941 года.

⁴⁵ Николай Иванович Морозов (1925–1941) считается пропавшим без вести.

⁴⁶ Фролов Г. Н. *Указ. соч.* С. 145.

⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. в/ч 9903. Оп. 8453. Д. 4. Л. 142. Отчет Алексея Голубева, 1 декабря 1941 года.

⁴⁸ NARA. T. 315. R. 375. F. 899. Lage am 27.11.41 19:00 Uhr, 7. Infanterie Division.

се нет упоминания о ранении задержанной. К слову, в донесении использован глагол *festgenommen* – «задержали», а не *gefangengenommen* – «пленили». Возможно, это означает, что в ходе инцидента не было ни перестрелки, ни ранения, но точно мы этого не знаем. Вместе с тем местные жители, обнаружившие казненную партизанку, утверждали, что она была ранена в левое плечо. Имеющиеся фотографии не позволяют дать точный ответ на вопрос, была ли Вера ранена, но, как кажется при их просмотре, где-то в районе сердца есть небольшое темное пятно на свитере.

Хотя укоренилось представление, что нацисты советских партизан вешали, в реальности не во всех немецких частях прибегали к этому способу казни. В ряде случаев захваченного партизана, окруженца или заложника прежде расстреливали, а повешению подвергали уже мертвое тело – сугубо в качестве устрашения. Именно так в Волоколамске 6 ноября 1941 года были казнены бойцы группы Константина Пахомова из того же «хозяйства Спрогиса»: мы точно знаем об этом, поскольку впоследствии была обнаружена немецкая «фото-раскадровка» всей процедуры казни. А вот Зою Космодемьянскую демонстративно повесили.

В книге Георгия Фролова приводится рассказ местной жительницы, присутствовавшей при казни Веры, однако он дается в пересказе ее дочери, сделанном спустя пятнадцать лет после трагедии:

«Девушка лежала в машине. Сначала не видно было ее, но, когда опустили боковые стенки, я так и ахнула. Лежит она, бедняжка, в одном исподнем белье, да и то оно порвано, и вся в крови. Два немца, толстые такие, с черными крестами на рукавах, залезли на машину, хотели помочь ей подняться. Но девушка оттолкнула немцев и, цепляясь одной рукой за кабину, поднялась. Вторая рука у нее была, видно, перебита – висела как плеть. А потом она начала говорить. Сначала она говорила что-то, видать, по-немецки, а потом стала по-нашему. “Я, – говорит, – не боюсь смерти. За меня отомстят мои товарищи. Наши все равно победят. Вот увидите!” И девушка запела»⁴⁹.

Пела она «Интернационал», служивший в то время гимном Советского Союза.

В имеющихся на сегодняшний момент документах нет прямого указания на дату казни. Учитывая, что Вера Волошина была задержана утром 27 ноября и допрошена в тот же день, представляется маловероятным – вопреки утверждениям советского писателя Фролова, – что немцы сохраняли ей жизнь

49 Фролов Г.Н. *Указ. соч.* С. 153–154.

еще два дня. С Зоей Космодемьянской они расправились за двенадцать часов, и вряд ли Пюркхауэр тянул время. Вернувшиеся на родное пепелище жители Головкино похоронили безымянную партизанку в могиле рядом с ивой, к которой была прибита устрашающая табличка.

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН

ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

ВЛЮБЛЕН ПОСМЕРТНО

Без малого двадцать лет Вера Волошина считалась пропавшей без вести – «отставшей». Правда, о ней помнили ее боевые подруги; знала о ней и мать Зои Космодемьянской – Любовь. Последняя, посещая Кемерово в 1957 году, упомянула про подругу Зои по имени Вера. И ставшая символом мужества Космодемьянская словно вытащила Веру из холодного ноября 1941-го. Сначала о ней написали в «Комсомольце Кузбасса», а потом в «Комсомольской правде»⁵⁰, где на заметку обратил внимание молодой журналист Георгий Фролов. Он получил личное дело партизанки, в котором были подшиты письма матери, разыскивающей дочь, написал ей – и та ответила, помогла найти боевых подруг Веры. От них он узнал скудные подробности событий без малого двадцатилетней давности и...

...и полюбил свою героиню. Полюбил как тему, как образ, как профессиональное призвание. Фролов поехал на места подмосковных боев искать Веру; он достаточно быстро нашел тех, кто помнил повешенную «нашу партизанку». Ему показали место захоронения девушки и узнали ее на фотографиях. Исследование жизни Веры Волошиной стало важнейшей составляющей жизни журналиста. Он стал единственным человеком, настолько преданным ее судьбе; неудивительно, что мы во многом живем в созданном им нарративе – в его истории об этой девушке, погибшей в Подмоскovie суровой осенью 1941-го. Не исключено, что именно в силу личной привязанности и слияния с темой Фролов многое добавил в ее биографию от себя.

Волошина стала для Фролова идеалом, символом ленинско-сталинской молодежи, «ровесников Октября». Во фроловском изложении Вера явила собой судьбу целого поколения, все то, что дало всходы в стране Советов. Вера – красавица, комсомолка, талантливая студентка. Вера – упорная спортсменка, участница парадов на Красной площади, преданная делу партии девушка. Вера – утверждающая веру в неизбежность победы сначала в 1917-м, потом в 1945-м и, в конце концов, когда-нибудь в будущем, в планетарном масштабе. Личность, символ, поколение. А также невеста, партизанка, мученица.

50 Калачинский В. «Она сражалась рядом с Зоей» // Комсомольская правда. 1957. 15 февраля. № 39. С. 2.

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН
ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

Неудивительно, что он подобрал ей новую дату рождения, 30 сентября – День святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. И дату смерти он тоже подверстал – по Зое, – сделал ею 29 ноября. Жизнь Веры в описании Фролова похожа на секулярное житие; в своих статьях и книгах он многократно повторяет одни и те же фразы и конструкции. Такой он видел и чувствовал Веру, такой он ввел ее в пантеон советских героев, такой теперь мы ее знаем. Он сделал ее невестой Героя Советского Союза Юрия Двужильного: в нынешнем Кемерове их именами называют две пересекающиеся улицы. В 1965 году Фролов добивается награждения Веры орденом Отечественной войны I степени⁵¹, а через три десятилетия – и присвоения ей звания Героя, но уже не Советского Союза, а России⁵².

Илл. 5. Памятник на месте захоронения Веры Волошиной в деревне Крюково. Фото автора.

51 ЦАМО РФ. Картотека награждений. Шкаф 17. Ящик 11. Орден Отечественной войны I степени, 6 мая 1965 года.

52 Указ Президента Российской Федерации от 6 мая 1994 года № 894 «О присвоении звания Героя Российской Федерации Волошиной В.Д.» (www.kremlin.ru/acts/bank/6023).

Но, обрамляясь героической рамкой, портрет героини становится безжизненно-мраморным, парадным. Между тем жизнь Веры Волошиной была, возможно, не слишком яркой, но зато похожей на жизни миллионов молодых граждан Страны Советов. Как и многим ее сверстникам, девушке жилось трудно, ведь лишения и неустроенность в сталинском СССР были почти нормой, а плановая экономика превращала каждого, попавшего из глубинки в столицу, в невольного снабженца, отправляющего в родные места «дефицит». Денежные долги переплетались с моральными обязательствами перед родителями и страной. Но Вера верила, что доучится, и надеялась, что вытащит мать и отчима из скудости и прозябания. Но вскоре и без того непростые будни сменились чем-то гораздо более худшим и страшным: пришла война, поломавшая все надежды и разрушившая все планы. Родители далеко. Того, кто любит, рядом нет. Учебе и выпуску не бывать. Красивое платье куплено, но его уже не надеть. Нет, она не спешит на фронт, но и не прячется от него. Она волнуется и переживает, но пытается утешать как себя, так и родителей. Ведь двум смертям не бывать.

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН

ВТОРОЕ ЗАДАНИЕ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ВЕРЫ ВОЛОШИНОЙ

* * *

В руки исследователей редко попадают документы, рисующие последние часы жизни человека, который был бы настолько восславлен в советском пантеоне, как Вера Волошина. Вопреки фроловскому канону она не молчала на немецком допросе – попробуй смолчи под пытками, когда тебе всего 22 и ты абсолютно одна, – но она, как подтверждает вражеский протокол, не сдала оккупантам своих товарищей, выстояла, и в этом смысле зверство немцев не принесло им пользы. Девушка не могла не понимать, что ее ждет, и пыталась избежать смертной участи в безнадежном раскладе, выдавая себя за артистку массовки – словно ища спасения у друга Вовки. И немцы поначалу едва не поверили ей. А потом, присвоив себе фамилию репрессированного хозяйственника, она вторично попыталась обмануть судьбу и своих мучителей, но и на этот раз не получилось.

Полковнику Пюркхауэру, недавно найденный рапорт которого и подтолкнул нас к этому расследованию, было суждено оставить восточный фронт. Умирая от рака в декабре 1943 года, он вряд ли вспоминал о деревне Головково и о том, что там произошло.

ИВАН
КУРИЛЛА

Память о союзнике по Второй мировой войне: российско-американские зарисовки

Иван Иванович Курилла (р. 1967) – российский историк-американист, до 2024 года профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Осенью 1997 года, когда я собирал материалы для будущей книги в Национальном архиве США, мы с местным коллегой спустились на ланч в ближайшую забегаловку. Рассказывая за обедом о себе, я упомянул, что родился и живу в Волгограде: «Знаешь, это бывший Сталинград, где произошло самое большое сражение Второй мировой войны». Собеседник посмотрел на меня с укоризной. «Я же историк, – сказал он. – Конечно, мне известно, что битва под Сталинградом была крупнейшей во Второй мировой». Потом уточнил: «Но, полагаю, большинство людей в этом кафеетерии считают, что главнейшим было сражение под Эль-Аламейном». А затем, оглядевшись вокруг еще раз, счел необходимым добавить: «Хотя большинство здешних посетителей вряд ли знают, что Вторая мировая война вообще была».

«ПАМЯТЬ, ТЫ РУКОЮ ВЕЛИКАНШИ...»

Разговор о Второй мировой войне в России и в США кажется беседой о совершенно разных предметах. Различаются представления буквально обо всем: о ее содержании и главных событиях, роли собственной страны, вкладе другого народа в победу антигитлеровской коалиции¹. Последнее особенно остро ощущается в России, где Великая Отечественная война играет роль главного события национального прошлого, создавшего современную нацию, – а потому любой отход от утвердившихся оценок кажется ударом по национальной идентичности, продиктованным современной политической конъюнктурой.

В Соединенных Штатах, которые были главным союзником Советского Союза во Второй мировой войне, 9 мая (и даже 8 мая) не имеет большого значения. Самыми важными датами для американцев остаются 7 декабря и 6 июня – дни нападения Японии на Перл-Харбор в 1941 году и высадки в Нормандии в 1944-м. Первая дата остается днем памяти и скорби, аналогичным российскому 22 июня, а во вторую дату американцы

1 ROEDIGER H. L., ZERR C. L. *Who Won World War II? Conflicting Narratives among the Allies* // Progress in Brain Research. 2022. Vol. 274. № 1. P. 129–147.

чают тех из сограждан, кто воевал в Европе. Интересно отметить, что вступление Соединенных Штатов в войну на европейском континенте предстает для американцев более важной вехой, чем ее завершение. Иначе говоря, в национальной памяти сохраняется гордость не за одержанные победы, а за самую решимость народа выступить против нацизма.

Дополнительной проблемой является то, что отношение к союзнику способно меняться довольно быстро и радикально. В 1995 году лидеры всего мира, включая американского президента Билла Клинтона, отмечали 50-летний юбилей Победы в Москве, а в 2020-м президент Дональд Трамп в одном из твитов сообщил, что «8 мая 1945 года Америка и Великобритания победили нацистов!» – даже не упомянув бывший СССР². В свою очередь российский президент Владимир Путин, который во время юбилейного парада Победы в 2015 году вспоминал «союзников по антигитлеровской коалиции» и историческую встречу на Эльбе, а также говорил о благодарности «народам Великобритании и Франции, Соединенных Штатов Америки за их вклад в Победу», в День Победы 2024 года, упомянув союзников, впервые не назвал США по имени³.

25 апреля 2010 года президенты Барак Обама и Дмитрий Медведев после подписания договора о нераспространении ядерного оружия выпустили совместное заявление по случаю Дня встречи на Эльбе, связывая сотрудничество двух стран с «духом Эльбы»⁴. Но если 9 мая того же года американские солдаты впервые приняли участие в военном параде на Красной площади, то в мае 2024-го председатель партии «Единая Россия» Дмитрий Медведев опубликовал статью, где «англосаксы» именуется «мнимыми союзниками» во Второй мировой войне, а действия Вашингтона сравниваются с политикой Гитлера и его пособников⁵. Но дело не только в руководителях государств: представления большинства граждан России и США о вкладе другой страны в победу во Второй мировой войне и разнятся не меньше, и тоже меняются со временем. У этих расхождений есть культурные, исторические и политические основания.

Начнем с того, насколько разную роль выполняет в каждом из обществ память о войне. Историческое прошлое и значимый Другой – вот два основания идентичности наций, и в памяти о союзе времен Второй мировой войны они пересекаются и на-

ИВАН КУРИЛЛА

ПАМЯТЬ О СОЮЗНИКЕ
ПО ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЕ...

2 См.: <https://twitter.com/WhiteHouse45/status/1258842411524132865> (заблокирован в России по решению Роскомнадзора от 4 марта 2022 года).

3 Ср. выступления на параде в 2015 году (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49438>) и в 2024-м (www.kremlin.ru/events/president/news/73995).

4 См.: www.kremlin.ru/events/president/news/7550.

5 МЕДВЕДЕВ Д. А. *Как англосаксы продвигали фашизм в XX веке и реанимировали его в XXI. Пять вопросов по истории к нашим бывшим союзникам* (<https://er.ru/media/documents/may2024/h3ellvfnqvtf5qyrajr.pdf>).

кладываются друг на друга. Однако для американцев сама война имеет гораздо меньшее значение, чем для россиян, а роль российского Другого, когда-то определенно конституирующая, сейчас оспаривается альтернативными претендентами, тогда как для России Соединенные Штаты по-прежнему остаются важнейшим Другим и сегодня. Память о войне является ключевым элементом национальной культуры. С уходом поколения ветеранов Вторая мировая война окончательно переместилась из индивидуальных воспоминаний в область коллективной памяти. Теперь она функционирует как часть актуальных общественных споров, фокусируясь на тех элементах прошлого, которые болезненно бередят нынешние социумы. И в России, и в США память о войне – важный инструмент созидания и сохранения нации. Но стратегии этого нациестроительства выглядят очень по-разному.

В США Вторая мировая война – это последняя война, справедливые цели которой не вызывают сомнений. Американцы победили напавших на них японцев и истребили нацизм, являвший собой абсолютное зло. Войну помнят как доказательство того, что США всегда были на правильной стороне истории. Именно поэтому за поколением ветеранов Второй мировой закрепился эпитет «величайшего поколения», предложенный журналистом Томом Брокау⁶. «Всегда» – важное уточняющее слово: если Соединенные Штаты Америки в прошлом были на правильной стороне истории, то и их союзники должны были находиться там же; но если сегодня это не так, то на смену памяти приходит забвение. Говоря об этом, надо понимать, что Вторая мировая – вовсе не главное событие американской истории и даже не главная война, в которой США участвовали. О месте, отведенном ей в национальной памяти, красноречиво говорит, например, последовательность появления военных мемориалов в центре Вашингтона: Вьетнамский мемориал был открыт в 1982 году, мемориал ветеранов Корейской войны – в 1995-м, а мемориал Второй мировой – только в 2004-м.

Поскольку основной задачей поддержания памяти о войне выступает нациестроительство, главным содержанием нарративов, воспроизводящихся в американских мемориалах и музеях, остается роль самих Соединенных Штатов, а не их союзников. Так, в 2000 году в Новом Орлеане был основан Музей высадки в Нормандии (D-Day Museum), спустя четыре года преобразованный в Национальный музей Второй мировой войны. Как было сказано в приложении к бюджету США на 2005 год, это «единственный музей в США, существующий с исключительной

6 См.: БРОКАУ Т. *The Greatest Generation*. New York: Random House, 1998.

целью интерпретации американского опыта в годы Второй мировой войны (1939–1945) как на полях сражений, так и в тылу»⁷. В музее четыре постоянных экспозиции: «Дорога на Токио» (о войне с Японией), «Дорога на Берлин» (об американских сражениях в Европе), «Арсенал демократии» (об американском военном производстве) и «Освобождение» – но ни в одной из них нет сколько-нибудь значимых отсылок к Восточному фронту. Зато в экспозиции всесторонне фиксируется гордость Соединенных Штатов своим экономическим вкладом в общую победу: действительно, страна произвела наибольшее количество вооружения, использовавшегося всеми союзниками⁸.

В России, напротив, именно Восточный фронт представляется основным и едва ли не единственным, заслуживающим памятования. Очевидно, важнейшим основанием для этого выступают огромные потери советского народа, понесенные в борьбе с фашизмом, а также статистика, указывающая, что именно здесь Германия и ее союзники испытали наиболее тяжелый урон. В СССР и в современной России память о войне стала «мифом основания» – некогда выполнявшим свои функции наряду с октябрьской революцией, а потом, после падения коммунистического режима, оставшимся единственной точкой, из которой «вырастает» современное общество⁹. Война и победа играли роль клея, скрепляющего российское общество: по отношению к этому событию большинство россиян испытывали схожие чувства. В силу этого власти обращались к Великой Отечественной как к легитимирующему событию, причем как в позднем СССР, так и в современной России, а постоянное напоминание о войне в свою очередь поддерживало нужное напряжение памяти в социуме. Кроме того, победа в Великой Отечественной есть еще и ключевая легитимация власти, «защищающей священную историю» (с 2020 года эта задача внесена и в Конституцию Российской Федерации). В подобном описании для американского союзника находится лишь одно место: оно может служить лишь дополнительным подтверждением подвига советского народа и правоты его дела. В силу сказанного образ союзника появляется в российской коммеморации в те исторические моменты, когда современные США могут восприниматься в таком качестве, и исчезает в периоды обострения российско-американских отношений.

ИВАН КУРИЛЛА

ПАМЯТЬ О СОЮЗНИКЕ
ПО ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЕ...

7 U.S. CONGRESS. *Budget for 2005 Fiscal Year. Appendix*. P. 334.

8 См. сайт музея: www.nationalww2museum.org/visit/exhibits. Справедливости ради надо отметить, что в 2020 году здесь появилась справка о Восточном фронте.

9 См.: ТУМАКИН N. *The Living and The Dead: The Rise and Fall of The Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books, 1994.

ИВАН КУРИЛЛА

ПАМЯТЬ О СОЮЗНИКЕ
ПО ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЕ...

ЗАПРОС НА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Сегодняшнее обращение к войне, как правило, диктуется современным запросом на справедливость. Так, например, выставка о Второй мировой войне, которая открылась в Библиотеке Джона Ф. Кеннеди в Бостоне в 2023 году и продлится до 2025-го, сосредоточена на том, какую роль в войне сыграли женщины, афроамериканцы, индейцы, а также американцы японского происхождения¹⁰. Сегодняшнее американское общество интересуется памятью о войне тех групп, которые в настоящее время отстаивают свою субъектность. Включение их коллективной памяти о войне в общую американскую память стало частью стратегии интеграции подобных групп в единую американскую нацию.

Образ союзника появляется в российской коммеморации в те исторические моменты, когда современные США могут восприниматься в таком качестве, и исчезает в периоды обострения российско-американских отношений.

В России похожий сюжет можно было увидеть в шествиях «Бессмертного полка». В Великой Отечественной войне участвовали не только русские и не только жители Российской Федерации; именно поэтому «национальные роты» в шествиях «Бессмертного полка» сохраняли в себе остатки старого проекта «советской нации». Попытки же постсоветской пропаганды отделить россиян от советских людей, приписать победу и жертвенность только россиянам – «национализировать» Победу – ломали традицию и тем самым создавали новую память. Что же касается международных отношений, то здесь целью напоминаний о Победе было обоснование статуса великой державы, равновесной Соединенным Штатам, державы-победительницы, постоянного члена Совета Безопасности ООН. Наконец, с 2020 года, после начала официальных расследований о «геноциде советского народа», россияне также предстают его жертвами.

Как и в США, главная задача актуализации памяти о войне в России – сплочение нации. Согласно исследователям школьных программ Киту Кроуфорду и Стюарту Фостеру, именно это создает основные препятствия для включения Другого в собственную память:

¹⁰ *Service and Sacrifice: World War II – A Shared Experience* (www.jfklibrary.org/visit-museum/exhibits/special-exhibits/service-and-sacrifice-world-war-ii-a-shared-experience).

«Поскольку типичные учебники истории представляют националистический взгляд на Вторую мировую войну в несистематизированной манере, мир до сих пор не имеет истории Второй мировой войны»¹¹.

ИВАН КУРИЛЛА
ПАМЯТЬ О СОЮЗНИКЕ
ПО ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЕ...

Такой взгляд на войну сложился давно, он успел породить собственное наследие и собственную инерцию. Представления, сформированные в послевоенные десятилетия, создали устойчивые мифы, с трудом преодолеваемые и заново актуализируемые в момент очередного кризиса в российско-американских отношениях.

Проблема расхождения национальных памятей о войне стала очевидной уже вскоре после окончания Второй мировой, когда Советский Союз и Соединенные Штаты вступили в «холодную войну», составной частью которой была взаимная демонизация. Вчерашнего союзника довольно быстро начали сравнивать со вчерашним врагом¹². Несколько десятилетий пропаганды «образа врага» и игнорирования вклада Другого в победу над нацизмом создали дискурсивную ситуацию, в которой трудно найти место признанию чужих заслуг.

В Соединенных Штатах в десятилетия после завершения войны постепенно распространялся тот взгляд на Восточный фронт, который отличал немецких, а не советских солдат. Дело в том, что интерес к событиям Второй мировой войны, происходившим на территории СССР, удовлетворялся в США за счет мемуаров немецких военнослужащих, а также исторических работ, написанных на основе попавших к американцам германских архивов. Советские архивы были труднодоступны, а воспоминания, изданные на русском языке, не переводились. К тому же образ СССР как вероятного противника наложилась на рисуемый немцами образ противника вчерашнего. При этом, разумеется, немецкие мемуаристы стремились обелить свое прошлое и, замалчивая собственные военные преступления и соучастие в Холокосте, одновременно изображали войну на Восточном фронте как битву против коммунизма. Американские исследователи Рональд Смелзер и Эдвард Дэвис пишут в этой связи:

«[В результате] в умах американцев укрепился совершенно другой (по сравнению с моментом встречи на Эльбе) образ российско-германской войны. Немцы, а не русские представляются жертвами

11 CRAWFORD K.A., FOSTER S.J. *War, Nation, Memory: International Perspectives on World War II in School History Textbooks*. Charlotte: Information Age Publishing, 2007. P. 206. Стоит отметить, что в этой книге не исследуются учебники бывшего СССР.

12 Журавлева В. И. «Холодная война образов» в политической карикатуристике: американское мессианское послание vs советское // История: электронный научно-образовательный журнал. 2023. Т. 14. № 10(132) (<https://history.jes.su/s207987840028758-2-1/>).

этого ужасного конфликта. Миллионы американцев знают о “насилии Красной армии над Берлином”, однако очень немногие могут хоть что-то сказать о Харьковском трибунале над военными преступниками, состоявшемся в 1943 году и судившем германских солдат за зверства против местного населения, или же о разрушениях, нанесенных германскими войсками Белоруссии летом 1942 года. В глазах американцев героями русско-германской войны более не являются храбрые русские, отдавшие миллионы своих жизней для победы над Германией. Напротив, теперь немецкие солдаты предстают перед ними людьми, отдавшими свои жизни в благородной борьбе против советских армий, намеревавшихся разрушить *Vaterland*»¹³.

В тот период память о военном союзе между СССР и США отодвинулась на второй план, а о героизме советских солдат в Америке некому было помнить. Конечно, эта память актуализировалась политиками и журналистами каждый раз, когда обе страны сближались, как было в годы разрядки начала 1970-х или в 1990-е, однако каждое новое охлаждение отношений снова закрывало тему. Вместо образа антигитлеровской коалиции, возглавляемой Советским Союзом, США и Великобританией, в массовых представлениях американцев сложился образ «атлантических союзников» в лице США и Англии, прибегших к помощи СССР для разгрома нацистской Германии. В Соединенных Штатах распространилось и мнение о том, что значимость советско-германского сухопутного фронта по сравнению с действиями военно-воздушных сил англо-американцев сильно преувеличена¹⁴. Соответственно, ключевыми битвами Второй мировой войны многие американцы считают битвы при Эль-Аламейне в Африке и возле атолла Мидуэй в Тихом океане.

О том, что именно на советско-германском фронте был определен исход Второй мировой, в США вообще было не принято вспоминать почти два десятилетия. Лишь в 1963 году впервые после окончания войны о роли советского народа в общей победе высказался президент Джон Кеннеди. Выступая в Американском университете, американский лидер сообщил, что «ни один народ в истории битв не страдал больше, чем Советский Союз во Второй мировой войне»¹⁵. Это признание, сделанное всего полгода спустя после Карибского кризиса, было шагом навстречу СССР и к началу разрядки.

13 SMELSER R., DAVIES E.J. II. *The Myth of the Eastern Front: The Nazi-Soviet War in American Popular Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 248.

14 EDELE M. *Who Won the Second World War, and Why Should You Care? Reassessing Stalin's War 75 Years after Victory* // *Journal of Strategic Studies*. 2020. Vol. 43. № 6–7. P. 1039–1062.

15 *John F. Kennedy: American University Commencement Address, 10 June 1963* (www.americanrhetoric.com/speeches/jfkamericanuniversityaddress.html).

«Холодная война» оказала влияние и на советские представления о ходе Второй мировой. Пропаганда прилагала немалые усилия, чтобы принизить вклад США в общую победу, приуменьшить роль ленд-лиза и подчеркнуть позднюю дату открытия второго фронта. Война Соединенных Штатов с Японией и действия союзников в Африке практически выпадали из советского нарратива, причем наиболее известным в СССР событием тихоокеанского театра военных действий стала атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, рассматривавшаяся как доказательство военных преступлений американцев и первый шаг к «холодной войне»¹⁶. Более того, послевоенные США усилиями советской пропаганды приравнивались к гитлеровской Германии; это сравнение воспроизводилось повсюду – и в периодической печати, и в радиопередачах, и в лекциях для населения. Например, в докладе о текущем моменте, который читался пропагандистами Саратовской области на рубеже 1940-х и 1950-х, американским послевоенным инициативам давалась такая оценка:

«План Маршалла скрывает в себе политику Гитлера, если Гитлер своим нападением на Советский Союз стремился к завоеванию его, а затем к мировому господству, то после разгрома гитлеровской Германии американское правительство перешло на путь германской политики, делает попытку подчинить экономику мира американскому капиталу»¹⁷.

Невозможность полностью отрицать второй фронт и ленд-лиз требовала от пропагандистов убеждать аудиторию в том, что второй фронт был открыт слишком поздно вполне злонамеренным образом: США якобы не хотели допустить освобождения всей Европы Красной армией; поставки же по ленд-лизу в той же логике изображались слишком незначительными и к тому же оплаченными золотом Магадана. Последний из упомянутых мифов оказался очень живучим: в документальном фильме Юрия Дудя¹⁸ «Колыма – родина нашего страха», вышедшем в 2019 году, собеседники журналиста утверждают, что золотом, добываемым заключенными ГУЛАГа, Советский Союз погашал поставки из США – но это не так¹⁹. Тем не ме-

ИВАН КУРИЛЛА

ПАМЯТЬ О СОЮЗНИКЕ
ПО ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЕ...

16 См., например: Топеха П. *Борьба трудящихся масс Японии за демократическую, независимую и миролюбивую Японию* // Вопросы истории. 1951. № 2. С. 31–51.

17 Цит. по: Николаева Н.И. *Образ США в советском обществе в послевоенные годы, 1945–1953* // Американский ежегодник 2002. М.: Наука, 2004.

18 Юрий Дудь внесен Министерством юстиции Российской Федерации в реестр физических лиц, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

19 Условия ленд-лиза не предполагали платы за поставки – это был добровольный вклад Соединенных Штатов в борьбу с общим врагом. Все боеприпасы, самолеты, танки, автомобили, использованные или уничтоженные в ходе войны, списывались. В послевоенный период оплате (или в некоторых случаях возвращению) подлежали лишь остатки ленд-лиза, которые не пошли в дело.

нее отличием советской памяти о войне было то, что история военного союза СССР с США и Великобританией никогда не исчезала полностью, она оставалась важной частью воспоминаний и представлений об истории войны, сохранявшихся не только ветеранами встречи на Эльбе, но и рядовыми солдатами, воевавшими на американской технике, людьми, получавшими продукты из поставок ленд-лиза, и всеми, кто помнил открытие второго фронта в 1944 году как предвестие победы.

Несколько десятилетий пропаганды «образа врага» и игнорирования вклада Другого в победу над нацизмом создали дискурсивную ситуацию, в которой трудно найти место признанию чужих заслуг.

...И СНОВА ЗИМА

Тем легче было обращаться к этому наследию в периоды потепления двусторонних отношений. Причем если для советских лидеров это был естественный ход, то американские президенты нуждались в напоминании о важности памяти о войне для советских граждан. Американский историк Нина Тумаркин, приглашенная в 1985 году на встречу с президентом Рональдом Рейганом, который готовился тогда к первой поездке в Советский Союз, рекомендовала ему на официальных встречах отметить, что американцы высоко чтят вклад советских людей в победу над фашизмом, – и американский лидер действительно сделал это. Билл Клинтон в свою очередь читал книгу Тумаркин о культуре Великой Отечественной войны в СССР перед собственной поездкой в Россию²⁰. Американские президенты, очевидно, не до конца понимали, насколько важно для россиян признание их жертв и их вклада в победу со стороны бывшего союзника.

С момента окончания «холодной войны» празднования общей победы над нацизмом стали регулярным явлением. Для россиян союз с США и Великобританией – «западными демократиями» времен Второй мировой войны – приобрел дополнительное значение: в нем усматривали еще один аргумент в пользу интеграции «новой России» в сообщество демократических стран. Согласно его сторонникам, пусть Советский Союз и был авторитарным государством с репрессивным режимом, но в момент тяжелейшего кризиса столетия он оказался в од-

20 См.: TUMARKIN N. *Op. cit.*

ном ряду с демократиями, боровшимися против нацизма, – он так же сражался на правильной стороне истории. Разрушение этого нарратива в 2000-е, когда в Европе появилась концепция «двух тоталитаризмов», было воспринято в России очень болезненно.

На примере «холодной войны» нетрудно увидеть, что в представлении держав-победительниц друг о друге все время вмешивается политика. «Холодная война» заставила вчерашних союзников забыть о том, как воевал Другой, а новые обострения отношений регулярно подпитывают созданные тогда мифы. В этой связи вернемся к президентским речам, произнесенным в дни коммеморации Победы. Тон выступлений Владимира Путина стал меняться во второй половине прошлого десятилетия. В ходе ежегодных парадов Победы он иногда еще вспоминал об антигитлеровской коалиции, но все больше и больше упирал на то, что «именно советский народ принес свободу другим народам»²¹. Наконец, в 2019 году он переопределил одно из ключевых понятий союзничества – второй фронт. Теперь этими словами российский лидер обозначил советский тыл военного времени: «Именно здесь и был открыт наш “второй фронт” – трудовой и героический»²². В 2021-м глава государства был еще конкретнее:

«Мы всегда будем помнить, что этот величественный подвиг совершил именно советский народ. В самое трудное время войны, в решающих сражениях, определивших исход борьбы с фашизмом, наш народ был один, один на многотрудном, героическом и жертвенном пути к Победе»²³.

Этот риторический сдвиг оформлял «национализацию Победы», превращение ее в исключительно советскую или даже российскую.

С началом российской специальной военной операции (СВО) Соединенные Штаты снова, как в годы «холодной войны», превратились в противника: «Столкновение с неонацистами, бандеровцами, на которых США и их младшие компаньоны сделали ставку, будет неизбежным». Как и тогда, «коварному Вашингтону» противопоставлены простые американские ветераны:

«Нам известно, что американским ветеранам, которые хотели приехать на парад в Москву, фактически запретили это делать. Но хочу, чтобы они знали: мы гордимся вашими подвигами, вашим вкладом в общую Победу. Мы чтим всех воинов союзнических армий – американцев, англичан, французов – участников Сопrotивления,

ИВАН КУРИЛЛА

ПАМЯТЬ О СОЮЗНИКЕ
ПО ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЕ...

21 См.: www.kremlin.ru/events/president/news/51888.

22 См.: www.kremlin.ru/events/president/news/60490.

23 См.: www.kremlin.ru/events/president/news/65544.

отважных солдат и партизан Китая – всех, кто разгромил нацизм и милитаризм»²⁴.

В 2023 году Путин заявил: «Отдаем должное участникам Сопrotивления, которые отважно сражались с нацизмом, бойцам союзнических армий США, Великобритании, других государств»²⁵. А в 2024-м он снова упомянул союзников, но впервые не назвал Соединенные Штаты:

«Три первых долгих, труднейших года Великой Отечественной войны Советский Союз, все республики бывшего Советского Союза практически один на один сражались с нацистами. [...] При этом подчеркну: Россия никогда не принижала значение второго фронта и помощи союзников. Мы чтим отвагу всех воинов антигитлеровской коалиции, участников Сопrotивления, подпольщиков, партизан, мужество народа Китая, сражавшегося за свою независимость против агрессии милитаристской Японии. И всегда будем помнить, никогда, никогда не забудем нашу общую борьбу и вдохновляющие традиции союзничества»²⁶.

Американские президенты охладели к воспоминаниям о совместной борьбе еще раньше. Дональд Трамп не только «забыл» об СССР в своем твите 8 мая 2020 года, но не упомянул о союзниках времен войны в своей официальной речи, выделив только героизм и жертвы американцев, воевавших в Европе²⁷. Представления о России резко ухудшились с началом СВО. 9 мая 2022 года президент Байден подписал законопроект о военной помощи Украине, связав это событие с годовщиной Дня Победы в Европе; сам закон получил название «ленд-лиза», недвусмысленно отсылая к событиям Второй мировой войны²⁸. В этом варианте коммеморации Украина олицетворяла советского союзника, а Россия, напротив, германского агрессора.

Память о Великой Отечественной войне и в современной России меняется прямо на глазах. Новые конфликты вытесняют из памяти старые, а события последних месяцев накладываются на наши знания о 1940-х – и меняют их. Россияне 2020-х учатся понимать немцев военного поколения (в стране наблюдается бум переводных исторических работ и немецких мемуаров, посвященных 1930–1940-м), переоценивают «тро-

24 См.: www.kremlin.ru/events/president/news/68366.

25 См.: www.kremlin.ru/events/president/news/71104.

26 См.: www.kremlin.ru/events/president/news/73995.

27 См.: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/presidential-message-75th-anniversary-victory-europe-day/>.

28 *Remarks by President Biden at Signing of S. 3522, the “Ukraine Democracy Defense Lend-Lease Act of 2022”* (www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/05/09/remarks-by-president-biden-at-signing-of-s-3522-the-ukraine-democracy-defense-lend-lease-act-of-2022/).

феи», привезенные прадедами из Германии, и заново формулируют отношение к войне.

Представления о характере Второй мировой войны отличаются от страны к стране и от поколения к поколению. Если в ходе войны и сразу после нее в описаниях событий, музеях и школьных учебниках доминировали сформированный союзниками образ совместной борьбы против абсолютного зла, а также темы наказания агрессора и освобождения покоренных Германией и Японией народов, то со временем на первый план в содержании войны начали выходить трагедия Холокоста и геноцид, осуществлявшийся нацистами. Позже, в ходе нацистского истребления в Центральной и Восточной Европе, развернувшегося после падения коммунистической системы, набрало силу представление о войне как о схватке «двух тоталитаризмов».

В этом плане показательна разница в статьях о Второй мировой войне в двух версиях «Википедии»: если в русскоязычном варианте война предстает как последовательность военных событий, а тема Холокоста вынесена в отдельную статью, то в англоязычной *Wiki* Холокост входит неотъемлемой частью в описание самой войны²⁹. Если в США Вторая мировая – победа над злом, то в России это не только победа, но и память о миллионах погибших. На улицах американских городов трудно представить «Бессмертный полк»; да, в стране есть Министерство по делам ветеранов – но это ветераны всех войн, которые вели Соединенные Штаты.

* * *

Если у нас есть образ общего будущего, то находится и общее прошлое. В отсутствие общего будущего запрос на общее прошлое исчезает, а память национализируется.

Март 2024 года, я в кинотеатре в Массачусетсе, смотрю оscarовское кино. Перед началом сеанса, среди коммерческих тизеров, показывают рекламу службы в национальной гвардии и в армии. В самом ролике сменяются кадры, где люди в униформе помогают мирным гражданам, а заканчивается он фразой: «Следующее величайшее поколение – это сейчас». Рекрутеры, похоже, считают, что мир снова стоит перед вызовами уровня Второй мировой войны.

29 Ср. версии в русскоязычной (https://ru.wikipedia.org/wiki/Вторая_мировая_война) и англоязычной «Википедии» (https://en.wikipedia.org/wiki/World_War_II).

«Советские ветераны Второй мировой войны»: двадцать лет спустя

В ПОИСКАХ СОВЕТСКИХ ВЕТЕРАНОВ

Марк Эделе (р. 1972) – профессор истории Университета Мельбурна (Австралия), специалист по истории сталинизма и Второй мировой войны. Среди его последних работ: «*The Soviet Union: A Short History*» (2019), «*Debates on Stalinism*» (2020), «*Stalinism at War: The Soviet Union in World War II*» (2021).

Прошли уже шестнадцать лет с тех пор, как книга «Советские ветераны Второй мировой войны» была впервые опубликована на английском языке. Это был мой первый труд, основой для которого послужила докторская диссертация, завершенная в Чикагском университете в 2004 году. Основная работа по подготовке диссертационного исследования и последующей монографии проводилась в 2000–2002 годах в Москве, Нижнем Новгороде и Екатеринбурге. В 2006-м, уже сев за написание книги, я вновь отправился в Москву, чтобы собрать недостающие материалы, касающиеся жизни советских ветеранов в 1956–1991 годах. (Временные рамки моей диссертации ограничивались именно 1956-м, дальше я не шел.) Иначе говоря, упоминаемая здесь книга – дитя того периода моей жизни, когда я наиболее интенсивно взаимодействовал с Россией и наиболее глубоко погружался в ее историю. Это, вероятно, самая основательная из моих научных работ¹.

Советские ветераны интересуют меня уже довольно долго, почти четверть века. Путь, который привел меня к этой теме, оказался весьма окольным, поскольку лично я не связан ни с Россией, ни со Второй мировой войной, ни с ветеранами. Я родился в 1972 году на юго-западе Германии, в той части страны, которая после войны была оккупирована американскими, а не советскими войсками. Мой отец, появившийся на свет в 1936-м, был слишком молод даже для того, чтобы состоять в *Hitlerjugend*, не говоря уже об участии в войне. Нацистская пропаганда омрачала его детство до 1945 года, но остальную часть своей жизни он оставался убежденным демократом и антифашистом. Мой дедушка родился в 1888 году. Он сражался с русскими в Первую мировую войну, участвуя в Карпатской операции, но был уже слишком стар, чтобы попасть под мобилизацию в годы Второй мировой. Когда я родился, он

1 EDELE M. "A Generation of Victors"? Soviet Second World War Veterans from Demobilization to Organization, 1941–1956. 3 vols. Ph.D. diss. University of Chicago, 2004; IDEM. *Soviet Veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

был уже в преклонных годах; не припомню, чтобы нам довелось поговорить о его военных впечатлениях. Еще у меня был дядя, который служил «на Востоке» и вернулся из советского лагеря для военнопленных через некоторое время после завершения боев. С ним эта тема тоже не обсуждалась. У дяди был дом в деревне, мы иногда его навещали. Помню его, откровенно сидящим на кухне: взор устремлен в одну точку, а на столе бутылка бренди. Взрослые вполголоса говорили друг другу, что «он побывал в России», и это все, что было известно нам, детям. Оказавшись за городом, мы старались побыстрее убежать на подворье, чтобы погладить собак, поглазеть на коров или погонять кур – предпочитая все эти занятия общению со страшным стариком.

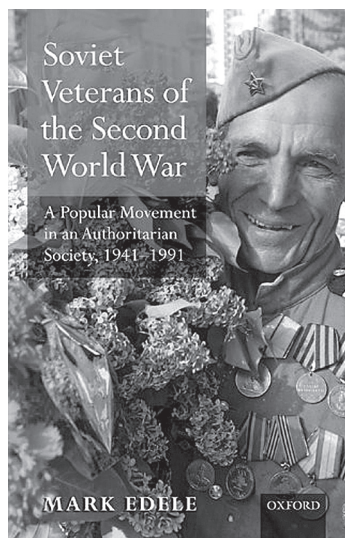
Таким образом, в детстве Россия меня не интересовала. В школе я учил английский и французский, а в подростковом возрасте читал в основном немецкую литературу межвоенного периода. Я начал заниматься русским языком, интересоваться русской историей и знакомиться с русской литературой, лишь оказавшись в университете. И произошло это чисто случайно: кто-то, вероятно, мог бы сказать, что мне не повезло.

Я даже не собирался становиться историком; поступив в 1993 году в университет, я намеревался стать журналистом. Параллельно мне приходилось уделять время истории, политологии и социологии, поскольку диплом по журналистике тогда не слишком котировался. Получивший такую степень обычно начинал в качестве фрилансера, а со временем пытался устроиться в какую-нибудь газету. Мне, однако, для разочарования в профессии вполне хватило двух длительных стажировок, пройденных в региональных изданиях после окончания школы. Многие журналисты, с которыми я тогда познакомился, были циничными алкоголиками, писавшими всякую несурезицу для крошечного круга читателей. Походить на них мне совсем не хотелось. Кроме того, я довольно быстро осознал, что мне нравятся темы, требующие длительного и глубокого изучения, а не скороспелые и поверхностные заметки, на которые ориентирована ежедневная газета. Тем не менее опыт журналиста-новичка оказался более чем полезным: я научился писать о сложных вещах просто и понятно, адресоваться к широкой аудитории посредством человеческого языка, а не академического жаргона, а также безоговорочно уважать сроки. Позже все эти навыки сослужили мне добрую службу как историку.

Когда в начале 1990-х я поступил в немецкий университет, никто не объяснял нам, как работает вузовская система. Каких-то программ адаптации для первокурсников не имелось, и поэтому каждый справлялся как мог. Немецкие университеты

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Илл. 1. Англоязычное издание «Soviet Veterans of the Second World War» Марка Эделе (2008).

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСЯ

были децентрализованными заведениями, снабжавшими ограниченным объемом занятий. Чтобы, скажем, посещать семинар по национал-социализму (чего, подобно многим студентам, хотелось и мне), нужно было найти институт немецкой истории на таком-то этаже такого-то корпуса и внести себя в список, который вела суровая секретарша. Если вы пришли поздно и вас опередили два десятка других студентов, ни малейшего шанса на посещение курса не оставалось.

К тому времени, когда я разобрался во всей этой механике, все академические курсы по современной истории были разобраны, за исключением одного, который назывался «Индустриализация в сравнении: Россия – Англия». Тема казалась мне до крайности скучной, но, учитывая, что в первом семестре мне не хотелось ограничивать себя средневековой или античной историей, я все-таки записался. Нашим преподавателем был Хубертус Ян, недавно вернувшийся из Джорджтаунского университета с докторской степенью, а позже окончивший еще и Кембридж. Его интересовала новая культурная история, которая тогда входила в моду. Преподавал он в американской манере: мы читали по одной книге в неделю, а потом писали по каждой из них эссе, которые он комментировал. Завершался семестр подготовкой более масштабной исследовательской работы. В совокупности все это в два или три раза превышало обычную семинарскую нагрузку для студентов младших курсов, принятую в Германии. Самые ушлые студенты, увидев программу, незамедлительно покинули курс. А наивные личности вроде меня, полагавшие, будто университет существует для того, чтобы мы становились умнее и узнавали новое, остались. И такое решение оказалось правильным. Хубертус – он настаивал, чтобы мы обращались к нему на «ты», – был вдохновляющим и мотивирующим университетским преподавателем. Я не пропустил ни одного семинара, который он вел. Именно благодаря ему, я стал историком, причем специализирующимся на России².

Хубертус занимался историей дореволюционной России и потому был частым гостем в Санкт-Петербурге. Вполне естественным образом я, все глубже погружаясь в российские сюжеты на его семинарах, тоже решил посетить русскую северную столицу. Мое первое знакомство с городом состоялось в 1994 году. Курс рубля тогда был вопиюще низким; даже немецкий студент с весьма скромным достатком вроде меня мог легко себе позволить билет на самолет «Аэрофлота», проживание и пансион в принимающей семье на протяжении двух

2 См. его книгу, которая стала одной из первых работ в русле новой культурной истории, посвященную поздней царской России: HUBERTUS J. F. *Patriotic Culture in Russia During World War I*. Ithaca: Cornell University Press, 1998.

месяцев, а также частные уроки русского языка четыре раза в неделю – тратя в совокупности меньше, чем за такое же время было бы потрачено в Германии. Тем не менее это было настоящее приключение. Будучи провинциалом из Баварии, я не сталкивался ни с кем, кто прежде бывал в России – если не считать, конечно, дяди-алкоголика. Садясь на рейс «Аэрофлота», я знал только два слова по-русски: «да» и «нет». С этим багажом я отправлялся на два месяца в семью, с которой никогда не встречался прежде и в которой никто не говорил ни по-немецки, ни по-английски. Жили эти люди в высотке на окраине Петербурга, в Выборгском районе, у станции метро «Озерки».

Должно быть, мне понравилось, потому что к концу того же года я опять вернулся в Петербург еще на два месяца, а затем приезжал снова и снова в 1995-м и 1996 годах. По сути, в течение трех лет я проводил там все свои весенние и летние каникулы. У меня не было какого-то определенного плана действий: я учил русский, изучал город, знакомился с ребятами, увлекающимися роком, просто тусовался и пил пиво. В основном местное – «Балтику № 3» или «Тройку», – которое можно было купить на каждом углу – в киосках, магазинах или просто у продавцов на улице. Местная пивоваренная компания начала работать в 1990 году и производила отличное пиво: оно было не хуже немецкого, но намного дешевле. Парню из Баварии это было по душе. Вокруг было интересно и весело,

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

*Илл. 2, 3. Марк Эделе
в 1990-х во время
посещений Санкт-
Петербурга.*

хотя порой и страшно, поскольку Петербург 1990-х был стремным местом. Я научился ругаться матом, курить «Беломорканал», соответствующе одеваться и вести себя, как хулиган – чтобы настоящая шпана, которая хозяйничала на городских окраинах, меня не трогала.

Между всеми этими делами я сменил университет Эрлангена на университет Тюбингена, где находился более крупный научный центр, занимающийся русской историей. В качестве основной специализации я выбрал восточноевропейскую историю (которая в действительности была историей России), а моими дополнительными специализациями стали политология, а также славянские языки и литературы (что на деле означало русский язык и русскую литературу). Именно здесь я начал всерьез интересоваться послереволюционной эпохой, постепенно подходя к пониманию, что полем, на котором можно развернуться по-настоящему, предстает советская социальная история послевоенного времени – почти чистый лист, настоящая *terra incognita*. Тогда же я впервые заинтересовался войной, написав статью о пропагандистских плакатах военных лет, которая стала моей первой научной публикацией³.

Я получил ученую степень в 1998 году и тогда же был принят в докторантуру Чикагского университета, в котором на тот момент функционировала крупнейшая – за пределами постсоветского мира – программа по истории СССР. Ее курировала Шейла Фицпатрик – дуайен всей той когорты англоязычных историков, которые посвятили себя истории Советского Союза. Зимой 2000 года я подготовил для ее семинара исследовательскую работу о появлении стилига в послевоенном СССР и намеревался сосредоточиться на молодежных субкультурах в дальнейшем⁴. Однако другая специалистка, молодая и талантливая, уже занималась изучением комсомола послевоенной эпохи, и поэтому Фицпатрик сказала мне, что тема уже «занята» – по крайней мере для англоязычного научного пространства⁵.

В конце концов, мы остановились на советских ветеранах. Они оказались социальной группой, над которой раньше никто по-настоящему не работал. Помню, как некий светоч тогдашней исторической науки на одной из конференций не без пом-

3 EDELE M. *Paper Soldiers: The World of the Soldier Hero According to Soviet Wartime Posters* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1999. Bd. 47. № 1. S. 89–108.

4 IDEM. *Strange Young Men in Stalin's Moscow: The Birth and Life of the Stiliagi, 1945–1953* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2002. Bd. 50. № 1. S. 37–61.

5 См. работы Юлианы Фюрст: FÜRST J. *The Importance of Being Stylish: Youth, Culture and Identity in Late Stalinism* // IDEM (Ed.). *In Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention*. London; New York: Routledge, 2006. P. 209–230. Последняя из этих статей позже вылилась в целую книгу: IDEM. *Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism*. Oxford: Oxford University Press, 2010. Фюрст сохраняет преданность теме и сегодня; см. новаторскую работу: IDEM. *Flowers through Concrete: Explorations in Soviet Hippieland*. Oxford: Oxford University Press, 2021 [Фюрст Ю. *Цветы, пробившие асфальт. Путешествие в Советскую Хиппиандию*. М.: Новое литературное обозрение, 2023].

пы заявил, что с ветеранами он «уже покончил», но на деле в его избыточно теоретичной и недостаточно фундированной книге они упоминались лишь вскользь. Примерно в то же время перевели и издали по-английски рубежную книгу Елены Зубковой, в которой впервые был представлен общий обзор социальной истории послевоенных лет⁶. Тогда же Елена Сенявская опубликовала хорошую работу о фронтовом поколении, то есть о тех ветеранах, которые ушли на войну со школьной скамьи; правда, в ней основное внимание уделялось их военному опыту, а не послевоенной жизни⁷. Наконец, имелись несколько статей о демобилизации⁸ и кое-какая литература о репатриации и судьбах репатриированных – в частности, работы Виктора Земскова, Виктора Наумова и Павла Поляна⁹. Но всем перечисленным дело и ограничивалось¹⁰. К счастью, архивы тогда были распахнуты настезь.

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Я научился ругаться матом, курить «Беломорканал»,
соответствующе одеваться и вести себя, как хулиган –
чтобы настоящая шпана, которая хозяйничала на
городских окраинах, меня не трогала.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Таким образом, я вышел на советских ветеранов почти случайно. Выбор не был внутренне мотивированным – а вот о стилягах, скажем, я писал под влиянием собственного соприкосновения с молодежной культурой Питера 1990-х. Вместе с тем он не был связан и с политикой. Фактически одной из привлекательных особенностей российской истории была ее

- 6 Зубкова Е. *Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957*. London: M.E. Sharpe, 1998 [Зубкова Е. *Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953*. М.: РОССПЭН, 1999].
- 7 Сенявская Е.С. *1941–1945. Фронтовое поколение: историко-психологическое исследование*. М.: Институт российской истории РАН, 1995.
- 8 Яковсон С. *The Soviet G.I.'s Bill of Rights // American Review on the Soviet Union*. 1945. Vol. 7. № 1. P. 56–63; Донченко В.Д. *Демобилизация советской армии и решение проблемы кадров в первые послевоенные годы // История СССР*. 1970. № 3. С. 96–106.
- 9 Земсков В.Н. *К вопросу о репатриации советских граждан 1944–1951 гг. // История СССР*. 1990. № 4. С. 26–41; Он же. *Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956) // Социологические исследования*. 1995. № 5. С. 3–13; Наумов В.П. *Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессии // Новая и новейшая история*. 1996. № 2. С. 91–112; Полян П.М. *Жертвы двух диктатур: оstarбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация*. М., 1996.
- 10 Подробный историографический обзор по состоянию на конец 2003 года можно найти в: EDELE M. «*A Generation of Victors?*»... Vol. 1. P. 15–30.

аполитичность: так, в моей теме было доступно безбрежное море нового материала, проделано очень мало работы, и почти никто всем этим не интересовался – причем как в России, так и за рубежом. В конце концов, могу же я хотеть просто стать профессионалом, не задумываясь ни о политике, ни об идеологии? В ретроспективе все это выглядит довольно курьезным, учитывая, как все обернулось впоследствии, но в то время я воспринимал свою научную деятельность именно так: это было изучение очень интересной страны с захватывающей историей. Других мыслей на ее счет у меня тогда не имелось.

По-видимому, эта аполитичная позиция оказалась одной из причин, почему меня не привлекали сюжеты из 1930-х, хотя в то время большинство американских и европейских историков, сосредоточившихся на России и Советском Союзе, были вовлечены в полемику, касающуюся именно этого периода, а также примыкавшего к нему десятилетия 1920-х. Именно тогда разворачивалась великая битва между «тоталитаристами», «ревизионистами» и «постревизионистами», не смолкавшая вплоть до 1980-х. Причем открытие советских архивов отнюдь не охладило споры, но, напротив, лишь подогрело их новыми эмпирическими свидетельствами. На этой площадке толпилось все больше специалистов, и втиснуться туда с какой-то новой темой начинающему ученому было просто невозможно. Кроме того, здесь слишком громко полемизировали, причем некоторые спорщики явно страдали завышенной самооценкой¹¹.

И, напротив, вторая половина 1940-х и начало 1950-х – мы называли это время «поздним сталинизмом» – мало кого интересовали¹². Фицпатрик одной из первых написала две работы по советской социальной истории послевоенных лет, из которых опубликована была только одна¹³. Имелись несколько старых, и в основном спекулятивных, работ по послевоенной политике¹⁴, а также превосходная политическая история из разряда более свежих трудов¹⁵. Я много раз перечитывал работы Зубковой, которая задала повестку социальной истории послевоенного периода; помимо всего упомянутого, имелись

11 FITZPATRICK S. *Revisionism in Retrospect: A Personal View* // *Slavic Review*. 2008. Vol. 67. № 3. P. 682–704; EDELE M. *Debates on Stalinism*. Manchester: Manchester University Press, 2020.

12 FÜRST J. (Ed.). *In Late Stalinist Russia...*

13 FITZPATRICK S. *Social Mobility in the Late Stalin Period: Recruitment into the Intelligentsia and Access to Higher Education, 1945–1953*. Неопубликованная рукопись, 1978; IDEM. *Postwar Soviet Society: The "Return to Normalcy", 1945–1953* // LINZ S.J. (Ed.). *The Impact of World War II on the Soviet Union*. Totowa: Rowman & Allanhead, 1985. P. 129–156.

14 См., например: НАНН G.W. *Postwar Soviet Politics: The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946–1953*. Ithaca: Cornell University Press, 1982.

15 Пихоя Р.Г. *Советский Союз: история власти, 1945–1991*. М.: Издательство Российской академии государственной службы, 1998.

также отличная старая книга, посвященная деятельности Трофима Лысенко, вкупе с несколькими более новыми публикациями, сосредоточенными на сталинской науке послевоенных лет¹⁶, исследование Киса Ботерблума, в центре которого была одна из областей РСФСР в послевоенные годы¹⁷, а также шумевшая книга, автор которой намеревался задать тональность дебатов, но не сумел сделать этого¹⁸. Если говорить о более широком контексте, то обширно была представлена военная и дипломатическая история, причем и на русском, и на английском, и на немецком, но ни то ни другое меня тогда не слишком интересовало. О социальной же истории военной поры не написали почти ничего; в таком же зачаточном состоянии находилась и разработка культурной истории¹⁹.

Наиболее интригующим выглядело постоянно увеличивающееся число учреждений, открывавших для исследователей доступ к своим запечатанным ранее архивам, и введение в научный оборот все новых источников²⁰. Это происходило как в России, так и за ее пределами. Нам было известно, что в открываемых хранилищах содержится еще много свежих материалов, поскольку пока весь этот массив обрабатывался лишь небольшой горсткой западных историков. По большей части это были специалисты, настроенные на сотрудничество и совсем непохожие на кое-кого из тех воинственных и завистливых историков, которые занимались 1930-ми. Многие представители нарождавшейся школы, ориентированной на изучение послевоенной эпохи, были связаны с исследовательской группой, которую Шейла Фицпатрик собрала в Чикагском университете. Среди них можно упомянуть Криса Бертона, изучавшего состояние послевоенной медицины и здравоохранения; Чарльза Хачтена, ставшего моим близким другом и шафером на свадьбе, занимавшегося правами собственности; Джули Хесслер, опубликовавшую новаторскую книгу о советской торговле, Алана Баренберга, написавшего историю Воркуты, и Брай-

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСЯ

- 16** MEDVEDEV Z. *The Rise and Fall of T.D. Lysenko*. New York: Columbia University Press, 1969 [МЕДВЕДЕВ Ж. *Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966)*. М.: Книга, 1993]; JORAVSKY D. *The Lysenko Affair*. Cambridge: Harvard University Press, 1970; ГРАНАМ L.R. *Science and Philosophy in the Soviet Union*. New York: Alfred A. Knopf, 1972; VUCINICH A. *Empire of Knowledge: The Academy of Sciences of the USSR, 1917–1970*. Berkeley: University of California Press, 1984; СОЙФЕР В.Н. *Власть и наука: история разгрома генетики в СССР*. Tenafly: Hermitage, 1989; KREMENTSOV N. *Stalinist Science*. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- 17** BOTERBLOEM K. *Life and Death under Stalin: Kalinin Province*. Montreal; London; Ithaca: McGill-Queens University Press, 1999.
- 18** WEINER A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2001.
- 19** См. исключения: BARBER J., HARRISON M. *The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II*. London; New York: Longman, 1991; STITES R. (Ed.). *Culture and Entertainment in Wartime Russia*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1995.
- 20** Наиболее важные из них были опубликованы в книжной серии «Россия. XX век. Документы», издававшейся Международным фондом «Демократия».

ана Лапьера, изучавшего уличную преступность в хрущевские годы²¹. С другими специалистами я встречался в архивах или за кружкой пива в московских барах, где мы обменивались информацией; в этом ряду: Пол Стронски, написавший прекрасную книгу о Ташкенте, – причем задолго до того, как стало модно «деколонизировать» советскую историю; Мартин Блэквелл, трудившийся над историей Киева; Карл Куоллс, интересовавшийся восстановлением Севастополя; Джим Хайнцен, написавший обстоятельную книгу о коррупции; Полли Джонс, работавшая над советской памятью о сталинизме и впоследствии ставшая профессором-русистом в Оксфорде²².

Помимо Елены Зубковой, которая была моим научным куратором во время работы в Москве, еще два видных историка оказали на меня наиболее ощутимое влияние. Первой я хотел бы упомянуть немецкую исследовательницу Беату Физелер, защитившую докторскую диссертацию (*Habilitation*) по истории советских инвалидов войны. К сожалению, эта работа так и не была опубликована, но автор предоставила мне ее текст, который глубоко повлиял на мою главу об инвалидах Отечественной войны²³. А вторым особо значимым человеком для меня стал американско-британский историк Дональд Фильцер, который подытожил серию своих исследований, посвященных истории советского рабочего класса, внушительным томом о послевоенных годах. Мы часто обсуждали точки пересечения наших тем (его центральным сюжетом была интеграция вернувшихся ветеранов в трудовые ресурсы страны); кроме того, он показал мне свою книгу в рукописном варианте задолго до того, как она была издана. Читать его тексты было все равно, что наблюдать, как над долиной рассеивается туман: раньше я имел лишь размытое представление о пейзаже, но

- 21** BURTON C. *Medical Welfare during Late Stalinism: A Study of Doctors and the Soviet Health System, 1945–1953*. Ph.D. diss. University of Chicago, 2000; HESSLER J. *A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004 [ХЕССЛЕР Д. *Социальная история советской торговли. Торговая политика, розничная торговля и потребление (1917–1953 гг.)*. СПб.: Academic Studies Press, 2022]; НАХТЕН СН. *Property Relations and the Economic Organization of Soviet Russia, 1941–1948*. Ph.D. diss. University of Chicago, 2005; LAPIERRE B. *Hooligans in Khrushchev's Russia: Defining, Policing, and Producing Deviance during the Thaw*. Madison: University of Wisconsin Press, 2012; BARENBERG A. *Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta*. New Haven: Yale University Press, 2014.
- 22** STRONSKI P. *Tashkent: Forging a Soviet City, 1930–1966*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2010; BLACKWELL M.J. *Kyiv as Regime City: The Return of Soviet Power after Nazi Occupation*. Rochester: University of Rochester Press, 2016; QUALLS K. *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2009; HEINZEN J.W. *The Art of the Bribe: Corruption under Stalin, 1943–1953*. Stanford: Hoover Institution Press, 2016; JONES P. *Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–1970*. New Haven: Yale University Press, 2013.
- 23** FIESELER B. *Die Invaliden des «Grossen Vaterländischen Krieges» der Sowjetunion: Eine politische Sozialgeschichte, 1941–1991*. Habilitationsschrift. Ruhr-Universität Bochum, 2003. По материалам своей диссертации она опубликовала серию блестящих статей, см., например: IDEM. *The Soviet Union's "Great Patriotic War" Invalids: The Poverty of a New Status Group // Comparativ – Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung*. 2010. Bd. 20. № 6. S. 34–49.

теперь очертания всего просматривались с гораздо большей четкостью²⁴.

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ В МОСКВИЧА

Будучи самопровозглашенным петербуржцем, я, естественно, презирал Москву (подобно тому, как сегодня, по собственной воле избрав местом проживания Мельбурн, морщу нос при упоминании Сиднея)²⁵. Впервые я прибыл в российскую столицу на петербургском поезде в октябре 1995 года. Целью поездки было участие в летней школе по исторической информатике. Москва показалась мне разгульной, дорогой и полной недружелюбных людей. В отличие от Петербурга, здесь у меня не было друзей. Я был счастлив вернуться на берега Невы – в места, которые виделась мне центром цивилизации. На самом деле исторические вычисления меня не слишком увлекали, но каким-то таинственным образом удалось получить грант, покрывающий участие в этом мероприятии. Наиболее запоминающимся моментом этой маленькой эпопеи стало проживание в общежитии МГУ – опыт, который мне не с чем сравнивать ни до ни после.

Второй раз я вернулся в Москву в 2000 году исключительно по причинам профессионального свойства: к тому времени мне уже довелось стать докторантом Чикагского университета, а в российской столице находились архивы, в которых хотелось поработать. Первая поездка была относительно короткой; подготавливая заявку на диссертационную тему и разрабатывая план исследования, мне нужно было ознакомиться с архивными фондами, а также с местными правилами архивной работы. Но в 2001 году, когда я получил немецкий грант на проведение годичной научной стажировки в Москве, все было уже совсем по-другому.

Здесь стиль жизнь заметно отличался от того музыкально-вольготного существования, к которому я привык в Санкт-Петербурге. На этот раз я приехал трудиться, а не развлекаться. Поначалу у меня не было московских друзей, а качество моего русского языка не позволяло подобающим образом общаться с архивными работниками (те языковые навыки, которыми

24 FILTZER D. *Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after World War II*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002 [Фильцер Д. *Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после Второй мировой войны*. М.: РОССПЭН, 2011].

25 Соперничество между Мельбурном и Сиднеем не похоже на конкуренцию между Петербургом и Москвой – и не только из-за того, что ни один из этих австралийских городов не является национальной столицей, но еще и потому, что Мельбурн, разумеется, готов претендовать на лавры Москвы и Петербурга одновременно, а также вдобавок и Нью-Йорка. Так что, возможно, разницу лучше пояснить известной шуткой: интересуясь какой-то злободневной темой, мельбурнцы основывают журнал, а сиднейцы созывают вечеринку.

я обогатился в питерских пабах и клубах, а также на улицах, не очень подходили для церемонного общения). Я понятия не имел, как объять свою необъятную тему, и прорабатывал столько документов, сколько мог осилить, поскольку о ветеранах упоминалось буквально в каждом из них. Это не могло не вызывать ощущения постоянной перегрузки – я лихорадочно читал, читал и читал.

После того, как первое возбуждение от жизни и работы в Москве прошло, я впал в глубокую депрессию где-то на полгода. При этом я не догадывался о природе своего состояния, поскольку никогда не испытывал ничего подобного, а разговоры о «психическом здоровье» тогда были менее популярны, чем сейчас. Было невыносимо вставать с постели по утрам. Я просыпался, открывал глаза – и ощущал себя абсолютно разбитым. Москва казалась мне враждебной: знакомых людей нет, обратиться за помощью не к кому, а все вокруг, казалось, только и делают, что орут на меня. Движимый чувством долга, я вытаскивал себя из кровати и отправлялся в архив, где оставался до закрытия. Затем шел куда-нибудь выпить и перекусить, а потом отправлялся домой спать. Выпивка помогала справляться с депрессией, но по утрам становилось еще хуже.

Со временем, однако, мрак рассеялся – по целому ряду причин. Мой русский стал гораздо лучше, и повседневность теперь не так угнетала меня. Поняв, как работают архивы, я выстроил определенный жизненный ритм. У меня появились друзья как среди заезжих иностранцев, так и среди русских интеллигентов. Мне больше не нужно было выпивать в одиночестве. Удивительным образом архивариусы тоже стали заметно дружелюбнее – возможно, отчасти это объяснялось тем, что я продолжал взаимодействовать с ними уже после того, как в сентябре схлынул поток американских ученых.

Здесь надо пояснить, что каждый год в сентябрьские дни американцы, подобно саранче, обрушивались на московские архивы; нашествие было кратким, покрывая небольшой промежуток между завершением летних отпусков (когда архивы были закрыты) и началом американского учебного года. У заокеанских коллег было мало времени, но зато полно грантовых денег; преисполняясь собственной значительностью, они сорили долларами, чем сильно раздражали всех вокруг. Но, в конечном счете, они уехали, а я остался. Архивариусы вздохнули с облегчением, и я стал частью их жизни: читателем, который приходит каждый день, тихо работает и не доставляет хлопот. Со временем я даже научился быть полезным: всякий раз, когда в архиве появлялся какой-нибудь американец с особенно дурным русским, но гипертрофированным ощущением

своего величия, я помогал переводить, растолковывал правила и объяснял, как вести себя прилично.

Я стал лучше одеваться, что само по себе отличный анти-депрессант. Произошло это чисто случайно. Как-то вечером я пошел в театр, что случалось со мной не часто. Я надел костюм и галстук, поскольку в тогдашней Москве было принято ради похода в театр принарядиться. И там мне вдруг показалось, что я стал частью этого прилично одетого города. Ощущение пришло по душе, и я решил, что отныне буду ходить в костюме; даже купил еще один на смену. В результате архивариусы, как показалось, стали относиться ко мне еще любезнее: наконец-то, я стал похож на подлинного ученого, а не на каких-то западных бездельников, одевающихся чуть лучше подмосковных дачников.

Я по-прежнему сохраняю привязанность к костюмам: московские привычки переехали со мной в Чикаго, а затем и в Австралию – чрезвычайно непринужденное место, где профессора нередко читают лекции в шортах и футболках. Разумеется, сам я так не поступаю. Когда я, в пиджаке и при галстуке, явился в свою *alma mater* в Тюбингене, где мне предстояло выступить с докладом, почетный профессор Дитрих Гейер (1928–2023), знавший меня еще студентом в кожаной куртке, воскликнул: «Герр Эделе! Как хорошо вы выглядите! Большой цивилизованный мир сделал из вас человека!» Он был прав, но лишь отчасти, потому что главная заслуга в этом принадлежала именно Москве. Российская столица стала частью моей личности. Я до сих пор одеваюсь, как москвич начала 2000-х.

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

МОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Осваивая новое чувство стиля, я по-прежнему почти все свое время проводил за работой. Работа в московских архивах в начале 2000-х стала потрясающим опытом. Материала было такое изобилие, а архивов – так много, что глаза разбегались: трудно было решить, чем вообще не стоит заниматься. Более того, архивы оказывались не единственным источником информации. В библиотеках и книжных магазинах Москвы постоянно появлялись книжные новинки, а также биографии и мемуары – один из моих любимых жанров. И, конечно, еще живы были ветераны, с которыми можно было поговорить.

Первоначально я вообще хотел целиком сосредоточиться на устной истории. Но несколько проведенных интервью убедили меня, что это начинание, требуя колоссального времени, приносит слишком малую отдачу. Ветераны с удовольствием повествовали о войне, но меня интересовала их послевоенная

жизнь, о которой большинству рассказывать совсем не хотелось – по крайней мере незнакомому человеку. Если я немножко нажимал, то они либо говорили, что «все было ужасно», либо – когда моими собеседниками оказывались функционеры ветеранских организаций, – что «все было отлично, поскольку о нас заботилось государство». Благодаря уже собранным архивным материалам я знал, что последнее утверждение являлось очевидным лукавством. Тем не менее беседы, которые я вел с ветеранами, помогли уточнить мои воззрения на Вторую мировую войну, что отразилось в моих последующих научных работах.

Исходя из богатства источников, а также из того факта, что в распоряжении у меня имелся всего год, задача состояла в том, чтобы добиться максимальной оптимизации трудового процесса. Я составил расписание, учитывавшее разницу в часах работы архивных учреждений. Если какое-то из них закрывалось раньше, скажем, по средам, то в этот день можно было сменить дислокацию и провести еще несколько часов в другом архиве. Постепенно я приучил свой организм к плотному завтраку и плотному ужину без обеда, так что мне не нужно было тратить время на прием пищи в разгар работы. Это особенно пригодились в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), где иностранцев постоянно сопровождали от входа и до выхода. Если вы хотели работать там весь день, приходилось обходиться без еды и питья. РГАНИ пользовался также дурной славой из-за того, что туда запрещалось приносить ноутбуки и все записи приходилось делать вручную. Днями напролет я сидел, переписывая статистику членства КПСС. Она требовалась для того, чтобы оценить влияние демобилизации на состояние партийных рядов. Конечно, я давно оцифровал все данные, но эти исписанные карандашом блокноты до сих пор бережно храню: очень трудно заставить себя выбросить живые свидетельства тех дней и недель, на протяжении которых я с утра до ночи горбатился над устройством для микрофильмов, страдая от голода и жажды.

В другие архивы с ноутбуком пускали, но нужно было предварительно обзавестись специальным пропуском. Причем где-то компьютер позволяли подключить к розетке, а где-то нет – скорее всего по той причине, что в зданиях была ветхая проводка. Я помню день, когда розетка под столом моего соседа буквально взорвалась. Этот российский коллега подпрыгнул от испуга, завопив: «Они хотят меня убить!», но быстро успокоился и просто пересел на другое место – ведь работать-то надо. Остальные взволнованно переглянулись, но затем вновь уткнулись в свои папки. С содроганием думаю, что произошло бы в подобной ситуации в Австралии: вызвали бы пожарную

3С
 Государственная публичная историческая библиотека России
 Зал отечественной истории (зал № 2)
 Билет № 7602/15ч, 19ч

Фамилия Эделе

Марк

Действителен по 31. XII. 2024

Регистратор Меллер

Телефоны:
 Читальный зал № 2 928 5616
 Зал периодики 928 5438
 Отдел платных услуг 928 0195

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
 ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ АН СССР

БИЛЕТ

Выдан тов. Эделе Марк

к. 337

Н. Февраль дообс.

кн. фонда
 здания читателей

19. 16. Энвард дообс.

Ф. 10. Зак. 44. Тир. 10 000

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
 ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
 ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Илл. 4. Читательские билеты российских библиотек, которые посещал Марк Эделе.

бригаду, поднялась бы жуткая суматоха, исследовательский день ушел бы коту под хвост, а сам архив закрыли бы на долгий ремонт электропроводки. В Москве же мы как ни в чем ни бывало просто продолжали заниматься своим делом. Запрет подзаряжать ноутбук означал, что вам надо было или брать с собой запасной аккумулятор, или переходить на бумагу и ручку, как только батарейка садилась.

Со временем меня осенило: ведь заметки можно делать в электронной записной книжке (*palm pilot*) – нужно только раздобыть внешнюю складную клавиатуру. Это маленькое устройство работало от пальчиковых батареек; иначе говоря, имея в кармане несколько запасных батареек, я мог печатать весь день, а вечером перегружать файлы на компьютер. У этого метода были и кое-какие дополнительные преимущества: не

нужно было таскать по всей Москве тогда еще довольно увесистый ноутбук. Гаджет засовывался в карман куртки, а я извлекся от необходимости предъявлять милиционеру-автоматчику на входе разрешение на использование компьютера.

Конечно, все это происходило задолго до того, как смартфон превратился в стандартный аксессуар современного человека, а фотографировать в российских архивах строго запрещалось. Можно было заказывать копии на бумаге или в микрофильмах, но оба способа оказывались дорогими и времязатратными. Лично я редко ими пользовался. (К слову, с этим была связана одна из проблем, создаваемых американскими исследователями: приезжая на месяц в сентябре, они заказывали сотни ксерокопий, причем всегда по ускоренной процедуре, чем сильно раздражали персонал архивов.) Позже выяснилось, что мое решение было правильным: работая дома со своим компьютером, я извлекал нужную информацию по ключевым словам, а бумажные ксерокопии сначала приходилось оцифровывать, и только после этого в них удавалось что-то найти. Учитывая объем материала, собранного за тот год, мне, не делая я тогда свои заметки в *palm pilot*, потребовалось бы очень много времени, чтобы навести элементарный порядок в сделанных копиях.

Отработав день в архиве, можно было либо отправиться в обычную библиотеку, чтобы потрудиться еще, либо пройтись по книжным магазинам в поисках новинок. И, конечно, надо было поужинать. Тогдашняя Москва была совсем не похожа на Петербург, с которым я познакомился в 1990-х; это был один из самых дорогих городов мира, особенно для иностранцев. Мы, аспиранты, взяли себе за правило никогда не питаться в ресторанах, где есть меню на английском языке, – такие заведения предназначались для туристов, и потому цены там были заоблачными. Большую часть своих вечеров я проводил в литературно-музыкальном клубе «Проект О.Г.И.», который располагался в Потаповском переулке. Здесь можно было перекусить и выпить по разумным ценам, послушать музыку, встретиться с друзьями и покопаться на полках отличного книжного магазина, открытого круглосуточно. Другими моими обиталищами стали, во-первых, филиал «Проекта О.Г.И.» под названием «ПирОГИ на Никольской», расположенный неподалеку от Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а во-вторых, кафе «Китайский летчик Джао Да», сочетавшее дешевую и вкусную еду, а также холодное пиво с живой музыкой и находившееся в нескольких минутах ходьбы от Государственной публичной исторической библиотеки («Исторички»).

Именно в ней я обычно проводил свои выходные – если, конечно, не отправлялся в читальный зал периодики Российской

государственной библиотеки, находящийся в Химках. Мне нравились оба места: там всегда можно было почитать что-нибудь интересное, а заодно и отлично поесть в столовой. В Химках я изучал региональные газеты, а также разнообразные публикации, выпускаемые послевоенными университетами, где после 1945-го обосновались многие ветераны. Что касается «Исторички», то здесь я стал завсегдатаем читального зала, где хранились сборники правовых актов.

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСЯ

Целый год ушел у меня на то, чтобы разобраться в запутанном и постоянно менявшемся законодательстве, регулирующем положение демобилизованных, инвалидов, репатриированных, а также просто участников Великой Отечественной войны, которые до конца 1970-х упоминались в правовых актах не столь часто.

Именно в нем я пережил наиболее важный сдвиг в своей исследовательской программе: мне невольно пришлось стать историком-правоведом. Все началось с того, что, читая архивные материалы, я постоянно наталкивался на упоминания различных законов, указов и постановлений, касающихся бывших фронтовиков. Осознав свое неведение относительно того, в чем в действительности состояли их «законные права», я как-то подумал: посижу денек в «Историчке» – и разберусь с этим. Тогда я и понятия не имел, во что ввязываюсь: целый год ушел у меня на то, чтобы разобраться в запутанном и постоянно менявшемся законодательстве, регулирующем положение демобилизованных, инвалидов, репатриированных, а также просто участников Великой Отечественной войны, которые до конца 1970-х упоминались в правовых актах не столь часто. Другой массив документов касался вручаемых в военную пору орденов и медалей, а также сопутствовавших им привилегий, объем которых после войны постоянно менялся – и, как правило, не в пользу ветеранов. Детективная работа по восстановлению всей этой законодательной истории оказалась долгой, но дело того стоило: в итоге я получил большое удовлетворение.

После «СОВЕТСКИХ ВЕТЕРАНОВ»

Я покинул Москву в августе 2002 года, когда столица задыхалась из-за смога, вызванного окрестными лесными пожарами, –

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

возможно, то было предзнаменование моего австралийского будущего. У меня ушли полтора года на обработку собранных материалов и написание диссертации; все это происходило в Чикагском университете, где я преподавал, поначалу ведя семинары, а позже став адъюнкт-лектором. Готовясь в 2004 году к защите диссертации, я пытался найти преподавательскую должность в любой точке англоязычного мира (по целому ряду причин у меня не было желания возвращаться в Германию). Но в тот период академическое сообщество почти не интересовалось Россией: за 2003–2004 годы в англоязычных университетах не открылось ни одной вакансии, связанной с русской историей. Тогда я подготовил невероятное количество заявок – в основном на позиции, касающиеся европейской истории. В конце концов, мне предложили читать лекции по современной истории Европы в Университете Западной Австралии, расположенном в самой отдаленной региональной столице в мире – Перте. Когда я сообщил отцу о своем намерении, тот от души рассмеялся. «Ну и ну, – сказал он, – потратить столько времени и сил, чтобы распрощаться с нашей глубиной, а потом найти работу в провинциальном шахтерском городе на самом краю света! Ты хоть знаешь, как далеко оттуда до Парижа или Москвы?» Я переехал в Перт в 2004 году.

Отец был прав. Переезд в Австралию положил конец моим визитам в Россию – и тем более в Париж. Перелет был намного длиннее и дороже, чем из Европы или Северной Америки. Мои близкие жили в Соединенных Штатах и в Германии, и все свободное от академической деятельности время я тратил на визиты к родственникам. Правда, в январе–феврале 2006 года мне удалось совершить еще одну длительную поездку в Россию, но, как только родилась дочь, долгие отлучки, неизбежные при проведении исследований в Москве, стали невозможными. Теперь, когда в доме появилась малышка, родители которой вынуждены были заниматься собственной карьерой, а на помощь какой-либо родни рассчитывать не приходилось, я должен был оставаться в Перте.

Мне пришлось найти иные способы научной работы и переключиться на книги по другой проблематике. Навещая немецких и американских родственников, я старался уделять время местным архивам. У нас с женой была возможность, оставив дочку на бабушкино и дедушкино попечение либо в Германии, либо в США, на неделю выбираться в архивы Вашингтона или Фрайбурга, а выходные проводить в семейном кругу. Со временем в моих научных маршрутах появились Украина и балтийские страны – места, где я раньше не бывал, но куда легко было попасть, поскольку гражданину Европейского союза уже не требовалась въездная виза. Условия работы здесь были на-

много лучше, чем в Москве: меньше враждебности к иностранцам и больше заинтересованности в сотрудничестве и помощи. В результате я не появлялся в России на протяжении весьма долгого времени. За этот период многие русские друзья московской поры покинули свою страну. Иначе говоря, мои воспоминания о Москве относятся к другой эпохе и другому столетию; сейчас мир стал совсем другим.

Тем не менее научная деятельность, которой я занимался в России, оказалась определяющей в моем становлении в качестве ученого. В определенном смысле я никогда не оставлял советских ветеранов. Перефокусировав внимание с послевоенных лет на военное время, я написал две книги о советском опыте войны: одну – о перебежчиках и коллаборационистах, основанную по большей части на немецких архивных материалах, другую – о советском военном опыте в целом, написанную на материалах из российских, украинских, немецких, эстонских, латвийских, литовских и американских архивов, а также на устных историях, мемуарах и других источниках²⁶. Я также был вовлечен в небольшой проект, посвященный польским евреям, которым удалось выжить из-за того, что они оказались в Советском Союзе – вдали от расстрельных команд Гитлера²⁷. Случайная встреча с Мартином Кротти, историком австралийских ветеранов, состоявшаяся в Перте в 2010 году, привела к новому погружению в компаративные аспекты моего исследования, которые невозможно было включить в мою книгу о ветеранах²⁸. В конечном счете, это сотрудничество привело к тому, что Кротти и я начали взаимодействовать с Нилом Диамантом – политологом и историком китайских ветеранов²⁹. Кроме того, в придачу ко всему перечисленному я вошел в большую команду историков, изучающих последствия войн XIX–XX веков в глобальной перспективе³⁰.

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

- 26** EDELE M. *Stalin's Defectors: How Red Army Soldiers became Hitler's Collaborators, 1941–1945*. Oxford: Oxford University Press, 2017; IDEM. *Stalinism at War: The Soviet Union in World War II*. London: Bloomsbury, 2021. [См. опубликованную в «НЗ» рецензию Павла Гаврилова на последнюю из упомянутых книг: Неприкосновенный запас. 2024. № 1(153). С. 231–236. – *Примеч. ред.*]
- 27** EDELE M., FITZPATRICK S., GROSSMANN A. (Eds.). *Shelter from the Holocaust: Rethinking Jewish Survival in the Soviet Union*. Detroit: Wayne State University Press, 2017.
- 28** CROTTY M., EDELE M. *Total War and Entitlement: Towards a Global History of Veteran Privilege* // Australian Journal of Politics & History. 2013. Vol. 59. № 1. P. 15–32.
- 29** CROTTY M., DIAMANT N., EDELE M. *The Politics of Veteran Benefits in the Twentieth Century: A Comparative History*. Ithaca: Cornell University Press, 2020.
- 30** Australian Research Council Discovery Project DP200101777 «Aftermaths of War: Violence, Trauma, Displacement, 1815–1950». Одним из результатов проекта станет следующая публикация: CLARKE F., DAMOUSI J., DWYER P., EDELE M., HOFMANN R., KIESER H.-L. *Dreams and Nightmares: Imagining the Aftermath of War* // English Historical Review. 2025. Vol. 140 [в печати].

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ» ПОЧТИ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ

Но вернемся к началу: когда я впервые подступился к ветеранской теме, мне было 28 лет. Владимир Путин тогда только стал президентом, а я был иностранным студентом, живущим на весьма скудную стипендию и толком не понимающим, чем он занимается. К тому моменту, когда я защитил диссертацию, мне исполнилось 32 года, и меня поглощало выстраивание научной карьеры. Книга вышла, когда мне исполнилось 36, и я работал младшим преподавателем в провинциальном австралийском университете. Прошло еще пятнадцать лет, прежде чем «Советские ветераны» были изданы в России – в великолепном, кстати, переводе. Проверяя русский текст, я перечитал книгу, будучи уже состоявшимся профессором Мельбурнского университета средних лет. Когда я делал это, меня поразили несколько вещей³¹.

Во-первых, это то, какую масштабную работу я провел, подготавливая свою монографию. Будучи новичком в профессии, я еще не знал, что можно писать хорошие книги, используя гораздо меньше материала. А во-вторых, это то, до какой степени моя книга *не является* «русоцентричной». Сегодня в англоязычном мире много рассуждают о «деколонизации» русской истории³². Нередко приходится слышать, например, о том, что «типичное» изучение российской и советской истории сфокусировано исключительно на политике Москвы, а прочие части страны, и в особенности нерусские республики, ставшие ныне четырнадцатью правопреемницами Советского Союза, в нем игнорируются.

К «Советским ветеранам» подобная критика применима лишь отчасти. Бесспорно, мое исследование базировалось на материалах российских архивов, главным образом московских, и подкреплялось архивными документами, найденными в Нижнем Новгороде и Екатеринбурге. Но за этим стоял вполне прагматичный выбор: полученная мной финансовая поддержка покрывала лишь год архивных изысканий, а хранилища в Москве были настолько богаты, что имело смысл провести большую часть времени именно там. Способствовали этому и проблемы с логистикой: мало того, что гражданину ЕС получение российской визы давалось довольно хлопотно – для въезда в Украину в те ранние годы ему требовалась другая виза. Да, некоторые коллеги-ученые посещали и другие республики, но обычно

Илл. 5. Русскоязычное издание «Советских ветеранов Второй мировой войны» Марка Эделе (2023).

31 ЭДЕЛЕ М. *Советские ветераны Второй мировой войны. Народное движение в авторитарном государстве, 1941–1991*. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

32 EDELE M., FRIEDMAN R. *Elements in Soviet and Post-Soviet History: A Contribution to Decolonizing Soviet History* // ASEES Newsnet. 2022. Vol. 62. № 4. P. 16–18.

это происходило только из-за того, что они разрабатывали какую-то тему, касающуюся определенной территории. Люди же с «общесоюзной» тематикой предпочитали работать в России, где находятся всесоюзные архивы.

Также верно и то, что в книге, в конечном счете, представлена именно российская история: хотя повествование начинается в Советском Союзе, заканчивается оно в постсоветской России. Меня не слишком интересовало, что происходило с ветеранами в Украине, Литве или Казахстане. Да и сам по себе я оставался «русистом»: говорил и читал только по-русски, а страной, которая меня заинтересовала, в которой я жил и в которой обзаводился друзьями, была именно Россия – крупнейшее из постсоветских государств.

Сегодня я написал бы окончание этой истории совсем по-другому, обозначая различные пути, которыми шли ветераны в разных постсоветских государствах, и рассматривая непростую политику в отношении исторической памяти и ветеранских льгот в каждой из республик. Соответственно, финал истории оказался бы гораздо более децентрализованным, интернациональным и транснациональным. Возможно, для этого потребовалась бы дополнительная глава или даже несколько глав. Сегодня я также дополнил бы документы российских архивов материалами архивов других государств. В частности, я попытался бы побольше узнать о довольно нетипичной истории ветеранской организации в Киеве, о которой упоминалось в документах Советского комитета ветеранов войны и которая вполне могла оставить следы в украинских архивах.

Но если говорить о самой сути моей книги, то она отнюдь не была «руссцентричной». Конечно, многие из ветеранов, чьи истории в ней рассказывались, были русскими; но одновременно среди них было много украинцев, белорусов, азербайджанцев, казахов, евреев и других. Глава, описывающая демобилизацию, проводит читателя по всей стране Советов – на поезде, барже или корабле, в грузовике и повозке, иногда самолетом, а чаще пешком. Глава, посвященная зарождению организованного ветеранского движения, тоже довольно подробно освещает ситуацию по всему Советскому Союзу и подчеркивает динамичное развитие событий в провинциях, зачастую огорчавшее московское ветеранское руководство. Охват всего советского пространства присущ всей книге, а не только главе о демобилизации. В главе об инвалидах войны повествуется не только о том, как они возвращались в разные уголки СССР, но и о том, как они переезжали из республики в республику в поисках лучшей жизни. Одна из причин, по которой бывшим военнопленным иногда удавалось избежать репрессий, состояла в том, что они никогда не задерживались на одном и том же

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

месте слишком долго. Наконец, в главе о ветеранской борьбе за привилегии тоже приводятся свидетельства со всего Союза. Эта «децентрализованная» картина советского общества послевоенных лет не нуждается в «деколонизации». По большей части я и сегодня представил бы ее точно так же.

Но что же все-таки стало бы сегодня иным? Прежде всего я опирался бы на гораздо более качественную вторичную литературу. За прошедшее время и по позднесталинскому периоду, и по хрущевско-брежневским годам появились солидные исследования, базирующиеся на архивных данных³³. И, если бы я приступал к своему научному начинанию сейчас, мне не пришлось бы продвигаться вперед по наитию; опираясь на результаты трудов, предпринятых другими, я избавился бы от необходимости реконструировать то или это событие исключительно по первоисточникам. Впрочем, подобное скорее всего не доставило бы мне столько же удовольствия, сколько я получал от своей исследовательской деятельности прежде.

Здесь предстоит еще затронуть по-настоящему важную нувацию, за минувшие годы скорректировавшую мои воззрения на советскую историю. «Советские ветераны» остаются книгой, ориентированной на миф о Великой Отечественной войне: в особенности это проявляется в тенденции рассматривать войну с Германией в перспективе *pars pro toto*, видя в ней своего рода советский аналог Второй мировой войны³⁴. Ныне я значительно расширил старые хронологические границы,

- 33** Помимо работ о позднем сталинизме, упомянутых выше, можно назвать следующие труды: DUSKIN E. *Stalinist Reconstruction and the Confirmation of a New Elite, 1945–1953*. New York: Palgrave, 2001; GORLIZKI Y., KHLEVNIIK O. *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004 [Хлевнюк О., Горлицкий Й. *Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры*. М.: РОССПЭН, 2011]; ВИСНЕР G. *Women, the Bureaucracy and Daily Life in Postwar Moscow, 1945–1953*. Boulder: East European Monographs, 2006; JONES W.J. *Everyday Life and the “Reconstruction” of Soviet Russia during and after the Great Patriotic War, 1943–1948*. Bloomington: Slavica, 2008; FITZPATRICK S. *On Stalin’s Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics*. Melbourne: Melbourne University Press, 2015; GALMARINI-KABALA M.C. *The Right to Be Helped: Deviance, Entitlement, and the Soviet Moral Order*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016; БОТЕРБЛОЕМ K. (Ed.). *Life in Stalin’s Soviet Union*. London: Bloomsbury, 2019; SLAVESKI F. *Remaking Ukraine after World War II: The Clash of Local and Central Soviet Power*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021; EXELER F. *Ghosts of War: Nazi Occupation and Its Aftermath in Soviet Belarus*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2022; NICOLE E. *German Blood, Slavic Soil: How Nazi Königsberg Became Soviet Kaliningrad*. Ithaca: Cornell University Press, 2023. О постсталинском периоде см., например: ТАУБМАН W. *Khrushchev: The Man and His Era*. New York; London: W.W. Norton & Co., 2003; YURCHAK A. *Everything Was Forever, until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2006 [Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2014]; RALEIGH D.J. *Soviet Baby Boomers. An Oral History of Russia’s Cold War Generation*. Oxford: Oxford University Press, 2012 [Рейли Д. *Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране*. М.: Новое литературное обозрение, 2015]; KOZLOV D. *The Readers of Novyi Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past*. Cambridge: Harvard University Press, 2013; HALE-DORRELL A. *Corn Crusade: Khrushchev’s Farming Revolution in the Post-Stalin Soviet Union*. Oxford: Oxford University Press, 2020; GOLUBEV A. *The Things of Live: Materiality in Late Soviet Russia*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2020; SCHATTENBERG S. *Brezhnev: The Making of a Statesman*. London: I.B. Tauris, 2022.
- 34** TUMARKIN N. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books, 1994.

о чем написал в книге «Сталинизм на войне». Как представляется мне сегодня, Вторая мировая война началась в 1937 году в Азии, и Советы довольно скоро оказались вовлеченными в нее как из-за военной помощи Китаю, так и в силу приграничной войны с Японией, пришедшейся на 1938–1939 годы. Победа Москвы в том конфликте оказала решающее влияние на последующие политические решения Токио, включая отказ от вторжения в СССР и переключение на конфронтацию с Соединенными Штатами. Она также повлияла на то, как Сталин и Гитлер действовали в Европе в 1939–1941 годах. Более того, война не закончилась в 1945-м: западные регионы СССР продолжали лихорадить вплоть до конца 1940-х. Предстоит еще подумать, как именно такое более широкое понимание советской войны меняет историю советских ветеранов, но уже сейчас ясно, что, например, многие законодательные новации, впервые устанавливавшие статус инвалида войны, были приняты именно на второй стадии советской войны, разворачивавшейся в Европе с 1939 года³⁵.

Наконец, стоит сказать несколько слов о том, что происходило с изучением советских ветеранов с 2008 года – с того момента, как моя книга о них была опубликована. В историографическом плане ответ очевиден: не слишком-то и многое. Так, Роберт Дейл опубликовал региональное исследование и несколько статей о демобилизации в Ленинграде, а Александр Сумпф написал долгожданное исследование о ветеранах Первой мировой войны в России и Советском Союзе³⁶. И это, пожалуй, все. Иначе говоря, дело выглядит так, будто моя капитальная переработка в тот памятный московский год заметно облегчила другим коллегам осмысление ветеранской темы.

Если же выйти за пределы науки, то в политическом плане, разумеется, нынешних ветеранов мобилизовали на участие в «исторических войнах», идущих сегодня по всему постсоветскому пространству. В таких местах, как балтийские республики, Украина или Россия, их истории, вероятно, значат в наши дни гораздо больше, чем в начале или в конце 2000-х, когда моя книга писалась и публиковалась. Создается впечатление, что символическая значимость ветеранского сообщества нарастает обратно пропорционально его физической силе и численности.

В 1945 году в Советском Союзе насчитывались от 20 до 25 миллионов участников войны. К 1948 году полученные ими

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

35 См.: ЭДЕЛЕ М. *Советские ветераны Второй мировой войны...* С. 169. Таб. 4.1.

36 DALE R. *Demobilized Veterans in Late Stalinist Leningrad: Soldiers to Civilians*. London: Bloomsbury Academic, 2015; IDEM. *Rats and Resentment: The Demobilization of the Red Army in Postwar Leningrad, 1945–1950* // *Journal of Contemporary History*. 2010. Vol. 45. № 1. P. 113–133; IDEM. *The Valaam Myth and the Fate of Leningrad's Disabled Veterans* // *The Russian Review*. 2013. Vol. 72. № 2. P. 260–284; SUMPFF A. *The Broken Years: Russia's Disabled War Veterans, 1904–1921*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

МАРК ЭДЕЛЕ

«СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»:
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСЯ

льготы и привилегии, и без того весьма скудные, были почти полностью упразднены. Они не располагали ни собственной организацией, ни политическим влиянием. Им предписывалось поскорее возвращаться к работе и не почивать на лаврах. К концу 1970-х, когда у ветеранов появилась собственная организация, установленные законом особые права и довольно высокий социальный статус, их численность сократилась до менее чем десяти миллионов. К 1990 году ветеранов оставалось пять–шесть миллионов, а к 1994-му их было 3,6 миллиона³⁷. Сегодня, в 2024 году, в государствах-правопреемниках СССР проживают около 18,8 тысяч ветеранов, примерно половина из них – в России³⁸. Их статус разнится от страны к стране, но в любом случае это крошечное меньшинство, состоящее из очень старых и зачастую немощных мужчин и женщин. Но их социальная значимость по-прежнему огромна, причем независимо от того, символизируют ли они дух нации или же врагов этого духа – в зависимости от контекста, в котором живут. Учитывая, насколько важны травматические воспоминания о Второй мировой войне для всего пространства бывшей советской империи, их символический вес с уходом последнего ветерана, вероятно, увеличится еще больше. И по этой причине потребность в историках, готовых посвятить себя ветеранам, становится все более актуальной.

Авторизованный перевод с английского Екатерины Иванушкиной

37 ЭДЕЛЕ М. *Советские ветераны Второй мировой войны...* С. 410.

38 Точная цифра, согласно справочным данным на май 2024 года, составляет 18 868 человек; из них в Российской Федерации – 9700; Украине – 7251; Белоруссии – 520; Литве – 200; Казахстане – 148; Грузии – 81; Узбекистане – 97; Молдавии – 94; Армении – 46; Туркменистане – 33; Азербайджане – 30; Таджикистане – 24; Кыргызстане – 20; Латвии – 18; Эстонии – 12 (см.: ru.wikipedia.org/wiki/Ветераны_Великой_Отечественной_войны).

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Скажи мне, кто твой друг...

Со времени, прошедшего с распада СССР, общественное мнение о взаимоотношениях России с другими странами сделало полный круг.

Советский Союз, представляя вместе с зависимыми странами соцлагеря «второй мир», противостоял «первому миру» в лице Запада и, напротив, искал дружбы с Востоком, стремясь представить себя на международной арене в качестве лидера «третьего мира». Этому способствовали «антиимпериалистическая» политическая позиция СССР в международных спорах и прямая помощь – военная и гражданская – развивающимся странам. Там, где существовали очаги военного противостояния Запада и Востока, Советский Союз старался помогать последнему, в том числе поставками вооружений и отправкой военных советников.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

Постепенно сложившееся к 1960-м разделение функций в глобальном масштабе делало СССР если не лидером «третьего мира», то своего рода «понижающим трансформатором», передающим культурные токи с Запада на Восток, из «первого мира» в «третий». Идеологемы и научные положения, технологии и моды заимствовались Советским Союзом (часто через его вассалов из соцлагеря) с Запада, проходили адаптацию, упрощение, переименование или переназывание в советской культурной, научной и социальной среде. В этом виде, как продукты «социалистической культуры», они передавались, а то и навязывались развивающимся странам.

В конце XX века эта схема начала сбой, а с развалом СССР рухнула. Мировое устройство сильно изменилось: исчез «второй мир», да и «третий» рассыпался. Часть развивающихся стран в самом деле развились, большинство государств оказались включены в процессы глобализации, где посредники в виде СССР образца 1960–1980-х уже не требовались.

Новая Россия в своем отношении к международным делам поначалу старательно отказывалась от советского наследия и, напротив, стремилась войти в «семью европейских народов», сотрудничала с ЕС и НАТО, приложила немало усилий для вступления в ВТО.

Опросы, которые мы регулярно проводили начиная с последних лет существования СССР, показывали, что переориентация внешней политики, предпринятая Михаилом Горбачевым, вызвала замешательство в массовом сознании россиян. Принять полный переворот в представлениях о том, какие страны друзья, а какие – враги, смогли немногие. Поэтому на вопросы о недругах мы часто по-

лучали ответы, что «их нет», или «все нам враги», или «враги есть, но мы не знаем, кто они».

Вторая половина путинского правления привела к постепенному возвращению Запада на привычное для него место векового супостата. А враги наших врагов, «страны-изгои», постепенно стали восприниматься в качестве союзников. В последние два года эти отношения оказались скреплены не только общностью судеб – мы все под западными санкциями, – но и вполне прагматическими интересами: как считается, Иран и Северная Корея помогают России восполнить нехватку необходимых ей «товаров».

В мае 2024 года «Левада-центр»¹ задавал наши обычные вопросы про друзей и противников России на мировой арене. Вот страны, которые набрали более 10% ответов при ответе на вопрос «Пять стран, которые вы могли бы назвать наиболее близкими друзьями, союзниками России?»: Белоруссия (81%), Китай (65%), Индия (33%), Казахстан (33%), Иран (22%), КНДР (16%), Куба (14%), Узбекистан (12%), Азербайджан (11%), Сербия (11%), Турция (10%).

А вот ответы (также с частотой в 10% и более) на другой вопрос «Какие пять стран вы назвали бы наиболее недружественно, враждебно настроенными по отношению к России?»: США (76%), Великобритания (51%), Германия (49%), Украина (38%), Польша (37%), Латвия (27%), Литва (26%), Франция (26%), Канада (13%), Эстония (10%).

Эти перечни в точности отражают текущие внешнеполитические приоритеты России. В первом списке страны, с которыми Россия имеет сейчас тесные политические и/или торговые связи, которые поддерживают Россию в ее

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

конфликте с Украиной (или по крайней мере не высказывают осуждения). Со странами второго списка все ровно наоборот.

В распределении стран по этим двум перечням можно увидеть и «геополитический» критерий: все участники второго списка расположены к западу от России, тогда как почти все участники первого – к востоку от нее. Наглядная иллюстрация существования в массовом сознании «коллективных» Запада и Востока. Добавим, что страны из списка «врагов» – это демократии, пусть и с разным историческим стажем, а страны-«друзья» по большей части в эту категорию не попадают, что, впрочем, россиян, судя по всему, нисколько не смущает.

Отметим также, что при заданных критериях (более 10% ответов респондентов за ту или иную страну) список «друзей» оказывается чуть длиннее списка «врагов». Однако если взять страны, которые респонденты упомянули в 20% случаев и более, то окажется, что «больших друзей» у нас меньше, чем «главных врагов»: за первых получен 201 ответ, за вторых – 330. То есть в активной памяти россиян врагов почти в полтора раза больше, чем друзей; или: эти враги в полтора раза более значимы для россиян, чем друзья.

Можно предположить, что *бывшие* друзья сохраняют свою значимость для россиян и теперь, когда они считаются врагами. Многие, вероятно, помнят, что совсем недавно им показывали по телевизору, как российские лидеры (включая нынешнего) горячо приветствовали глав государств-«врагов». А кто-то, возможно, обращает внимание и на то обстоятельство, что список нынешних врагов России возглавляют ее бывшие союзники по великой войне.

Все эти старые дружбы – а это был очень весомый политический капитал –

принесены в жертву цели, которая выглядит попыткой восстановить прошлое, воссоздать СССР и его гегемонию на основе подчинения, насилия, разрушения и уничтожения.

Вглядываясь в список врагов, можно заметить, что Украина вовсе не выглядит в глазах россиян главным недругом; на первых местах США, Великобритания, Германия. Это свидетельство того, как успешно сработала пропаганда: мы воюем не с Украиной, а с Западом. Эта установка особенно распространена среди старшего поколения, молодые же менее склонны обманываться: среди них понимание, что Россия и Украина стали настоящими врагами, в два раза более выражено, чем среди пожилых (среди студентов оно еще выше). Вообще распределение враждебных чувств среди молодых и пожилых, среди бедных и богатых весьма различаются. Богатые больше радуются дружбе с большими странами – Китаем и Индией, – выше ценят лояльность Белоруссии.

Есть и старые нелюбови: к Великобритании, Германии, Польше люди в возрасте относятся гораздо хуже, чем молодые. Среди социально-профессиональных групп выделяются руководящие работники: отвечая на вопросы, они как будто стремятся продемонстрировать, как сильно не любят Запад: их антипатия к Великобритании, Германии, Польше, Латвии выше, чем у всех. И, напротив, любовь к Белоруссии, Индии, Китаю горячее, чем у остальных.

Из групповых дискуссий мы знаем, что настоящим другом России у нас считают лишь Белоруссию. Причин тому немало, одна из важных – понимание, что Белоруссия зависит от нашей страны. Китай также считается главным другом России, однако все понимают, что здесь с зависимостью ровно наоборот. Поэтому, называя КНР другом, рес-

понденты делают оговорку: Китай дружит с нами, только покуда ему это выгодно. Индию считают другом потому, что это самая большая по населению страна – и она «за нас». В чем именно выражается дружественное отношение Индии к России, наши информанты не очень знают.

Возможность числить в друзьях Китай и Индию важна для части россиян, задумывающихся о месте нашей страны в мире. Они понимают, что ее авторитет находится сейчас в жесто-

чайшем кризисе, а страны европейской культуры, лидеры мирового развития, на которых испокон веку равнялась Россия, отвернулись от нее. И теперь этот «золотой миллиард» – враги. В этой ситуации психологически очень ценна возможность сказать себе, что зато с нами дружат три миллиарда, и убедить себя, что Россия возглавляет их борьбу с колониализмом. Получается: мы уже почти как СССР. Это ласкает коллективный разум и помогает заглушить сомнения.

Правовой нигилизм и российская правовая культура: исторические корни и современный профиль¹

ОТТО
ЛЮХТЕРХАНДТ

Категория «правовая культура» используется мной в настоящем тексте не в нормативном, оценочном и характеризующем смысле, а в описательном и нейтральном ключе; тем самым я следую подходу моего уважаемого коллеги Петера Манковски, памяти которого посвящена моя статья². Материал охватывает и характеризует явления, в объективном и субъективном смысле определяющие правовой порядок, его институциональные элементы, основные характеристики, внешние эффекты, а также авторитет в глазах чиновников, социальных групп и граждан в целом. И государственные органы, и правовые институты, и группы населения различным образом и в разной мере влияют на национальную

- 1 Перевод выполнен по: LUCHTERHANDT O. *Rechtsnihilismus und weitere prägende Eigenheiten der Rechtskultur Russlands Geschichtliche Wurzeln und heutiges Profil* [в печати]. Текст публикуется с любезного разрешения автора и издательства «MohrSiebeck GmbH & Co.KG» (Тюбинген, Германия), предоставленного «НЗ» в марте 2024 года. Названия разделов даны редакцией; статья печатается с небольшими сокращениями и редакционными примечаниями. Редакция и переводчик благодарят Марину Окуневу за помощь в подборе источников, упоминаемых в сносках.
- 2 См.: MANKOWSKI P. *Rechtskultur: Eine rechtsvergleichend-anekdotesche Annäherung an einen schwierigen und vielgesichtigen Begriff* // *Juristen Zeitung*. 2009. Bd. 64. № 7. S. 321–331; IDEM. *“Rechtskultur” – Annäherung*

**КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ**

*Отто Люхтерхандт
(р. 1943) – профессор
юридического факуль-
тета Университета
Гамбурга (Германия).*

правовую культуру. Значение всех перечисленных элементов зависит от того, насколько тесно они связаны в повседневной жизни с нормотворчеством, правоприменительной практикой, защитой прав граждан, соблюдением законодательства, исполнением судебных решений и контролем над ним. Депутаты парламента, судьи и адвокаты, ученые-юристы и административные работники, прокуроры и полицейские должны анализироваться иначе, чем просто граждане, не связанные с применением права каждодневно и соприкасающиеся с юридической системой лишь постольку, поскольку им приходится соблюдать и исполнять законы, которые санкционированы государством. Однако поведение всех без исключения лиц подвержено влиянию прошлого и направляется его мощными нарративами, избежать воздействия которых не способны даже те, кто критически воспринимает сомнительные стереотипы традиционной правовой культуры и стремится освободиться от них. Сказанное, затрагивающее все без исключения страны и народы, особенно важно для Российской Федерации и ее правовой культуры, вышедшей из царской империи и советского государства³.

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Не случайно описания правовой культуры современной России, как правило, уходят в более или менее далекое прошлое. Эти изложения обращают внимание на социальные, экономические, политические и правовые явления, которые оставили особенно заметный и глубокий след в правовой системе, правосознании и повседневном поведении населения страны и, судя по всему, не утратили своего значения до сих пор. Одним из таких явлений, и сегодня заметно сказывающихся на правовой культуре, является укоренившееся негативное отношение к праву и правосудию, присущее многим группам и слоям. «Правовой нигилизм», как называют этот феномен в современной России, признается прискорбным наследием как царской, так и советской эпох. Так, в 2008 году, накануне избрания на президентский пост, на это сетовал Дмитрий Медведев:

an einen schwierigen Gegenstand // LUCHTERHANDT O. (Hrsg.). Rechtskultur in Russland: Tradition und Wandel. Münster: LIT Verlag, 2011. S. 5–17. (Петер Манковски (1966–2022) – профессор юридического факультета Университета Гамбурга, эксперт по международному частному и процессуальному праву, автор работ, посвященных сравнительному правоведению и правовой культуре. – Примеч. перев.)

- 3** Об этой преемственности см. также: УОРТМАН Р.С. *Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России*. М.: Новое литературное обозрение, 2004; КИРМЗЕ Ш. *Империя законности: юридические перемены и культурное разнообразие в поздней имперской России*. М.: Новое литературное обозрение, 2023. – Примеч. перев.

«Я неоднократно высказывался об истоках правового нигилизма в нашей стране, который продолжает оставаться характерной чертой нашего общества. Мы должны исключить нарушение закона из числа наших национальных привычек, которым наши граждане следуют в своей повседневной деятельности. Сделать так, чтобы оно не обогащало одних и не развращало других»⁴.

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ
ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ
И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА...

«Правовой нигилизм», как называют этот феномен в современной России, признается прискорбным наследием как царской, так и советской эпох.

Термин «правовой нигилизм» был придуман не Медведевым; он появился в советской журналистике в начале перестройки, после политического прорыва, совершенного Михаилом Горбачевым на пленуме ЦК КПСС в январе 1987 года. В майском номере за тот же год о «правовом нигилизме» впервые заговорил журнал «Коммунист» – официальный орган ЦК КПСС, чтение которого для партийных руководителей было обязательным. За нарочито бессодержательным и неприметным заголовком его редакционной статьи скрывалась резкая, взрывная критика неадекватной правовой ситуации, сложившейся к тому времени, как полагали авторы материала, в государстве, экономике и обществе⁵. Необычным было то, что написавшие статью люди, явно принадлежавшие к реформаторскому крылу партии, в качестве основного недостатка правовой системы решительно выделили именно «правовой нигилизм»: по их мнению, это многогранное явление отличало всю эпоху господства советского права, красной нитью проходя от октябрьской революции до современности. Даже марксистско-ленинское учение об «отмирании права» на пути к коммунизму, которое в то время еще официально поддерживалось, не избежало критики: на него тоже возложили долю ответственности за правовой нигилизм, восторжествовавший в стране⁶. Редакционный материал сетовал на повсеместную правовую безграмотность, пренебрежение граждан законом, отсутствие у них интереса к действующим нормам, бытующие в обществе уничижительные суждения о юристах, негативное отношение к правоохранительным органам. Несмотря на упреки в адрес обывателей, статья не оставляла сомнений в том, что правовой нигилизм

⁴ См.: *Россия 2020: главные задачи развития страны* / Под ред. Г. Павловского. М.: Европа, 2008 (цит. по: Стенограмма выступления Первого заместителя Председателя Правительства России Дмитрия Медведева на V Красноярском экономическом форуме «Россия 2008–2020: Управление ростом» // Среднерусский вестник общественных наук. 2008. № 7. С. 138. – Примеч. перев.).

⁵ *Учиться демократии, утверждать законность* // *Коммунист*. 1987. № 5. С. 3–14.

⁶ Там же. С. 10–12.

населения проистекает из правового нигилизма властей. Это была довольно необычная самокритика, отличавшая статью от предыдущих идеологических и политических материалов на ту же тему⁷. Позже выражение «правовой нигилизм» сделалось популярным клише перестроенной журналистики⁸.

Хотя основные причины этого явления усматривались в советской эпохе, его корни вскрывались также в особенностях государственной, социальной и правовой истории царской империи. Эта тема довольно часто затрагивалась историками не только за пределами России, сопоставлявшими российскую ситуацию с контекстами Центральной и Западной Европы, но и самими российскими авторами. Упоминаемые в их рассуждениях основные моменты, способствовавшие укоренению правового нигилизма, можно кратко резюмировать следующим образом⁹:

1. Влияние византийского интеллектуального мира и его понимания государства, основными характеристиками которого были симбиотическая связь между властью и церковью, а также теологически обоснованное дистанцирование православного христианства от права и его институтов¹⁰.

2. 250-летнее владычество татар («монгольское иго»), то есть чуждое господство, которое изолировало восточнославянский регион от западного христианского мира и надолго затормозило в нем общее развитие цивилизации по сравнению с Центральной и Западной Европой¹¹.

7 В последующие месяцы появились и другие статьи, написанные в том же русле, см., например: Туманов В.А. *О правовом нигилизме* // Советское государство и право. 1989. № 10. С. 20–27. Владимир Туманов был председателем Конституционного суда России (1995–1997) и судьей Европейского суда по правам человека в Страсбурге (1997–1998). Именно он первым подробно и системно описал феномен правового нигилизма.

8 См. обстоятельный обзор этой темы: Гулина О.Р. *Исторические корни и особенности правового нигилизма в современной России. Дис. на соиск. уч. ст. к.ю.н.* Уфа, 2002. Автор диссертации работала помощницей профессора Марата Утяшева – заведующего кафедрой прав человека Института права Башкирского государственного университета, – подготовившего ряд работ по правовому нигилизму.

9 Пояснения, касающиеся отдельных пунктов нижеследующего перечня, можно найти в многочисленных обобщающих трудах по истории России, см., например: HELLMANN M., SCHRAMM G., ZERNACK K. (Hrsg.). *Handbuch der Geschichte Russlands. In sechs Bänden.* Leipzig: Hiersemann, 1981–2002. (Представленные автором характеристики исторического развития российского общества базируются на линейном восприятии истории, в рамках которого предположительно существуют «правильные» и «отклоняющиеся» траектории. Критическое осмысление стереотипов об «особом пути» России в сопоставлении с аналогичной концепцией германского *Sonderweg* см. в сборнике: «*Особый путь*»: от идеологии к методу / Сост. Т. АТНАШЕВ, М. ВЕЛИЖЕВ, А. ЗОРИН. М.: Новое литературное обозрение, 2023. – Примеч. перев.)

10 Об отстраненности Русской православной церкви даже от собственных догматически-правовых основ свидетельствует среди прочего тот факт, что каноническое право не изучалось в православных духовных академиях вплоть до начала XIX века, а его академическое изучение началось только во второй половине XIX века. Подробнее см.: Цыпин В. *Курс церковного права: учебное пособие.* Клин: Христианская жизнь, 2004. С. 25–31.

11 Как представляется, влияние Орды на отечественную социально-политическую историю было гораздо более сложным, чем описывается автором. Подробнее см.: ГОРСКИЙ А.А. *Русь: от славянского расселения до Московского царства.* М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 188–274, 305–319; Он же. *Москва и Орда.* М.: Ломоносов, 2016; КАРГАЛОВ В.В. *Конец ордынского ига.* М.: Наука, 1984. – Примеч. перев.

3. Установление деспотического правления, основанного на чистом принуждении по татарскому образцу и сохранившегося даже после избавления от иноземного владычества. Отношения между правителем и подданными были организованы не как двусторонние, взаимные и правовые, а как односторонние, невзаимные и неправовые, определяемые сугубо милостью правителя, что в полной мере проявилось уже при становлении Московского централизованного государства¹².

4. Отсутствие собственности и сопутствующих ей прав у подавляющего большинства населения в лице крестьян, которые из-за утверждения института крепостного права отличались от рабов лишь диапазоном возможных свобод, но не своим статусом¹³.

5. Слишком позднее признание массы россиян субъектами права, то есть носителями прав и обязанностей, состоявшееся только с отменой в 1861-м крепостного права; лишь после русской революции 1905–1907 годов, в ходе столыпинских реформ, оно было подкреплено полным признанием индивидуального права собственности на землю¹⁴.

6. Зачаточное развитие буржуазного общества, структурно основанного на свободе личности и частной собственности, которое в силу своей ограниченной самостоятельности не смогло вплоть до самого крушения монархии создать противовес самодержавию.

7. Преимущественно негативное отношение к праву, которое демонстрировалось дореволюционной российской интеллигенцией, оппозиционной царизму¹⁵.

Давление этих факторов, влиявших на Россию при царизме, и их воздействие на правовую культуру до захвата власти большевиками становятся очевидными на фоне интеллектуальных,

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ
И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА...

- 12** Согласно одному из альтернативных мнений, воспроизводство абсолютистских практик, свойственных монгольской политической культуре, происходило не столько по причине завоевания Руси, сколько из-за суровых природных условий и демографического дефицита. См., например: Борисов Н.С. *Иван III*. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 562–608. – *Примеч. перев.*
- 13** Реалистичное изображение повседневного бесправия крепостных описано, в частности, Сергеем Аксаковым: Аксаков С.Т. *Семейная хроника* [1852] // Он же. *Собрание сочинений: В 5 т.* М.: Правда, 1966. Т. 1. С. 55–260. (Реальное правовое положение крепостных было гораздо менее очевидным; подробнее об этом см., например: Долгих А.Н. *Проблема собственности в контексте правового положения владельческих крестьян России XVIII – первой половины XIX вв.* // *История: факты и символы*. 2021. № 4. С. 61–71. – *Примеч. перев.*)
- 14** См.: HELLMANN M., SCHRAMM G., ZERNACK K. (Hrsg.). *Op. cit.* [1983.] B. III («1856–1945»). 1 Halbband. S. 419 ff.; HELLER K. *Dominante Prägnungen der Rechtskultur in Russland: Der Blick des Historikers* // LUCHTERHANDT O. (Hrsg.). *Op. cit.* S. 37–64.
- 15** Подробнее см.: Кистяковский Б.А. *В защиту права (интеллигенция и правосознание)* // *Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции*. М.: Издательство В.М. Саблина, 1909. С. 97–126; SCHLÜCHTER A. *Recht und Moral. Argumente und Debatten “zur Verteidigung des Rechts” an der Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert in Russland*. Zürich: Pano Verlag, 2008. S. 15 ff. Пожалуй, самым ярким представителем (этически обусловленного) правового нигилизма был писатель Лев Толстой, подробнее см. об этом: OBERLÄNDER E. *Tolstoj und die revolutionäre Bewegung*. München; Salzburg: Pustet Verlag, 1965. S. 26 ff., 229 ff.; Туманов В.А. *Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе* // *Государство и право*. 1993. № 8. С. 52–58.

социально-политических и социально-экономических революций, состоявшихся в Центральной и Западной Европе со времен Средневековья и обошедших стороной Россию. В этом ряду важно упомянуть:

а) разделение духовной и светской власти со времен борьбы за инвеституру между императором и папой;

б) колоссальное прямое и косвенное влияние римского права на оформление института собственности – а также общее развитие права и общества – через многочисленные рецепции, растянувшиеся на столетия¹⁶;

в) интенсивное и масштабное городское развитие, сопровождавшееся становлением автономной и республиканской гражданской культуры¹⁷ (согласно известной поговорке, «сам городской воздух делает свободным»¹⁸);

г) Ренессанс и гуманизм;

д) Реформация, в которой интеллектуальные традиции Ренессанса и гуманизма сочетались с теологическим переосмыслением латинского христианства;

е) создание правовой доктрины, развивающейся вне теологии и церковного авторитета (так называемое «рациональное естественное право»);

ж) либеральные революции, в которых доминировали лозунги прав человека, частной собственности, разделения властей, а также обеспеченное этими революциями упрочение автономных буржуазных обществ;

з) развитие либеральной теории правового и конституционного государства (Джон Локк и Иммануил Кант) как теоретической основы, позволяющей возникнуть демократическому конституционному государству.

На этом фоне глубокой трагедией в развитии российской государственно-правовой системы стало то, что либеральные и умеренно-социалистические силы, пришедшие к власти в результате февральской революции 1917 года, не смогли прочно закрепить начатый ими переход к демократической республике и либеральной конституции, а вскоре уступили власть группе профессиональных революционеров-коммунистов. Последние

16 Римское право попало в поле зрения российских правоведов довольно поздно и не оказало существенного влияния на практическое развитие права. Подробнее см.: AVENARIUS M. *Fremde Traditionen des Römischen Rechts. Einfluß, Wahrnehmung und Argument des "rimskoe pravo" im russischen Zarenreich des 19. Jahrhunderts*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2014. (См. также предшествующую обобщающую работу, написанную тем же автором и изданную по-русски: АВЕНАРИУС М. *Римское право в России*. М.: Academia, 2009. – *Примеч. ред.*)

17 В России городское развитие не производило подобного эффекта: FELDBRUGGE F.J.M. *A History of Russian Law: From Ancient Times to the Council Code (Ulozhenie) of Tsar Aleksei Mikhailovich of 1649*. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 408, 417 f.

18 В полной версии поговорка звучит так: «Городской воздух делает свободным через год и один день» («*Stadtluft macht frei nach Jahr und Tag*»). Согласно практике, сложившейся в средневековом германском обычном праве, помещик имел право истребовать своего беглого крепостного из города в течение года, по истечении которого последний становился свободным от крепостной зависимости. – *Примеч. перев.*

же были полны решимости реализовать самую радикальную во всей мировой истории программу правового нигилизма – и, более того, сумели воплотить ее в жизнь. В условиях системы правления, установленной большевиками, правовой нигилизм приобрел в России уникальную и почти универсальную форму¹⁹. Сразу после октябрьской революции он постепенно, но неуклонно реализовался в пяти измерениях: теоретико-идеологическом, политическом, социально-экономическом, личностном и институциональном.

Во-первых, правовой нигилизм в виде теории отмирания государства лежал в основе марксизма-ленинизма, возведенного большевиками в ранг государственной идеологии. В качестве неотъемлемой части этой идеологии «научно» обосновывалось и официально преподавалось положение о том, что право, как и государство, в коммунистическом обществе будущего должны исчезнуть. На смену праву придут «правила коммунистического общежития» – основанные на глубокой убежденности общеобязательные нормы поведения сознательных трудящихся. Следовательно, до наступления эры «бесклассового общества» право оставалось лишь преходящим реликтом, обреченным на скорую гибель. В силу сказанного оно как совокупность ценностей, система правил и гарантии цивилизации было *ex ovo* делегитимировано – и идеологически деградировало.

Во-вторых, идеология марксизма-ленинизма и учение о диктатуре пролетариата поставили власть рабочего класса и политику его партии выше закона в принципе как в теории, так и на практике. Закон был превращен в послушного слугу меняющейся политической целесообразности. Главной функцией права в переходную социалистическую эпоху было объявлено подавление социальных и идеологических пережитков старого режима, осуществляемое правящим пролетариатом во главе с партией²⁰.

В-третьих, социально-революционная ориентация советской системы, основанная на идеологии марксизма-ленинизма, базировалась на уничтожении экономических и интеллектуально-культурных основ буржуазного среднего класса, медленно формировавшегося в поздний царский период, но к моменту революции еще слишком слабого, чтобы стать главной соци-

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ
И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА...

19 См.: LUCHTERHANDT O. *Künftige Aufgaben der Ostrechtsforschung* // WGO. Monatshefte für Osteuropäisches Recht. 1996. № 38. S. 159–175. (В зарубежной науке есть и более взвешенная критика советской правоохранительной системы, см., например: Соломон П. *Советская юстиция при Сталине*. М.: РОССПЭН, 2008. – Примеч. перев.)

20 Перед социалистическим правом после победы пролетарской революции стояли в основном сугубо репрессивные задачи. В ходе строительства нового государства была добавлена хозяйственно-организационная функция. Кроме того, социалистическое право призвано было выполнять и вспомогательную культурно-воспитательную функцию. Подробнее см.: DAVID R., GRASMANN G. (Hrsg.). *Einführung in die großen Rechtssysteme der Gegenwart*. München; Berlin: C.H. Beck Verlag, 1988. Teil II.

альной опорой частной собственности и либерального правового мышления.

В-четвертых, путем изгнания, запугивания и террора представителей юридических профессий и объединяющих их институций (судов, профессиональных объединений, юридических факультетов и так далее) юридическая корпорация царской эпохи при переходе к советскому режиму была низведена до маргинального уровня. Новое поколение советских юристов проходило профессиональную подготовку и социализировалось в духе инструментального, пристрастного и обесценивающего понимания права.

В-пятых, после демонтажа старого режима правовые институты пришедшего ему на смену советского государства резко потеряли в качестве и стандартах с точки зрения теории, организации, компетенции, персонала и сразу же утратили связь с общеевропейскими правовыми традициями, которая только-только была налажена под занавес царской эпохи.

Интеллектуальные, социально-экономические и политические изменения, навязанные силой и террором, нашли характерное отражение в правовой системе СССР, созданной в деспотическое правление Иосифа Сталина. Они придали советской правовой культуре ряд выраженных, связанных и дополняющих друг друга характеристик, которые можно резюмировать нижеследующим образом²¹:

1. Лишение правовой системы субъектности и ее полная этатизация, ставшие неизбежными за десятилетия абсолютного верховенства и доминирования коллективного государственного интереса над индивидуальными интересами граждан²².

2. Политизация и идеологизация права.

3. Пропагандистская инструментализация права в целях идеологической индоктринации и воспитания людей в конформистском, патерналистском ключе.

4. Репрессивность права, которая усиливалась поэтапно – до полной брутализации законов, что в целом выражалось в смещении акцентов с частного на уголовное право.

5. Сворачивание дифференциации права и внедрение уравниловки при одновременном наращивании скрытых и административно обоснованных привилегий, предоставляемых социальной страте функционеров – так называемой «номенкла-

21 См.: LUCHTERHANDT O. *Künftige Aufgaben der Ostrechtsforschung*. S. 159–171.

22 Патерналистское восприятие государства населением, приписываемое российской управленческой и правовой культуре, выражается, в частности, в том, что в правосознании граждан доминируют социально-экономические права на государственные блага, а гражданские свободы играют лишь второстепенную роль. Ольга Гулина основывает свои утверждения на этот счет на широких социологических исследованиях, проведенных на Южном Урале и в Западной Сибири, в которых она участвовала лично. Их результаты показывают, что не более 10–15% россиян придают значение либеральным свободам, в то время как базовые социальные права, как и в советское время, большинством ценятся очень высоко (Гулина О.Р. *Указ. соч.*).

туре», которая структурно развивалась и укреплялась уже со времен Ленина²³.

6. Деэкономизация права через маргинализацию денег, упразднение частной собственности на средства производства (например на землю), замену рыночно-обменных отношений административным распределением товаров.

7. Воинствующий секуляризм права, то есть подавление и изгнание религии и основанных на ней моральных концепций из государственной и общественной сферы – с долговременными последствиями для частной жизни.

8. Бюрократизация права: в советской системе именно функционер, действующий от имени партии-государства, обычно сообщал гражданам – посредством административных актов и приказов, – что является «законом» и, следовательно, правом. Отсюда следовала минимизация роли судей и выносимых ими решений.

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ
И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА...

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Предварительное замечание

Природа любой укоренившейся и развившейся правовой культуры такова, что она способна переживать даже резкие и революционные потрясения в государственной жизни, упорно продолжая жить хотя бы в отдельных частях нового государственно-правового порядка, избираемого нацией. Сказанное особенно верно для тех случаев, когда традиции правовой культуры не вступают в прямое и явное противоречие с новыми обстоятельствами, когда ставшие привычными ментальные стереотипы и процедуры выглядят политически нейтральными и совместимыми с утверждаемым порядком, а также когда они воспринимаются и оцениваются новыми правителями как вполне для них приемлемые и даже благоприятные. Перенос фокуса с Советского Союза на государства, ставшие его правопреемниками – и, в частности, на Российскую Федерацию, – способен снабдить нас богатым иллюстративным материалом по части преемственности правовой культуры²⁴.

Преемственность и прерывистость развития российского правопорядка и правовой культуры спустя три десятилетия

23 Подробнее см.: MEISSNER B. *Russland im Umbruch: der Wandel in der Herrschaftsordnung und sozialen Struktur der Sowjetunion*. Frankfurt am Main: Verlag für Geschichte und Politik, 1951. S. 3 ff.; Восленский М. С. *Номенклатура: господствующий класс Советского Союза*. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990.

24 См. обстоятельный обзор российской правовой культуры в сборнике статей: NUßBERGER A. (Hrsg.). *Einführung in das russische Recht*. München; Berlin: C.H. Beck, 2010. S. 6 ff.

после исчезновения СССР создают весьма неоднородную картину. Прежде всего, нынешняя ситуация значительно отличается от той, которая наблюдалась в Советском Союзе²⁵. С одной стороны, к принципиальным новациям следует отнести становление рыночной экономики, соответствующую кодификацию гражданского права, современное коммерческое право, а также создание арбитражных судов, которые, кроме названия, не имеют ничего общего с органами государственного арбитража советской плановой системы. Среди других значительных нововведений должно быть упомянуто федеративное устройство с федеральной Конституцией и Конституционным судом на федеральном уровне, которое для российской правовой культуры стало совершенно новым явлением. Вместе с тем институциональные элементы преемственности и устойчивости представлены органами безопасности, прежде всего спецслужбами, армией и полицией, органами прокуратуры, следственного комитета и уголовно-исполнительной системы, а также судами общей юрисдикции по гражданским и уголовным делам.

Поскольку правовая культура государства и народа фокусируется на элементах правовой системы, несводимых к отдельным отраслям права, но затрагивающих структурные явления, выходящие за их пределы, в настоящем обзоре следовало бы системно рассмотреть все составляющие российской правовой системы – то есть законотворчество, правоприменение, судопроизводство и контроль, а также институты юридической науки и университетскую подготовку молодых специалистов-юристов. Однако столь всеобъемлющее изложение, несмотря на его желательность, превратило бы статью в полноценную монографию. Между тем я ставлю перед собой более скромную цель. Мне хотелось бы ограничиться обособлением и анализом некоторых особенно важных структурных элементов правовой культуры, а также описанием некоторых юридических процессов, которым в президентство Владимира Путина уделяется большое внимание не только в России, но и за рубежом.

Особенности законотворчества

Учитывая, что в современном мире государственные законы оказывают, пожалуй, наибольшее влияние на правовую культуру страны – причем как в положительном, так и в отрицательном ключе, – стоит начать с критического рассмотрения федерального законодательства. В сравнительной перспективе, сфокусированной на сложившемся демократическом, пра-

25 Этот вывод с очевидностью вытекает из резюме, которым Ангелика Нуссбергер завершает коллективное введение в российское право, изданное под ее редакцией (Ibid. S. 345).

вовом и конституционном государстве, в глаза бросаются те особенности юридико-технического характера, которые можно назвать слабыми местами российского законодательства. Ниже я привожу их перечень²⁶:

1. Сильная склонность к казуистике: нормативные акты перечисляют все возможные субъекты прав в качестве своих адресатов, причем это делается только для того, чтобы завершить список абстрактным определением адресатов – которого вполне хватило бы с самого начала.

2. Тяготение к формализму в сочетании с тяжеловесностью и многочисленными повторами: например, многократное упоминание «органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в каком-нибудь регламенте, который весьма краток по содержанию. В результате документы получаются неоправданно раздутыми, запутанными, трудночитаемыми и сложными даже для подготовленных читателей. Нежелание творцов правовых норм быть более краткими, чтобы облегчить понимание создаваемых ими текстов, ведет к тому, что в законах, указах и особенно постановлениях фигурируют слишком длинные и неудобоваримые заголовки.

3. Многократное воспроизведение ситуаций, когда законы регулируют простые и очевидные процедурные шаги, а второстепенные нормативные акты углубляются в детализацию, подходящую до педантизма. При этом нормы, наиболее значимые с точки зрения верховенства права и потому имеющие определяющее значение – например, затрагивающие полномочия властей по вмешательству в основные права человека, – рассматриваются очень бегло и крайне расплывчато. Неизбежными следствиями этого оказываются снижение нормативного эффекта и ослабление обязательной силы правовых актов, что приводит к расширению поля усмотрения тех, кто уполномочен их применять. Именно это служит основой широкого пространства произвольного правоприменения²⁷.

4. Особую проблему представляют неясности со вступлением в силу законов и подзаконных актов; подобное происходит в тех случаях, когда указана не конкретная дата вступления правового акта в силу, а только дата его опубликования. Среди прочего такие ситуации обусловлены сосуществованием различных институций официального опубликования, выпол-

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ
И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА...

26 См.: LUCHTERHANDT O. *Der Gesetzgebungsprozess in Russlands Duma und seine prägenden Besonderheiten* // ИДЕМ (Hrsg.). *Op. cit.* S. 79–99. Этот анализ также основан на регулярных полугодовых обзорах правовых событий в России, которые автор совместно с Дмитрием Маренковым и Павлом Усватовым с 2016 года публикует в «Германо-Российском юридическом журнале»: DRRZ: Deutsch-Russische Rechtszeitschrift (<https://biblioscout.net/journal/drrz>).

27 Подробнее о причинах формирования широкой дискреции, используемой властными органами в контексте кризиса нормативности, см.: Корольков В.В. *О родовой травме российской правовой системы* // Не-прикосновенный запас. 2023. № 5(151). С. 6–18. – *Примеч. перев.*

няющих свои функции в разные календарные даты, – при том, что законодатель не регламентировал действия в случаях, когда даты различаются.

5. Довольно многие законы страдают от того, что их положения становятся все более раздутыми из-за постоянно вносимых поправок. Дело усугубляется неуклюжей юридической техникой, подразумевающей наличие в статьях иерархически пронумерованных и ненумерованных частей, пунктов, подпунктов, нормативный материал в которых распределяется неравномерно. Такая практика характерна даже для важнейших законов, касающихся государственного устройства: в частности, этим недостатком страдают законы об избирательном праве, партиях, публичной власти в субъектах Федерации, местном самоуправлении, государственной службе и так далее.

6. Еще одно часто встречающееся явление – поверхностность и неточность, отличающие описание обязанностей по исполнению закона. В подобных ситуациях делается ссылка на соответствие другим положениям без указания их реквизитов, даже если они содержатся в том же самом законе. Распространены случаи, когда упомянутые обязанности регулируются не в самом законе, а в подзаконных нормативных актах исполнительной власти, которые еще не изданы. Неточности и путаница в положениях, регулирующих компетенции, часто приводит к тому, что ответственными за осуществление того или иного полномочия считают себя сразу несколько органов власти или учреждений. Порой это выступает основанием для конфликтов между ними, но бывает и так, что ни один из них не чувствует себя ответственным, из-за чего страдает все правоприменение.

7. Термин «законодательство», ставший в советское время привычным для обозначения не только законов, но и подзаконных актов исполнительной власти, сохранился до наших дней, фигурируя, в частности, в названии печатного органа, публикующего федеральные правовые акты: «Собрание законодательства Российской Федерации». В нем публикуются не только федеральные конституционные законы и федеральные законы, но и постановления Государственной Думы и Совета Федерации, указы и распоряжения Президента, постановления и распоряжения Правительства, а в приложении – еще и акты Конституционного суда. Конечно, такой подход практичен, но большинство обнародуемых подобным образом актов составляют не законы в материальном смысле (то есть не абстрактно-родовые положения – или, в российской терминологии, не нормативные правовые акты), а индивидуально-определенные акты, принятые органами публичной власти по конкретным вопросам.

8. Многие законы крайне запутанны из-за неиссякаемого потока поправок, *de facto* исходящих от Правительства и Администрации Президента. При этом, несмотря на частые поправки, в официальных источниках не принято публиковать исправленные новые промульгации соответствующих законов.

9. Учатившаяся практика принятия одним законом «о внесении изменений в отдельные законодательные акты» сразу нескольких поправок ко многим законам одновременно, что порой затрагивает обширные сферы жизни – например, оборот информации, банкротство компаний или правовое положение малых предприятий, – но из-за нейтрально сформулированного названия закона указанный факт остается незаметным для тех, кого закон может касаться.

10. Устойчивая склонность законодателя принимать отдельные законы для того, чтобы изменить несколько статей или даже одну статью какого-то законодательного акта. Особенно широко эта методика используется при внесении изменений в законодательство об административных правонарушениях и налоговое законодательство.

11. Необычайная частота внесения поправок, особенно в законы в области конституционного права, нацеленных на все более строгую или даже репрессивно-ограничительную регламентацию процедур, которые надлежит соблюдать административным органам и гражданам.

12. Фрагментация законодательства, выражающаяся в его довольно слабом проникновении в те сферы жизни, которые считаются нуждающимися в регулировании и системной упорядоченности.

Перечисленные особенности, характеризующие законодательство в формально-техническом плане, в своей совокупности оказывают негативное влияние на качество правовой культуры России в разрезе конституционных принципов демократии и правового государства (ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации). Во-первых, лингвистическая и редакционная сложность правовых норм зачастую затрудняет быстрый доступ к содержанию вновь принятых законов и четкое понимание их смысла. Во-вторых, частые изменения в законодательстве негативно сказываются на устойчивости правовой ситуации. В-третьих, из-за регулярного использования отсылок, которые зачастую остаются неопределенными (так называемых бланкетных норм), внедряемое законодателем регулирование остается неполным, в результате чего нормативный эффект и правоприменительная практика сильно страдают.

Рассматривая постсоветскую правовую систему в целом, следует отметить, что перечисленные особенности и недостатки неравномерно распределены по отраслям российского права.

Указанные нормотворческие недуги более заметны в конституционном и административном праве, то есть в публичном праве, но в меньшей степени обнаруживаются в коммерческом и гражданском праве, то есть в частном праве. В результате законы, регулирующие внутреннюю организацию государственного устройства на федеральном и региональном уровнях, а также общественные отношения между органами публичной власти, физическими и негосударственными юридическими лицами, обладают наименьшей степенью прозрачности и ясности, в то время как для сферы частного права такая отстраненность и нечеткость не типичны.

Нормотворческие недуги более заметны в конституционном и административном праве, то есть в публичном праве, но в меньшей степени обнаруживаются в коммерческом и гражданском праве, то есть в частном праве.

Особенности правоприменения по уголовным и административным делам

Одной из наиболее значимых особенностей российской правовой культуры выступает глубоко укоренившийся *обвинительный уклон* при рассмотрении уголовных и административных дел. Это явление структурно пронизывает всю правовую систему: законодательство, управленческую практику, работу правоохранительных органов. О нем свидетельствует содержание законов, регулирующих основные демократические и иные публично-политические права, а также зачастую избыточно суровые действия полиции, прокуратуры и уголовных судов²⁸.

В последние десятилетия применение уголовных санкций достигло уровня, превосходящего даже позднесоветский брежневский период и свидетельствующего об отказе от либеральной уголовно-правовой политики ельцинской эпохи. Сказанное можно подтвердить следующими цифрами: 31 декабря 2003 года, то есть в конце первого президентского срока Путина, Особенная часть Уголовного кодекса России, вступившая в силу в 1996-м и реформированная «с нуля», состояла из 260

28 Подробнее см.: LUCHTERHANDT O. *Fortschreitende Aushöhlung des Grundrechts der Versammlungsfreiheit gemäß Art. 31 der Verfassung Russlands* // Mitteilungen der Deutsch-Russischen Juristenvereinigung e.V. 2012. № 54. S. 4–22.

статей (составов преступлений). Сразу после этого их число резко пошло вверх, достигнув 440 статей к 31 июля 2023 года. Учитывая, что персоналистский режим неуклонно ужесточается с 2012 года, а его политика стала еще более суровой с началом конфликта на территории Украины, количество уголовных составов, вероятно, продолжит разрастаться и дальше.

Еще более заметный рост наблюдается в отношении менее общественно-опасных составов административных правонарушений. Если в Особенной части нового Кодекса об административных правонарушениях, вступившего в силу 1 января 2002 года, 31 декабря 2006-го насчитывались 350 составов административных правонарушений, то к 31 декабря 2020-го их число выросло до 780 – более, чем в два раза. Причем расширение составов правонарушений, запрещенных уголовным законодательством, не позволяет видеть в появлении новых административных составов декриминализацию отдельных уголовных составов. Хотя подобный реформистский подход действительно был важен для российских властей в недалеком прошлом, действующая власть окончательно отказалась от него, оставаясь в традиционном русле обвинительного уклона.

Здесь уместно упомянуть еще об одной особенности российской правовой культуры, полностью сочетающейся с отмеченным обвинительным уклоном: о крайней редкости оправдательных приговоров в уголовном процессе. По официальным данным Следственного комитета, в 2013 году по уголовным делам были осуждены 331 882 человека, а оправданы всего 1857²⁹. В 2017 году показатели еще больше разошлись в разные стороны: около 698 000 человек были осуждены и только 1600 оправданы³⁰. Иначе говоря, и без того крайне низкий показатель в 0,4% снизился вдвое – до 0,2%.

В то время как руководство федеральных следственных органов простодушно объясняет крайне низкие показатели оправдательных приговоров квалифицированной работой следователей, критики внутри и за пределами России в первую очередь указывают на зависимость решений по уголовным делам, где доля оправдательных приговоров близка к нулю, от органов обвинения. Вероятно, сторонники такого подхода ближе к истине, поскольку опираются на многочисленные сообщения, в том числе и СМИ, о некомпетентности следственных органов, в отдельных случаях выражающейся в их готовности фальси-

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ
И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА...

29 См.: Маркин: в России 0,4% оправдательных приговоров (www.bbc.com/russian/russia/2015/01/150120_markin_acquittal_rate_court_russia) [Доступ к ресурсу, на который ссылается автор, с 4 марта 2022 года заблокирован Роскомнадзором. – Примеч. ред.].

30 Подробнее см.: Линделл Д., Алехина М., Серков Д., Тарасенко Е. 1 к 466: почему российские суды стали оправдывать еще реже // РБК. 2018. 25 апреля (www.rbc.ru/society/25/04/2018/5added539a79477ac3e23377).

фицировать материалы дел, искажать факты и манипулировать доказательствами, воздействовать на свидетелей и запугивать подозреваемых и их родственников, преследовать непричастных и невинных, фабрикуя обвинения и претензии³¹. Приводимые выше цифры отражают разрыв между органами, осуществляющими предварительное расследование, и судом, который, как может показаться, зачастую действует в лучших традициях советских времен. В целом же обвинительный уклон – действительно одно из главных наследий советской эпохи. Прикрываясь превентивной функцией социалистического государства по искоренению «пережитков» капитализма, связанного с ним буржуазного индивидуализма и погоней за прибылью, он до самого конца Советского Союза оставался официальной судопроизводственной доктриной марксизма-ленинизма³².

В Российской Федерации, которая, согласно нынешней кремлевской линии, является уже не «правопреемником», а «продолжателем» СССР, главным объектом государственного контроля и преследования правоохранительных органов оказывается недавно оформившийся слой успешных частных предпринимателей. Утверждение гегемонии государственного аппарата над воссозданной рыночной экономикой и структурами гражданского общества оборачивается тем, что функционеры, прежде всего из силовых и финансовых органов, нередко злоупотребляют своими контрольными полномочиями. Это не раз приводило к обвинению успешных компаний в предполагаемых преступлениях, проведению обысков в их офисах, изъятию рабочей документации в качестве доказательств, заключению предпринимателей и владельцев предприятий под стражу до суда. Бывает и так, что, оказавшись перед лицом экономического краха, предприниматели соглашаются передать хотя бы часть своего бизнеса конкурирующим компаниям, на деле сотрудничающим с лицами, которые связаны с сотрудниками спецслужб. Если же они отказываются это сделать, поскольку считают, что достаточно сильны, чтобы выиграть сфабрикованное уголовное дело, то вступают на путь, который обычно заканчивается вынесением обвинительного приговора – и, как следствие, потерей свободы и собственности.

31 См., например, дело Сергея Юринсона, рассматривавшееся в Приморском крае в 2016–2017 годах и исследованное Вероникой Малининой, которое во многих отношениях кажется показательным: <http://nadzor.org/category/delo-yurinsona-s-g/>.

32 Более глубокое изучение вопроса ставит под сомнение столь простую связь между описанной негативной практикой и государственной идеологией и позволяет говорить о том, что за ней могут стоять более сложные причины. Как отмечает Питер Соломон (Соломон П. *Указ. соч.* С. 354–385), обвинительный уклон в советском уголовном процессе возник на рубеже 1940–1950-х из-за изменившейся практики оценки работы госслужащих: благополучие возглавлявших правоохранительные органы бюрократов стало напрямую зависеть от того, будут ли пересматриваться вынесенные с их помощью решения. Есть основания полагать, что за возвращением обвинительного уклона в современную практику могут стоять схожие причины. – *Примеч. перев.*

Интересно, что в качестве ключевых свидетелей подобных противоправных махинаций можно сослаться на президентов Российской Федерации Владимира Путина и Дмитрия Медведева. С начала 2000-х и по сегодняшний день они оба неоднократно обличали и решительно осуждали такую практику, наносящую огромный ущерб экономике, инвестициям, собственности и деловому климату, а также вносили предложения по борьбе с ней в своих ежегодных посланиях Федеральному Собранию. Уже в первом таком выступлении, состоявшемся в 2000 году, президент Путин пообещал «освобождение предпринимателей от административного гнета»³³. В следующем году он упрекал государственных служащих в том, что они заинтересованы исключительно в «статусной пенсии» и используют взятки и нецелевое расходование средств для расширения своих полномочий³⁴. В 2003-м он повторил эти обвинения³⁵, а в 2005-м обрушился на государственных служащих в еще более резких выражениях:

«Наше чиновничество еще в значительной степени представляет собой замкнутую и подчас – просто надменную касту, понимающую государственную службу как разновидность бизнеса. И потому задачей номер один для нас по-прежнему остается повышение эффективности государственного управления, строгое соблюдение чиновниками законности, предоставление ими качественных публичных услуг населению»³⁶.

Первоначально президент Путин связывал свои надежды на перемены с радикальной реорганизацией государственной службы и государственного аппарата, которые практически не изменились с советских времен. Однако административная реформа Дмитрия Козака, реорганизовавшая центральные органы власти и пересмотревшая их компетенции, привела к хаосу в специализированных министерствах – за исключением федеральных органов безопасности – и вскоре была свернута³⁷. Президент Медведев, представляя себя сторонником преобразований, тем не менее не предпринял новой попытки административной реформы, хотя и продолжал критиковать враждебное отношение госаппарата к экономике:

33 *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 года* (www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21480).

34 *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 3 апреля 2001 года* (www.kremlin.ru/acts/bank/36350).

35 *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 16 мая 2003 года* (www.kremlin.ru/acts/bank/36352).

36 *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 года* (www.kremlin.ru/acts/bank/36354).

37 Возможно, именно поэтому Путин обошел эту тему вниманием в своих посланиях Федеральному Собранию в 2006-м и 2007 годах.

«Государственная бюрократия по-прежнему, как и двадцать лет назад, руководствуется все тем же недоверием к свободному человеку, к свободной деятельности. Эта логика подталкивает ее к опасным выводам и опасным действиям. Бюрократия периодически “кошмарит” бизнес – чтобы не сделал чего-то не так. Берет под контроль средства массовой информации – чтобы не сказали чего-то не так. Вмешивается в избирательный процесс – чтобы не избрали кого-нибудь не того. Давит на суды – чтобы не приговорили к чему-нибудь не тому. И так далее. В результате государственный аппарат у нас – это и самый большой работодатель, самый активный издатель, самый лучший продюсер, сам себе суд, сам себе партия и сам себе, в конечном счете, народ. Такая система абсолютно неэффективна и создает только одно – коррупцию. Она порождает массовый правовой нигилизм, она вступает в противоречие с Конституцией, тормозит развитие институтов инновационной экономики и демократии»³⁸.

Если Медведев пытался эффективнее защитить предпринимателей от неправомерных репрессивных мер, ужесточив борьбу с коррупцией и либерализовав уголовное законодательство, то Путин с началом своего третьего срока в 2012 году предпринял попытку кардинальной реформы всей системы управления. В ряду принципов, «ключевых для новой модели госуправления», главой государства было упомянуто следующее:

«Адекватная мотивация государственных муниципальных служащих: конкурентная оплата их труда, система моральных, материальных, карьерных поощрений, стимулирующих непрерывное улучшение работы госаппарата. [...] Должна быть кардинально повышена персональная ответственность, вплоть до временной дисквалификации. Это означает, что нерадивый чиновник не только может и должен быть отстранен от занимаемой должности, но ему должно быть запрещено какое-то время заниматься этим видом деятельности»³⁹.

Однако оба президента не добились радикальных успехов в предпринятых начинаниях. В своем послании от 20 февраля 2019 года Путин сказал:

«Чтобы добиться тех масштабных целей, которые стоят перед страной, нам нужно избавляться от всего, что ограничивает свободу и инициативы предпринимательства. Добросовестный бизнес не должен постоянно ходить под статьей, постоянно чувствовать риск уголовного или даже административного наказания. Уже обращал внимание на эту проблему в одном из Посланий,

38 *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 5 ноября 2008 года* (www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968).

39 *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 декабря 2012 года* (www.kremlin.ru/acts/bank/36699).

приводил соответствующие цифры. Ситуация, к сожалению, не сильно изменилась»⁴⁰.

Федеральный закон от 2020 года об основах контрольно-надзорной системы, в которой заняты более миллиона человек⁴¹, едва ли сможет существенно изменить ситуацию. Перемены видятся не слишком вероятными, поскольку сложившийся в стране политический режим основан на президентской исполнительной власти, которая доминирует над другими ветвями власти, минимизировала многие демократические и конституционные механизмы контроля, маргинализировала независимые СМИ (за исключением изолированных остатков), вытеснила автономные организации гражданского общества. Соответственно, природа подобной системы такова, что ее представители и функционеры, сталкиваясь с гражданами, всегда будут испытывать глубоко укоренившееся недоверие и страх перед непредсказуемым духом свободы, в той или иной степени живущим в любом обществе. Историческое наследие российской правовой культуры по-прежнему напоминает о себе.

Перевод с немецкого Вадима Королькова

ОТТО ЛЮХТЕРХАНДТ

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ
И РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ
КУЛЬТУРА...

40 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 20 февраля 2019 года (www.kremlin.ru/acts/bank/44032).

41 Речь идет о кодифицированном Федеральном законе от 31 июля 2020 года «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5007).

ТАТЬЯНА
ВОРОЖЕЙКИНА

Аргентинский маятник – 2

За полгода, прошедшие с момента вступления в должность, президент Аргентины Хавьер Милей стал одним из самых известных латиноамериканских политиков. Он беспрестанно ездит за границу, выступает с лекциями, утверждая, что под его руководством Аргентина «осуществляет самый радикальный процесс экономического урегулирования [*ajuste*] не только в своей истории, но и в истории человечества»¹.

Действительно, ценой значительного падения покупательной способности зарплат и пенсий, ликвидации социальных пособий и сокращения трансфертов провинциям правительству удалось добиться положительного баланса бюджета и существенно снизить инфляцию. Для Милея, который объявил себя «величайшим выразителем идеи свободы

1 CUFRE D. *Más impuestos, más tarifas, más ajuste* // Página 12. 2024. 1 de junio (www.pagina12.com.ar/741220-mas-impuestos-mas-tarifas-mas-ajuste).

ПРЕВРАТНОСТИ
МЕТОДА

в мире»², эти два показателя – дефицит государственного бюджета и уровень инфляции – остаются главными и, похоже, единственными целями экономической политики независимо от того, с какой скоростью сокращается платежеспособный спрос и какими темпами падает производство.

Между тем нынешний процесс *урегулирования* отнюдь не является первым в истории Аргентины, которая за минувшие сто лет неоднократно повторяла один и тот же цикл: экономический кризис – популистская программа экономической экспансии – инфляция – *ajuste* – рецессия – новый кризис – и далее с теми же «остановками». Рассматривая колебания аргентинского маятника от популизма к жесткой экономии, от демократии к авторитаризму – и обратно³, – далее я предлагаю рассмотреть один из самых интересных эпизодов этого процесса.

Экономическая политика президента Артуро Фрондиси, свергнутого военными в 1962 году, привела к промышленной экспансии и расширению внутреннего рынка. Однако у этого процесса была и обратная сторона:

«Парадокс заключался в том, что проект импортозамещения, родившийся во время Второй мировой войны в рамках националистической стратегии, привел к увеличению влияния иностранного капитала в экономике. К тому же промышленный рост был крайне неустойчивым. Он ограничивался внутренним рынком, что не позволяло предприятиям экономить на масштабе, как это могло бы быть, если бы правитель-

ство стремилось стимулировать промышленный экспорт. Новая промышленная структура по-прежнему зависела от доходов, приносимых аграрным экспортом, которые позволяли финансировать закупки капитального оборудования и промежуточных товаров. Иначе говоря, сохранялась та самая традиционная зависимость, с которой стратегия Фрондиси должна была покончить»⁴.

Иностранные инвестиции были сконцентрированы в новых отраслях, где им гарантировалась особая защита от внешней конкуренции. В результате в промышленности сложилась дуалистическая структура: современный капиталоинтенсивный сектор, где действовали иностранные компании, привнесшие передовые технологии и высокие зарплаты, сосуществовал с более традиционным трудоинтенсивным сектором, в котором доминировал национальный капитал, где использовалось устаревшее оборудование и платились более низкие зарплаты⁵.

Свергнув Фрондиси, аргентинские военные не стали брать управление страной на себя. Временным президентом в соответствии с действующей Конституцией стал председатель Сената Хосе Мария Гидо, входивший вместе со свергнутым президентом в непримиримое крыло Радикальной партии. Назначившие его армейские генералы и «сильный человек» нового режима, министр внутренних дел Родольфо Мартинес, попытались вернуться к плану Фрондиси по постепенной реинтеграции перонистских масс в политическую

2 «*Soy el político más popular del mundo*». Javier Milei con Luís Majul. 2024. 23 de mayo (www.youtube.com/watch?v=fvyEnWj8ChM).

3 См. другие тексты на эту тему: Ворожейкина Т. *Генерал Перон и справедливость без свободы* // Неприкосновенный запас. 2024. № 1(153). С. 166–183; Она же. *Аргентинский маятник* // Неприкосновенный запас. 2024. № 2(154). С. 68–76.

4 LYNCH J., CORTÉS CONDE R., GALLO E., ROCK D., TORRE J.C., DE RIZ L. *Historia de la Argentina*. Buenos Aires: Editorial Crítica, 2002. P. 255.

5 Ibid.

систему. Однако этому решительно воспротивилась другая часть армии, а также военно-воздушные и военно-морские силы, что положило начало череде военно-политических кризисов, которые сопровождали все недолгое президентство Гидо (1962–1963).

Под давлением военных Гидо был вынужден аннулировать результаты состоявшихся в марте 1962 года выборов, распустить парламент и ввести федеральное управление в провинциях, включая и те, где перонисты не стали победителями. В сентябре 1962-го открытое противостояние легалистской фракции вооруженных сил («синих» – *azules*) и бескомпромиссных противников перонизма («цветных» – *colorados*) закончилось победой первых: генерал Хуан Карлос Онганиа добился капитуляции наиболее воинственных и антиперонистски настроенных генералов и старших офицеров и отправил их в отставку.

Это открыло дорогу для поисков политического урегулирования, которое позволило бы военным вернуться в казармы. Две части политической формулы, предложенной «синими», оставались теми же, что привели Фрондиси к власти в 1958 году: нужно было, во-первых, обеспечить включение перонистских масс в политические институты и при этом, во-вторых, не допустить возвращения перонистских лидеров к власти. Военные хотели создать широкий политический фронт, который включал бы перонистский электорат, но находился бы при этом под руководством других сил.

Как и в 1958 году, Перон согласился с этим планом, поскольку альтернативой ему с бесспорной очевидностью виделась военная диктатура. Находившийся в изгнании лидер пошел на компромисс, надеясь на то, что тем самым

будет открыт путь для медленного и постепенного возвращения перонистов в политическую систему. С этой целью Перон назначает внутренним руководителем своего движения умеренного политика Рауля Матеру, сменив профсоюзного лидера Андреса Фрамини, который после провалившейся в 1962 году попытки стать губернатором провинции Буэнос-Айрес занимал все более непримиримую позицию и сдвигался влево.

Впрочем, этому плану не суждено было осуществиться: он натолкнулся на жесткое сопротивление антиперонистов, как гражданских, так и военных. После новой попытки мятежа, на этот раз со стороны военно-морских сил, военные начали постепенно отстранять от участия в выборах все политические организации, которых подозревались в том, что они представляют ортодоксальный перонизм или связаны с ним. В такой ситуации Перон и свергнутый президент Фрондиси призвали своих сторонников голосовать пустыми бюллетенями (*voto blanco*).

Президентские выборы 7 июля 1963 года прошли в условиях полной политической и юридической неразберихи, «войны всех против всех». Победу на них одержал малоизвестный провинциальный политик Артуро Илья, который представлял умеренный Гражданский радикальный союз народа (*Unión Cívica Radical del Pueblo*). Ему противостояли «непримиримый» радикал Оскар Аленде и генерал Педро Арамбуру – лидер «Освободительной Революции» 1955 года, надевавшийся получить голоса антиперонистов. На этот раз существенная часть перонистского электората послушалась своего вождя и голосовала так, чтобы не допустить возвращения к власти наводившего страх генерала Арамбуру. Оставили бюллетене-

ни пустыми 19,4% избирателей, Илья получил 31,9%, Аленде – 20,8%, генерал Арамбуру – 17,8%.

Так началось президентство доктора Артуро Ильи (1963–1966) – последний относительно спокойный период в бурной политической жизни Аргентины, за которым последовали почти два десятилетия военных диктатур. Политический стиль Ильи, провинциальный и осмотрительный, как нельзя лучше соответствовал настроению аргентинского общества, уставшего от постоянных конфликтов и принявшего нового президента без иллюзий, в отличие от того горячего энтузиазма, который вызвала в 1958 году победа Фрондиси. Целью Фрондиси было обновление, а Илья, напротив, выступал за то, что было проверено опытом.

В экономической области Илья оставался верен программе Радикальной партии, которой она придерживалась с 1940-х: национализм, перераспределение доходов, государственный интервенционизм. Первым своим декретом новый президент аннулировал контракты, подписанные правительством Фрондиси с иностранными нефтяными компаниями. В результате им пришлось выплачивать крупные компенсации, развитие аргентинской нефтяной промышленности замедлилось, а правительство в самом начале своего мандата вызвало стойкую неприязнь у предпринимателей и иностранных инвесторов. В условиях экономической рецессии 1962–1963 годов промышленные мощности, которые значительно увеличились в результате инвестиционного бума 1960–1961-го, были загружены лишь на 50%, безработица достигла 9% в большом Буэнос-Айресе и еще более

высокого уровня во внутренних районах Аргентины.

Стратегия, избранная правительством Ильи для стимулирования производства, была прямой противоположностью той, которой придерживался Фрондиси. Теперь роль мотора промышленной экспансии отводилась не иностранным инвестициям, а расширению внутреннего спроса, поддерживаемому денежными, фискальными, кредитными мерами и повышением минимальной заработной платы. Такая экономическая политика означала возвращение к классической популистской модели, подобной той, которой придерживался Перон в 1946–1952 годы. В ее рамках главным источником накопления капитала, необходимого для обеспечения промышленного роста, выступало расширение платежеспособного спроса со стороны наемных работников. Иначе говоря, от уровня занятости и реальной заработной платы решающим образом зависел уровень прибыли промышленных предприятий, направляемой затем на расширение производства⁶. У предпринимателей и трудящихся возникали, таким образом, взаимодополняющие экономические интересы, которые и лежали в основе популистской социально-политической коалиции, объединившей национальную буржуазию, городских трудящихся и государство⁷.

Подобная коалиция, как правило, складывалась в условиях экономической рецессии: так произошло при Пероне, то же самое повторилось через полтора десятилетия при Ильи. Промышленный спад 1962–1963 годов вновь вызвал к жизни популистскую программу стимулирования спроса: правительство сделало более доступным кредито-

6 CANITROT A. *La experiencia populista de redistribución de ingresos* // Desarrollo Económico. 1975. Vol. 15. № 59. P. 337.

7 См.: ВОРОЖЕЙКИНА Т. *Генерал Перон и справедливость без свободы*. С. 29.

вание для частных лиц, благодаря чему выросли продажи товаров длительного пользования; казначейство списало часть задолженности государственных служащих и поставщиков; увеличились федеральные трансферты провинциям; законодательно был установлен минимальный уровень заработной платы, который периодически повышался⁸.

Эта политика привела к быстрому успеху, по крайней мере в краткосрочной перспективе. В 1964–1965-м ВВП рос на 8% ежегодно, темпы роста промышленного производства составляли 15% в год, безработица сократилась вдвое, хотя в целом в результате этого подъема экономика лишь восстановила тот уровень, который предшествовал рецессии 1962–1963 годов⁹. Экономическому успеху правительства Ильии способствовала и благоприятная внешняя конъюнктура: после десяти лет застоя (1953–1963) существенно увеличились доходы от традиционного аргентинского экспорта. В 1963–1966-м из-за роста мировых цен и наращивания физического объема производства экспортные доходы повысились на 50%. Это снизило давление на платежный баланс, которое всегда усиливалось в условиях экономической экспансии, создававшей дополнительный спрос на импортируемые промежуточные товары и капитальное оборудование.

Первоначальный экономический успех не привел, однако, к укреплению политических позиций Ильии. Избранный президентом голосами только трети избирателей и действующий в условиях антиперонистских проскрипций, Ильиа не имел устойчивой опоры ни в рабочем движении, ни в предпринимательской среде, что ослабило его с самого начала президентства. Его отношения с воен-

ными складывались довольно причудливо: поражение военной фракции «цветных», которую поддерживала Радикальная партия, открыло дорогу неожиданной победе аутсайдера в лице Ильии на президентских выборах. Радикалы вынуждены были смириться с победой «синих», а также с тем, что их лидер – главнокомандующий сухопутными войсками генерал Онганиа – стал ключевой политической фигурой, «охраняемой» (от перонизма) демократии. Военные же вынуждены были адаптироваться к существованию гражданского правительства, к которому они не испытывали никакой симпатии.

Второй проблемой Ильии стали отношения с профсоюзами, которые восприняли его избрание враждебно, поскольку считали незаконным роспуск военными перонистского Народного союза (Unión Popular) накануне выборов 1963 года. Социально-экономическая политика Ильии, бенефициарами которой очевидно являлись трудящиеся, не улучшила отношения профсоюзного руководства к его правительству. Несмотря на законодательное установление минимальной заработной платы, Всеобщая конфедерация труда (Confederación General de Trabajo) в мае 1964 года под предлогом роста бедности в стране (что не соответствовало действительности) объявила план мобилизации трудящихся, согласно которому в течение нескольких недель профсоюзные активисты занимали и удерживали промышленные предприятия. Это было впечатляющей демонстрацией силы профсоюзов, главная цель которых состояла в том, чтобы ослабить правительство. Поскольку захваты протекали мирно, Ильиа счел возможным не реагировать на них и не допустил вмешатель-

8 LYNCH J. ET AL. *Op. cit.* P. 260.

9 Ibid.

ства армии. Это усугубило его политическую изоляцию и усилило призывы к восстановлению закона и порядка.

Профсоюзная мобилизация 1964 года обозначила появление на политической сцене рабочего движения нового типа. Профсоюзы выступали одновременно и как представители трудящихся на переговорах с работодателями, и как агентства, которые предоставляли своим членам широкий спектр социальных услуг. Это породило огромный бюрократический аппарат, обзаведшийся собственными интересами, но вместе с тем сделало профсоюзное руководство элементом реальной власти в постперонистской Аргентине. Политическая стратегия профсоюзов меняется: от массового действия они переходят к действию организованному, которое, по замыслу их лидеров, должно было позволить им обрести политическую легитимность одного из главных игроков в борьбе за власть. Лидером, который в наибольшей мере воплощал новую роль профсоюзов, стал Аугусто Вандор – руководитель объединения металлургов, главное действующее лицо на переговорах с предпринимателями, военными, политиками – подлинный вождь «62 организаций» («62 Organizaciones»).

В условиях проскрипций профсоюзы выполняли с большим или меньшим успехом роль главной силы политического перонизма; это была единственная структура, которая выжила после политического разгрома 1955 года. Правительство Ильи легализовала перонистское движение и его политических лидеров с единственной оговоркой: запрет на возвращение Перона в страну оставался в силе, в результате чего стало расти напряжение между изгнанным каудильо и его сторонниками в стране. В провинциях, наименее затронутых начатой Фрондиси модерни-

зацией, перонизм сохранял свой многоклассовый облик, а традиционалистские провинциальные лидеры использовали перонистскую риторику для удержания своей политической клиентелы по мере того, как они встраивались в постперонистский политический порядок. Ту же цель – прийти к соглашению с реальными центрами власти – преследовало и новое профсоюзное руководство в более модернизированных и урбанизированных районах, где перонизм к середине 1960-х практически утратил поддержку за пределами «народного сектора» (городские трудящиеся и средние слои) и рабочего класса.

В такой ситуации оба столпа перонизма – и провинциальные каудильо, и профсоюзные руководители – начали дистанцироваться от постоянно меняющейся политической тактики Перона, чья главная цель в условиях сохраняющихся проскрипций состояла в подрыве любых политических соглашений, которые его противники отчаянно пытались положить в основание сколько-нибудь устойчивого правительства. Это прямо противоречило конформистским настроениям профсоюзных лидеров: пока они пытались найти формулу политического сосуществования с антиперонистскими силами, Перон из-за границы вел войну на истощение.

Попытки профсоюзного руководства во главе с Вандором выйти из-под политической опеки своего каудильо, создать «перонизм без Перона», наталкивались на безусловную верность перонистских масс изгнанному вождю. В народе сохранялось стойкое убеждение в неизбежности его возвращения – иллюзия, которую сам Перон неустанно поддерживал и которую не поколебала даже провалившаяся попытка его приезда, организованная Вандором в декабре 1964 года. Перон вылетел из Мадрида

2 декабря, но, когда его самолет приземлился в Рио-де-Жанейро, бразильские власти по настоянию аргентинского правительства заставили бывшего президента возвратиться в Испанию. Провал этой авантюры не повлиял на престиж вождя в глазах его сторонников, а ответственность за неудачу легла на профсоюзных организаторов и на действующее правительство. Тем не менее на промежуточных выборах в Национальный конгресс, состоявшихся в марте 1965 года, победили возглавляемые Вандором неоперонистские Народный союз и Народные движения провинций (*Movimientos populares provinciales*), получившие 36,9% голосов против 29,7%, отданных правящему Гражданскому радикальному союзу народа. И хотя переизбиралась лишь половина Конгресса, позиции правительства Ильии пошатнулись, особенно в глазах консерваторов и военных.

К середине 1965 года начали проявляться внутренние изъяны, присущие популистской экономической модели, которой следовал Ильиа. Позитивный для торгового баланса страны рост цен на продукты сельскохозяйственного экспорта приводил к подорожанию продуктов питания на внутреннем рынке и, соответственно, к снижению доли заработной платы, которая шла на потребление промышленных товаров. Это в свою очередь вело к сокращению их производства и снижению занятости. Эффект мультипликации – «цепная реакция», в которой снижение занятости порождало дальнейшее падение спроса и сокращение производства до тех пор, пока не устанавливалось новое равновесие, – подрывал основы популистской социальной коалиции, поскольку уровень занятости и заработной платы

трудящихся совокупно обеспечивали спрос на продукцию предприятий, на которых они работали¹⁰. Повышение же номинальной заработной платы, лежавшее в основе промышленной экспансии 1964–1965 годов, привело к удорожанию промышленных товаров и раскручиванию инфляционной спирали: росли зарплаты – увеличивались производственные издержки – повышались цены – правительство повышало минимальный уровень оплаты труда – и так далее.

Таким образом, в успехе популистской экономической модели правительства Ильии коренился источник ее будущего провала, поскольку этот успех размывал конституирующий элемент альянса между предпринимателями и наемными работниками: рост реальной заработной платы, который создавал спрос на промышленную продукцию, одновременно уменьшал ресурсы предпринимателей, необходимые для импорта промежуточных товаров и капитального оборудования. Издержки от конфликта интересов между участниками популистского блока начали перевешивать выгоды от их взаимодополняемости. Причем все это происходило в условиях ускоряющейся инфляции, что заставляло промышленную буржуазию разворачиваться в сторону союза с агроэкспортерами, разрушало популистскую коалицию и вело к неизбежной рецессии¹¹.

В середине 1965 года, когда годовой уровень инфляции достиг 30%, правительство попыталось провести ряд антиинфляционных мер, которые, однако, не были утверждены Конгрессом, где после выборов усилилось представительство перонистской оппозиции. К тому же давление профсоюзов было столь сильным, что рост заработной

¹⁰ CANITROT A. *Op. cit.* P. 340–341.

¹¹ *Ibid.* P. 348.

платы превышал официально намеченные цели. В результате к концу 1965-го экономический подъем прекратился. Ведущие промышленные, аграрные и финансовые корпорации начали обвинять правительство в экономическом дирижизме, административной неэффективности, фискальной «демагогии» – особенно в связи с преференциями, которые Илья стремился создать для мелких и средних предприятий.

Однако не экономические проблемы стали главной причиной падения правительства Ильи. После парламентских выборов 1965 года его изоляция усиливается. В военной среде крепнет убеждение, что единственная возможность предотвратить возвращение перонизма к власти – отмена выборов. В августе 1964-го генерал Онгания произносит программную речь в американской военной академии в Вест-Пойнте. В своем выступлении он отводит вооруженным силам принципиально новую роль в социально-экономическом и политическом развитии Аргентины, которая состоит в следующем:

«Служить вооруженной рукой Конституции, гарантировать суверенитет и территориальную целостность нации, охранять мораль и духовные ценности западной христианской цивилизации, обеспечивать общественный порядок и внутренний мир»¹².

Для выполнения этой задачи вооруженные силы требовалось укрепить: ведь это корпорация, несущая ответственность за экономическое и социальное развитие страны. Центральное место в новой военной доктрине отводилось предотвращению и пресечению «подрывной деятельности». Необходимыми условиями обеспечения национальной

безопасности становились, по мнению Онгании, успешное экономическое развитие и эффективное государственное управление, которые также приписывались к законной сфере ответственности вооруженных сил, что, по сути, ставило их над политикой и уничтожало политическую сферу как таковую¹³. Новая военная доктрина означала, что армия как институт впервые в истории Аргентины заявляла о готовности взять на себя не только политическое, но и экономическое руководство страной, чтобы трансформировать ее в соответствии с поставленными задачами.

Эта речь не случайно была произнесена в Вест-Пойнте. Именно здесь разрабатывалась та доктрина национальной безопасности, которую после кубинской революции и создания по ее примеру революционных движений во многих странах, администрация США внедряла в мышление и практику латиноамериканских военных. Их главной задачей становилась борьба с внутренним врагом – «подрывной коммунистической деятельностью». 31 марта 1964 года бразильские военные свергли президента Жоао Гуларта, положив тем самым конец двадцатилетнему периоду демократического популизма в Бразилии. В апреле 1965-го после свержения законно избранного президента Доминиканской Республики Хуана Боша Соединенные Штаты осуществили военное вторжение в это островное государство – с тем, чтобы поддержать противников отстраненного лидера, который считался слишком левым. Эти события еще больше усилили напряжение между правительством радикалов и военными в Аргентине: последние поддержали американскую интервенцию и настаивали на участии в формировавшихся

12 LYNCH J. ET AL. *Op. cit.* P. 262.

13 Ibid.

с этой целью межамериканских силах. Общественное мнение Аргентины, напротив, было настроено крайне негативно по отношению к американской политике: исходя из этого президент Илья отказался санкционировать участие аргентинской армии в силах вторжения.

Параллельно этому развивается внутренний конфликт в перонистском движении. Вандор и приверженцы «перонизма без Перона», вдохновленные успехом на парламентских выборах 1965 года, сочли, что настало время положить конец безусловному подчинению перонистов находящемуся за границей вождю. На съезде партии под давлением профсоюзов принимается решение о замене единоличного руководства новой, коллегиальной, структурой, призванной представлять интересы низовых перонистских организаций. Столкнувшись с этим вызовом, Перон посылает в страну свою третью жену – Марию Эстелу Мартинес, по прозвищу Исабелита, – которой поручает погасить попытку мятежа против него. В результате Всеобщая конфедерация труда раскалывается на две враждующие части, хотя Вандору и удается сохранить контроль над профсоюзным аппаратом и поддержку неперонистских политиков во внутренних районах страны.

Борьба в перонистской партии превратилась в еще один мощный фактор дестабилизации общенациональной политической ситуации. В начале 1966 года состоялись выборы губернатора провинции Мендоса, на которых открыто столкнулись интересы верховного лидера и местных перонистских каудильо. Выиграл претендент, выдвинутый союзом радикалов и консерваторов, но гораздо большее значение имело обстоятельство, что кандидат Перона набрал больше голосов, чем кандидат,

поддержанный Вандором и другими мятежниками. Это стало тяжелейшим ударом для тех, кто рассчитывал на политическую изоляцию изгнанного вождя. Произошло прямо противоположное: фракция диссидентов начала быстро терять влияние внутри движения, а грядущая победа перонистов, сплоченных вокруг верховного вождя, на предстоявших в марте 1967 года президентских выборах стала казаться неотвратимой. Военные и гражданские противники Перона открыто заговорили о необходимости предотвратить ее путем государственного переворота.

Этому способствовало и общее изменение общественной атмосферы. Начатая Фрондиси культурная и техническая модернизация в сочетании с экономическими сдвигами, вызванными притоком иностранных капиталовложений в промышленность, существенно поменяли социокультурную панораму Аргентины. На передний план выдвинулся новый слой профессионалов, директоров предприятий, университетских преподавателей и исследователей, сотрудников бизнес-школ и аналитических центров (*think tanks*), журналистов и аналитиков, для которых ценности либеральной демократии, ранее вдохновлявшие противников перонистского авторитаризма, утратили привлекательность. На место прежних мобилизующих мифов пришли задачи структурной трансформации, экономической эффективности, социальной динамики, новые модели потребления, к которым устремляется средний класс.

На этом фоне партийная система Аргентины и особенно фигура возглавлявшего страну президента выглядели полным анахронизмом. Илью обвиняли в пассивности, в том, что он действует слишком осторожно, с опозданием и не соответствует стоящим перед нацией

задачам. Кампания против Ильии, развернутая в средствах массовой информации, представляла его политическую программу безнадежно устаревшей, а его самого изображала символом упадка. В противоположность Ильии генерал Онгания и вооруженные силы в целом олицетворяли необходимые стране динамизм, эффективность и профессионализм. Журналисты, целенаправленно занимались дискредитацией правительства и созданием нового прогрессивного облика вооруженных сил, призванных повести страну в правильном направлении, позже стали ведущими пропагандистами военной диктатуры 1966–1973 годов.

У правительства Ильии практически не осталось союзников. Против него выступили крупнейшие предпринимательские корпорации, как промышленные, так и сельскохозяйственные. Профсоюзы с оптимизмом и надеждой смотрели на возможный приход военных к власти. Отказ от проведения выборов, на результаты которых Перон в течение двадцати лет мог оказывать решающее влияние, представлялся неоперонистам освобождением от его политической опеки. Таким образом, судьба правительства радикалов была предрешена.

29 мая 1966 года новый командующий сухопутными силами, генерал Паскуаль Пасторини, на официальной церемонии в присутствии президента произнес речь, в которой воспроизвел все клише антиправительственной пропаганды. Вопреки ожиданиям Ильиа не отреагировал на его выпад. Тогда Пасторини арестовал немногих офицеров, оставшихся верными Конституции, и проигнорировал приказ министра обороны об их освобождении. В ответ президент отправил командующего

сухопутными силами в отставку, и это запустило механизм военного переворота. 26 июня 1966 года армия захватила радио, телевизионные и телефонные станции и дала президенту шесть часов на то, чтобы объявить о своей отставке. По прошествии этого срока Ильию изгнали из президентского дворца и отправили домой. Так закончились попытки установить новый конституционный порядок, начатые после свержения Перона в 1955 году.

Трагическая фигура доктора Артуро Ильии стоит особняком в ряду аргентинских политических деятелей XX века. С социально-экономической точки зрения его президентство было и остается одним из самых успешных: экономика росла высокими темпами, резко сократилась безработица, существенно выросла заработная плата. Внешний долг Аргентины сократился с 3,6 миллиардов до 2,2 миллиардов долларов, резервы Центрального банка увеличились с 23 до 363 миллионов долларов¹⁴. Страна пользовалась уважением на международной арене: с официальными визитами Аргентину тогда посетили Шарль де Голль, Роберт Кеннеди, президент Чили Эдуардо Фрей. Политическая слабость и изоляция правительства Ильии были не его виной, а результатом специфического соотношения социально-политических сил, которое неотвратимо вело к патовой ситуации, где невозможно было создать минимально устойчивый демократический консенсус вокруг какой-либо из программ социально-экономической и политической трансформации.

Последующая судьба Ильии складывалась исключительно в частной сфере. Покинув президентский дворец и возвратив 220 миллионов песо, сэкономленных на представительских расходах, он

14 GONZÁLEZ F. *Arturo Illia: la honestidad en los tiempos del cólera* // El Cronista. 2016. 24 de junio (www.cronista.com/economiapolitica/Arturo-Illia-la-honestidad-en-los-tiempos-del-colera-20160624-0084.html).

взял такси и отправился сначала в дом брата в Буэнос-Айрес, а затем вернулся в родной город Крус-дель-Эхе в провинции Кордоба, где жил в бедности и работал врачом вплоть до самой смерти в январе 1983 года, не дожив нескольких месяцев до восстановления демократии. В 2013 году аргентинцы поставили Илью на третье место в ряду «самых честных людей мира» после Папы Франциска I и одного из героев освободительной борьбы – Мануэля Бельграно (1770–1820).

28 июня 1966 года командующие тремя видами вооруженных сил объявляют о создании «революционной хунты», прекращении полномочий президента, вице-президента, членов Верховного суда, губернаторов провинций и мэров городов. Конгресс и законодательные ассамблеи провинций были распущены, все политические партии запрещены, а их активы обращены в собственность государства. Лидеры «Аргентинской

революции», как торжественно был назван военный переворот, проинформировали народ о том, что возвращение к представительной форме правления может произойти только после того, как под руководством вооруженных сил будут демонтированы устаревшие структуры и ценности, которые блокируют восстановление национального величия. Впервые военные не устанавливали сроков своего правления: они будут у власти столько времени, сколько понадобится. Наступала новая эпоха – диктатура генерала Онгании, назначенного хунтой президентом, стала первой в истории континента диктатурой нового типа, поставившей своей целью модернизацию экономики и общества¹⁵. Аргентинский исследователь Гильермо О’Доннелл назвал подобные диктатуры авторитарно-бюрократическими режимами¹⁶; именно им предстояло господствовать на континенте в течение следующих двадцати лет.

15 Хронологически первым государственным переворотом такого типа был бразильский 1964 года. Однако первоначально он выглядел как традиционное военное *pronunciamento*, поскольку о начале структурной перестройки военные объявили лишь в 1968 году.

16 O'DONNELL G. *Modernization and Bureaucratic Authoritarianism*. Berkeley: Institute of International Studies, 1972; COLLIER D. (Ed.). *The New Authoritarianism in Latin America*. Princeton: Princeton University Press, 1979.

От спасения героя к суверенной власти: медиальная политика кино 1900–1940-х

ИГОРЬ
СМИРНОВ

Изобразительная концепция власти в кинотворчестве отражала его собственное позиционирование в системе традиционных искусств и состязание за доминантность, которую вели между собой используемые им технические средства. Как в никаком другом искусстве, мимесис в кино зависел от того, в каком положении находилось оно само – новоизобретенный и инструментально совершенствовавшийся медиум. Будучи аппаратным воспроизведением сцен, разыгрываемых на съемочной площадке, фильм воссоздавал и внефильмическую действительность, подчиняя ее своей инструментальной природе. За мимесисом в кино проглядывает техноавтопойезис. Передавая на экран постановку сцен, фильм делает петлю, распространяя в порядке обратной связи господство медиума над перформансом на смысловое содержание изображаемого.

Игорь Павлович Смирнов (р. 1941) – автор многочисленных статей и книг гуманитарного профиля, основной научный интерес сосредоточен на теории истории. Живет в Констанце (Германия) и Санкт-Петербурге.

**КИНО ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ
XX ВЕКА: МЕДИА,
ПАРАНОЙЯ,
ПОЛИТИКА**

Моделирование социально-политической власти прошло в кино несколько этапов развития, начавшись в условиях, когда нарождавшемуся кинематографу пришлось доказывать свое право на существование в качестве эстетической ценности. Главным для фильма в этих обстоятельствах было защитить себя в борьбе за признание своего художественного достоинства, ставившегося под сомнение многочисленными критиками кинематографа, которые обвиняли его в примитивизме, потакании вульгарным вкусам или в лучшем случае, как в «Творческой эволюции» (1907) Анри Бергсона, в той отрывочности, что сходилась с дискретностью сознания, подлежащей преодолению. Ограждая себя от нападков, фильм центрировался на мотиве избавления своих персонажей от грозящих им бедствий. В «Девушке и ее долге» («The Girl and Her Trust», 1912) Дэвида Уорка Гриффита телеграфистку на железнодорожной станции, охраняющую от бандитов сейф с крупной суммой денег, спасает вовремя посланная ею телеграмма (фильм не просто тематизирует спасение, но и выставляет его орудие – еще один электромедиум – своим аналогом). Вызволяя героиню из затруднительной ситуации, лента Гриффита приравнивает, соответственно, покушение на власть к акту насилия.

Нарождавшемуся кинематографу пришлось доказывать свое право на существование в качестве эстетической ценности. Главным для фильма было защитить себя в борьбе за признание своего художественного достоинства, ставившегося под сомнение многочисленными критиками кинематографа.

В «Рождении нации» (1915) власть показана деградирующей – перешедшей от убитого президента Линкольна (держась фактов, Гриффит в то же самое время компрометирует театр, конкурирующий с кино, как место смерти) к заблуждающемуся в своем радикальном аболиционизме конгрессмену Остину Стоунмену, который в свою очередь доверяет распорядиться в Южной Каролине мулату Сайласу Линчу, терроризирующему белое население штата. Младшая дочь в семье южан Кэмеронов, Флора, становится жертвой домогательств со стороны чернокожего слуги ее родителей (девушка бросается в пропасть). Брат Флоры, в прошлом полковник в армии конфедератов Бен, наблюдая за игрой детей, прячущихся друг от друга

под простыней, приходит к мысли о создании Ку-клукс-клана – тайной организации, члены которой будут скрывать себя под белыми одеяниями и масками. Клан казнит обидчика Флоры, а затем выручает доктора Кэмерона, который, найдя было убежище в уединенной хижине, вот-вот должен погибнуть от рук окруживших ее чернокожих солдат, и Элси Стоунмен, которую запирает в своем кабинете насильник Линч. Две семьи, южан Кэмеронов и северян Стоунменов, объединяются на архаический манер, обмениваясь брачными партнерами. Ничто не мешает после наведения порядка Ку-клукс-кланом женитьбе сына Остина Стоунмена, Фила, на старшей дочери доктора Кэмерона, Маргарет, а Бена – на Элси, с которой тот познакомился, попав раненым и плененным в госпиталь северян.

Спасение в «Рождении нации» берет начало в травестии – в изобретении костюмов для апокалиптических всадников Ку-клукс-клана, чему многозначительно предшествует в фильме сцена, в которой Флора, раздавшая имущество на нужды конфедератов, украшает свое бедное платье полосками хлопка. Травестия в киноэпопее Гриффита ассоциирована с *objet trouvé* – с готовым в реальности фильма предметом, отысканным на хлопковой плантации. Изображая спасение, фильм вместе с тем наделяет сотериологической функцией невозможную в театре киноимпровизацию, использующую материал, который имеется под рукой на натуральных съемках (во вступительных кадрах ленты афроамериканцы собирают хлопок в поле). Киноискусство исподволь внушает зрителю веру в то, что оно обладает магической силой. Гриффит осуждает и борьбу за превосходство одних над другими (война сторонников и противников рабства ведет к гибели сыновей из обеих действующих в фильме семей), и установление власти (Линч манипулирует выборами в Южной Каролине, отстраняя от участия в них белых). Позитивен в «Рождении нации» спонтанный народный протест против насилия сверху. Гарантируя невредимость протагонистам, он должен запустить в ход историю заново от ее истока – от смычки фратрий в брачном союзе. Спасение в фильме Гриффита принимает очень крупный масштаб, перекидывается на историю в ее целом, заходит за границы одного из народов, становясь, как бы это нас ни возмущало, расовым (при том, что конфликт рас коррелирует с черно-белым киноизображением, оказываясь как вне-, так и внутрифильмическим).

Воздействие «Рождения нации» на последующее кинопроизводство трудно переоценить (в чем еще предстоит удостовериться). В статье «Диккенс, Гриффит и мы» (1942, 1946) Сергей Эйзенштейн связал эту влиятельность с примененной в «Рождении нации» техникой параллельного монтажа, которую он возвел к построению повествования в романах Диккенса. По-

ИГОРЬ СМЕРНОВ

ОТ СПАСЕНИЯ ГЕРОЯ
К СУВЕРЕННОЙ ВЛАСТИ...

хоже, однако, что сочетание мотива спасения с монтажом коренится в самой сущности киномедиума. Это положение обретет доказательность, если учесть, что еще одна форма, какую принимало спасение в раннем кино, было бегством от преследователей, к которому особенно часто обращался Чарли Чаплин. К примеру, в его фильме «Бродяга» («The Vagabond», 1916) оркестранты, разъяренные тем, что их опередил в сборе денег с посетителей ресторана одинокий скрипач, гонятся за конкурентом, которому удается счастливым образом ускользнуть от агрессивной толпы. Сообразно превращению фотографии в движущуюся, *chase films* делают своего мобильного героя увертывающимся от опасности. Подобно тому, как последующее, переходное отличает динамичный видеообраз от статичного, в фильме (вплоть до «Форреста Гампа» (1994) Роберта Земекиса и «Беги, Лола, беги» (1998) Тома Тыквера) выигрывает тот, кто убегает. Кино параноидно как медиум (что оно со всей очевидностью выражает в жанре фильмов ужаса¹). Параллельный монтаж того же происхождения, что и спасение-в-движении. Смена планов при демонстрации спасения в «Рождении нации» такова, что одни из них посылаются вдогон, поспевают за другими: показ доктора Кэмерона и Элси, очутившихся в ловушках, откуда они не могут вырваться, перебивается серией кадров, в которых объектив ловит скачущих на помощь жертвам произвола всадников Ку-клукс-клана. Параллельный монтаж у Гриффита обратен тому, что мы видим в *chase films*: здесь победу одерживают каратели. Но, несмотря на смысловой переворот, и этот прием утверждает ценностное превосходство последующего над предыдущим в видеоряде. Гоньба переносится со съемочной площадки на монтажный стол. Медиум отображает себя в приеме.

Ранние фильмы убеждали зрителей в том, что жизнь не обходится без спасения, не только впрямую, но и от противоположного, повествуя о его невозможности или переломе в пагубу в ставшем чрезвычайно продуктивным жанре мелодрамы. Так, в фильме Евгения Бауэра «Дитя большого города» (1914) спасение переиначивается обретшей его героиней в свою противоположность: работница швейного заведения, которую богатый Виктор избавил от полунищенского прозябания, разоряет своего благодетеля и доводит его до самоубийства. Господство

1 Вильгельм Грайнер ставит *horror cinema* в зависимость от монструозности, на которую фильм падок из-за того, что подвергает естественные тела переустройству, отвечающему его техницизму – работе с крупными планами, монтажом и тому подобным (GREINER W. *Kino macht Körper: Konstruktion von Körperlichkeit im neueren Hollywood-Film*. Alfeld/Leine, 1998. S. 237–284). Но чудовища фигурируют не в одном лишь кино, а и в словесных – художественных и прочих – текстах. Пугающее нас может исходить в фильмах ужаса не только от монстров, но и от природных или техногенных катастроф, которыми кино интересуется как искусство, занятое в своей неизбывной параноидности выявлением самых разных угроз, поджидающих человека.

мелодрамы в русском кинематографе символистской эпохи, по всей вероятности, объясняется крахом социально-политических надежд, возлагавшихся обществом на революцию 1905–1907 годов. Аргументируя *a contrario* в пользу высокой значимости спасения, мелодрама диалектическим образом подрывала сотериологическую установку кинозрелища. Предупреждающее о безысходности ситуаций, в которых спасение теряет релевантность, кино расписывалось в том, что его магическая способность преобразовывать реальность в угоду медиуму может иссякать. На излете 1910-х фильм принимается рассказывать о конце и безуспешности своего чудотворства, превращающегося из спасительного в убийственное. То, что эту тему первым освоил немецкий кинематограф, так же не случайно, как и преобладание мелодрамы в русском в промежутке между двумя революциями. Немецкое кино отреагировало на повторную неудачу нации – в мировой войне и затем в революции, приведших к рождению Веймарской республики, которая поначалу не сумела справиться с катастрофической инфляцией в стране. Экстраполирующий себя во внеположную реальность медиум в свою очередь испытывал с ее стороны давление, становившееся все более и более заметным.

В ленте Пауля Вегенера «Голем, как он пришел в мир» (1920) рабби Лёв, изготавливающий могучего спасителя гетто от напастей, представлен подобием кинорежиссера (он устраивает при дворе правителя просмотр фильма из библейской истории). Глиняный гигант перестает быть послушным исполнителем воли своего создателя (Голем буйствует в гетто) и выводится в финале фильма из строя ребенком, отвинчивающим с груди искусственного человека звезду, которая запускает волшебный автомат в действие. Отвечая ближайшей социально-политической истории Германии, Голем у Вегенера дважды проваливает свои роли – и как страж гетто, и как самовольная особь (пасуя перед детьми – перед будущим).

В «Кабинете доктора Калигари» (1920) Роберта Вине аналогом киномедиума выступает сомнамбула Чезаре – *Schauobjekt*, которого посетители ярмарки могут увидеть в темной глубине палатки, сходной с кинозалом. Чезаре – чудотворец: он «знает все тайны», бывшие и будущие. Распоряжающийся сомнамбулой Калигари использует его как орудие убийства, бросая вызов городским властям (Чезаре расправляется с секретарем магистрата). Когда Чезаре пытается совершить насилие над девушкой, ее отец вместе с толпой горожан освобождает ее из рук преступника. Вине адресует нас к «Рождению нации», переворачивая смысл антецедента: если у Гриффита путь к спасению от сексуального насилия открывает киногенное, меняющее обыденный взгляд на мир видение вещей (которое

ИГОРЬ СМIRНОВ

ОТ СПАСЕНИЯ ГЕРОЯ
К СУВЕРЕННОЙ ВЛАСТИ...

превращает простыню в одеяние Ку-клукс-клана), то в «Кабинете доктора Калигари» злодейство совершает существо, реализующее метафорическое обозначение фильмического искусства как «фабрики снов».

Предупреждающее о безысходности ситуаций, в которых спасение теряет релевантность, кино расписывалось в том, что его магическая способность преобразовывать реальность в угоду медиуму может иссякать.

В финале фильма Вине запирает своих персонажей в сумасшедшем доме. В акте радикальной самокритики кино объявляет себя безумием, не имеющим ничего общего с реальностью, которая изображена в «Кабинете доктора Калигари» в условных декорациях. Нацеливаясь на самоотрицание, фильм равняет себя с театральной сценой, которую до того рассчитывал превзойти. Перед нами не столько «экспрессионистская» кинокартина, как принято думать², сколько метафильмическая, использующая живописно-архитектурные решения художников из группы «Штурм» (Герман Варм, Вальтер Райман и Вальтер Рёриг) для суда над кинематографом. Отмечу опять же двойной крах, который у Вине переживает киновоображение: оно дезавуируется и на сюжетном уровне в мотиве безрезультатного покушения Цезаре на насилие над женщиной, и на уровне интерпретации, которая предлагает толковать происходящее в фильме как претворение в жизнь фантазий, обуявших директора сумасшедшего дома, он же Калигари. Это толкование мнимо – оно рождается в голове одного из тех, кто находится в психиатрической клинике.

2

Выход из кризиса киномессианизма был найден авангардистским фильмом 1920-х в переносе эмфазы со спасения на завоевание власти. Такая трансформация мотивики отвечала тому признанию, какого экранное зрелище добилось, постепенно

2 Уже Зигфрид Кракауэр писал о том, что экспрессионизм в «Кабинете доктора Калигари» «кажется не чем иным, как соразмерным переводом полоумной фантазии в серию наглядных образов» (KRASAUER S. *Von Caligari zu Hitler. Eine psychologische Geschichte des deutschen Films* [1947] / ВIEVL S. (Hrsg.). Berlin, 2012. S. 87). В целом, однако, понимание Кракауэром фильма Вине бьет мимо цели, поскольку упускает из виду тот новаторский смысл, который «Кабинет доктора Калигари» имеет внутри киноистории. Кракауэр посчитал, что Вине, извратив революционный замысел сценаристов (Карла Майера и Ханса Яновица), создал «конформистское» кинопроизведение (Ibid. S. 76–95).

утвердившись в системе канонизированных искусств и, более того, даже сделавшись самым влиятельным ее компонентом (что побудило критиков говорить о «кинофикации» художественной культуры³ и о достигнутом в фильме – в противовес «кустарной» эстетической работе – высшем синтезе «техники и творчества»⁴).

Оппонируя кинематографу 1910-х, авангардистский фильм следующего десятилетия ассоциировал с киномашиной тот режим правления, который подлежал в излагаемой им истории отмене и революционному обновлению. «Стачка» (1924) Сергея Эйзенштейна придает проигрышу пролетариата в схватке за власть вид апокалиптической катастрофы, приостановки жизни, которая могла бы быть продолженной только при условии, если бы верхи общества не спасли себя от народного гнева (в заключительных кадрах фильма трупы рабочих устилают все экранное пространство). Пейоративно оценивая спасение, Эйзенштейн выставляет тех, кто способствовал сохранению плутократии, воплощениями киноискусства. Жандармский офицер, перебирающий фотографии «агентов по наружному наблюдению», уподоблен в «Стачке» режиссеру, предпринимающему кастинг перед началом съемок. Сами филеры, гримирующиеся, передевающиеся ради маскировки и затем разыгрывающие на городских улицах разнообразные роли (продавца мороженого, шарманщика), – актеры фильма в фильме. Один из филеров по кличке «Сова» выполняет функцию чуть ли не кинооператора – он фотографирует бастующих с помощью миниатюрного аппарата, спрятанного в часах, и затем проявляет пленку. Дабы не оставить сомнения в том, что «Стачка» ставит знак равенства между старым режимом и киноискусством символистской поры, Эйзенштейн при изображении еще одной группы пособников плутократии – люмпенов, вылезающих из-под земли на «Кадушкином кладбище», – пародирует эпизод из «Грез» (1915) Бауэра, воспроизводивший на экране третий акт оперы Джакомо Мейербера «Роберт-дьявол». В «Грезах» духи зла являются на театральные подмостки, восстав из преисподней⁵, – а в «Стачке» шпана поджигает винную лавку, провоцируя разгон рабочей маевки.

В «Броненосце “Потемкине”» (1925) несправедную власть персонифицирует среди прочих судовой врач, разглядывающий через пенсне червивое мясо, предназначенное в пищу матросам, и не желающий признать, что оно испорчено. Взбунтовавшаяся команда сбрасывает врача вместе с другими офицерами за борт (хочется сказать, вспоминая манифест кубо-

ИГОРЬ СМИРНОВ
ОТ СПАСЕНИЯ ГЕРОЯ
К СУВЕРЕННОЙ ВЛАСТИ...

3 Пиотровский А. *Кинофикация искусства*. Л., 1929.

4 Иоффе И. *Культура и стиль. Система и принципы социологии искусства*. Л.: Прибой, 1927. С. 349–365.

5 См. также: Смирнов И.П. *Видеоярд. Историческая семантика кино*. СПб.: Петрополис, 2009. С. 72, 108.

футуристов: «с корабля современности») – пенсне, оптический прибор, не обеспечивший истинного видения вещей, показано зацепившимся за раскачивающийся палубный канат. Оптика не гарантирует адекватности визуального мировосприятия. В «Броненосце» полемика с мессианистским фильмом отступает на задний план (и поэтому пенсне – только намек на объектив кинокамеры) – на передний же выдвигается бывший невозможным в «Стачке» захват главенства мятежниками. Фильм завершается учреждением на корабле матросского самоуправления и отказом эскадры, высланной на усмирение «Потемкина», расстрелять броненосец. И в этом фильме, и в иных авангардистских кинокартинах проведению аналогии между отживающим свой век начальствованием и искусством фильма антитетично такое изображение тех, к кому переходит власть, которое стилизовано под документальную съемку, лишено метафоричности. Триумф команды мятежного броненосца смонтирован из кадров, значащих, как если бы перед нами было неигровое кино, ровно то, о чем они напрямую информируют зрителей (расходящиеся в разные стороны военные корабли, подъем флага на «Потемкине», ликующие на борту судна матросы). На обретение сильной позиции кино откликнулось, заявив о себе, что оно не только *Dichtung*, но и *Wahrheit*.

В «Октябре» (1927) Эйзенштейн прибегает к непереносному, требующему буквального «прочтения» видеоповествованию в сценах, в которых фигурируют те, кто совершает политический переворот (марширующие по улицам российской столицы колонны красногвардейцев, прибывшие из Кронштадта в Петроград матросы, большевики в коридорах Смольного, полчище, штурмующее Зимний дворец). Акция по защите Временного правительства от поражения подана в «Октябре» как фарсовая: шествие многочисленных членов «Комитета спасения родины и революции» останавливает на Банковском мосту через Екатерининский канал один человек – матрос с «Амура». Этот персонаж квазидокументален: минный заградитель «Амур» действительно вошел в Неву вслед за крейсером «Аврора» 25 октября 1917 года. Неудачливые же спасители либеральной демократии аллегоричны, их намерение несбыточно: они не случайно заканчивают свой путь на том городском мосту, который украшают химеры – статуи крылатых львов.

Противники большевиков регулярно сопоставляются в фильме с разного рода изваяниями: «ударницы» из женского батальона, охраняющего Зимний дворец, – со скульптурными композициями Огюста Родена «Вечная весна» и Федора Каменского «Первый шаг», Керенский – со статуэткой Наполеона и с механическим павлином работы английского мастера Джейм-

са Кокса. Ужесточение диктата Временного правительства поставлено в параллель с возвращением на пьедестал памятника Александру III, сброшенного оттуда в начале фильма (весьма вероятно, что Эйзенштейн неспроста выбрал для съемок своего антимессианистского кинопроизведения именно этот памятник, который был воздвигнут в Москве рядом с храмом Христа Спасителя). Скульптурный видеоряд в «Октябре» был призван одновременно обезжизнить и эстетизировать представителей падающей власти. Ее ниспровергатели, напротив, попирают эстетические ценности: кронштадтские матросы и красногвардейцы бесцеремонно взбираются на одну из скульптурных фигур у основания Ростральной колонны.

По мере развития киноавангард, усиливший свою миметическую настроенность, принялся связывать удаляющееся в прошлое с искусством в любых его проявлениях (так, выступление меньшевиков на II съезде Советов сравнивается в «Октябре» с игрой на арфах), а не только с кинопроизводством (которое, впрочем, тоже не было забыто Эйзенштейном: перед тем, как включиться в схватку за власть, участницы женского батальона уподобляются в фильме актрисам в костюмерной – они переодеваются и смотрятся в зеркальце). В своей общей инсценированной достоверности «Октябрь» отказывается от услуг профессиональных актеров, заменяя их либо натурщиками (внешне похожими на Ленина, Троцкого, Керенского), либо фактически деятелями революции (Владимир Антонов-Овсеенко исполняет у Эйзенштейна роль самого себя). Тропичным показ претендентов на власть становится тогда, когда они ее добиваются и оказываются, таким образом, равносильными тем, кто ею обладал прежде. Аллегоризирующий новорожденную власть ребенок на троне в концовке «Октября» заставляет нас вспомнить демонтированный, но самовосстановившийся монумент – восседающего на престоле Александра III, в руки которого скульптор (Александр Опекушин) вложил скипетр и державу.

Собственно же документальный фильм, обращаясь, как это сделала Эсфирь Шуб в «Падении династии Романовых» (1927), к предреволюционному прошлому Российской империи и к февральской революции, отождествлял *ancien régime* и низложенное большевиками Временное правительство с кинофабрикатами, коих скоро компоновался из перемонтированных хроникальных съемок, сохранившихся в архивах. В игровом кино даже перенос значений с одного предмета на другой не противоречил генеральной направленности фильмов на верность фактическому положению дел, обычно сочетая между собой реалии, содействующие в том пространстве, в котором происходило запечатлеваемое на фотоплёнке действие. Троп отрицал тем самым свою произвольность, свою субъективно-ментальную природу.

ИГОРЬ СМИРНОВ

ОТ СПАСЕНИЯ ГЕРОЯ
К СУВЕРЕННОЙ ВЛАСТИ...

Часы «Павлин» соотносятся с Керенским в том эпизоде «Октября», в котором глава Временного правительства поднимается по лестнице в Зимнем дворце, где они уже давно стояли.

Контрольный пример: в еще одном фильме о захвате власти, в ленте Льва Кулешова «По закону» (1926), в которой мужу и жене, шведу и англичанке, приходится на безлюдном золотом прииске самозванно взять на себя функцию судей, а затем и палачей, казнящих преступника-ирландца, в кадр попеременно попадают то испытывающий приступ ярости персонаж, то закипающий рядом с ним на огне чайник⁶. Отдавая предпочтение метонимическому мировидению, режиссеры авангарда канонизировали наметившуюся уже у Гриффита работу с готовыми предметами (извлекаемыми из вещного контекста и реквизита съемок; в этот же ряд входят типажи), а теоретики кино, Луи Деллюк (1920) и Жан Эпштейн (1926), преломили ее в понятии «фотогении», подразумевающим выразительность, которая была присуща внефильмической действительности⁷.

Сама власть, переходящая в кинотворчестве 1920-х в новые руки, была истолкована им так или иначе в виде абсолютной по контрасту с той ущербной, каковая подлежала упразднению. В «Октябре» верховенство достается не просто одной из партий, представленных на съезде Советов, – большевистской. Победу у Эйзенштейна одерживает мужской союз: большевики-пропагандисты братаются с угрожавшей делу революции «дикой дивизией» и пускаются вместе с внявшими их увещаниям горцами в экстатическую пляску. Замирению противников-мужчин перечит агрессивность женщин, убивающих зонтиками во время июльских беспорядков в Петрограде большевика на спуске к Неве. Мужская масса ломает в кульминационных эпизодах кинокартины сопротивление «слабого пола» – женского батальона, защищающего резиденцию Временного правительства, глава которого Керенский ассоциирован с гинекократией: мы видим его в покоях императрицы Александры Федоровны⁸. Согласно Эйзенштейну, Керенский, покинув Зимний дворец, проявил тем самым малодушие и позерство; в «Октябре», полемизирующем с ранним кино, спасающийся беглец вовсе не положительная, а однозначно отрицательная фигура.

- 6** Эйзенштейн безоговорочно противопоставил «монтажный троп» в советском кино 1920-х параллельному монтажу в фильмах Гриффита (Эйзенштейн С. *Избранные произведения: В 6 т.* М.: Искусство, 1963. Т. 5. С. 176). Метонимический перенос значения с помощью монтажа был, однако, изобретением американского режиссера. В «Рождении нации» он вставил в сцену бегства Флоры от насильника наблюдающую с дерева за преследованием белку, коннотировав, таким образом, этот отрезок фильма как охоту на человека.
- 7** К восприятию идеи «фотогенной» действительности в России ср.: Ямпольский М.Б. *«Смысловая вещь» в кинотеории ОПЯЗА // Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения /* Под ред. М.О. Чудаковой. Рига: Зинатне, 1988. С. 109–119.
- 8** К трактовке женского и женоподобного в «Октябре» ср.: Цивьян Ю.Г. *Историческая рецепция кино. Кинематограф в России, 1896–1930.* Рига: Зинатне, 1991. С. 338–341, 348–356.

Помимо того, что Эйзенштейн преподнес октябрьский переворот отвечающим его собственным гомоэротическим склонностям, он концептуализовал победоносную большевистскую власть в качестве патриархальной и, стало быть, извечной, несмотря на всю ее претензию на небывалость.

В «Наполеоне» (1927) Абея Ганса главный герой продвигается по ходу сюжета от неполноты и частноопределенности своей власти (от противодействия английскому влиянию на Корсике и, позже, создания успешного плана взятия революционной армией Тулона) к начальствованию, выходящему за пределы одной страны и обещающему стать ничем не ограниченным: в концовке байопика молодой полководец возглавляет Итальянский поход французов (который он, подчеркну, замыслил на фоне глобуса). Расширению могущества Наполеона сопутствует у Ганса синхронное (соперничающее с монтажом) выведение на полиэкран сразу трех видеообразов.

Киноавангард, сосредоточенный и в «Броненосце “Потемкине”», и в «Октябре», и в «Наполеоне» на смене власти (у Ганса – на крушении робеспьеровской власти революционного террора), не испытывал интереса к рассмотрению организационных механизмов устанавливающегося правления, к его каждодневно-практической деятельности. Но, когда фильм 1920-х все же информировал зрителей не только о конституировании власти, но и об ее исполнении, он проникался скепсисом. Узурпирующие полномочия суда и экзекуторов приговора герои кулешовского фильма «По закону» (сценарий Виктора Шкловского) оказываются в своих амбициях несостоятельными. Повешенный ими ирландец Майкл Дейнин (в его роли был занят Владимир Фогель) срывается с веревки, заброшенной на дерево (одиноко растущее и снятое снизу в устремлении к небу, оно намекает на *arbor mundi*), и, явившись перед глазами своих губителей в темном окне хижины, удаляется с прииска свободным от наказания. Иновласть в диссидентском, вступающим в спор с апологией революционного самоуправства фильме Кулешова досягаема, но не выдерживает проверки на реализацию своих намерений⁹. «По закону» конфронтрует с щедро декорированными кинопраздниками в честь революции также в том, что минимализирует используемые в ставшем аскетичным фильме экспрессивные средства. Кулешов соблюдает единство места действия, довольствуется малым числом актеров и скудным реквизитом; он сводит само действие во многом к технологическим процессам – к выкапыванию могил-

ИГОРЬ СМIRНОВ

ОТ СПАСЕНИЯ ГЕРОЯ
К СУВЕРЕННОЙ ВЛАСТИ...

9 В «Старом и новом» (1929) Эйзенштейн также критиковал отправление утвердившейся новой власти, но на конформистский – применительно к сталинской коллективизации – манер, осуждая бюрократическую волокиту, которая глушила якобы народную инициативу по обобществлению крестьянских хозяйств, продолжающему радикальное преобразование страны.

лы, к подготовке трупов к захоронению, к бритью преступника перед казнью и тому подобному.

Революционный фильм оспаривался как изнутри художественной культуры, складывавшейся в Советской России, так и извне этого контекста. Фриц Ланг поведал зрителям «Метрополиса» (1927) о том, как терпит провал задуманное изобретателем Ротвангом (его дом помечен пятиконечной звездой) разрушение капиталистического электрограда, – и о том, как холодно-рациональный хозяин производства Йо Фредерсен воссоединяется со своим сыном, преисполнившимся состраданием к нуждам угнетенного пролетариата. Власть в этом консервативно-христианском фильме (его идеологию воплощает проповедница евангельских ценностей Мария) требует перерождения, но оно, согласно Лангу, должно быть эндогенным, нравственным, а не экзогенным, как в советском кинематографе.

3

Кинематографическая разногласица в оценке власти достигла вершины в 1926–1927-м, когда в до того немой фильм начал внедряться звук. Изобретение звукового кино ознаменовало собой приход третьего этапа в осмыслении фильмическим искусством того, что такое господство и подчинение. Выразительные возможности киномедиума, сделавшегося аудиовизуальным, вступили в конкуренцию друг с другом. Покушаясь на самодостаточность, звук мог становиться сам по себе авторитетным, функционировать как «L'Acousmètre», по терминологии Мишеля Шиона¹⁰.

К примеру, в фильме «Одна» (1931) Григория Козинцева и Леонида Трауберга голос из уличного громкоговорителя раскрывал присутствующим в кинозале смысл происходящего на экране. Но в соревновании слышимого и видимого визуальный образ также мог брать верх над сонорным (что обычно не учитывается кинотеорией). В первой звуковой ленте Рене Клера «Под крышами Парижа» (1930) героиня Пола, разбуженная будильником, бьет по нему ладонью, промахивается, попадает в туфлю, и тем не менее звон прекращается: действие в своей наглядности, как бы ни было ошибочно, сильнее шумов.

Конкуренция двух каналов передачи информации в звуковом фильме, опрокинувшись на его тематику, обусловила двойственность в подходе к проблеме власти. С одной стороны, он проявлял заметный интерес к поражению потентата, ибо

10 ШИОН М. *Le voix au cinéma*. Paris, 1982. P. 29 ff. Ср. сходные соображения: DOANE M.A. *The Voice in the Cinema: The Articulation of Body and Space* [1980] // BRANDY L., COHEN M. (Eds.). *Film Theory and Criticism. Introductory Readings*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 368–369.

в противоборстве слышимого и видимого убыток претерпевали то там то здесь оба соперника. С другой стороны, он был увлечен изображением совершенной власти, которая, пусть и более непревосходимая, являлась разделенной с ее совладельцами. И в том и в другом случае фильм прослеживал, как власть претворяется в текущей действительности, как она себя поддерживает и обеспечивает, что шло вразрез с целеположенностью немого кинематографа 1920-х, но соответствовало сражению технических средств, разыгрывающемуся в аудиовизуальном медиуме.

ИГОРЬ СМЕРНОВ
ОТ СПАСЕНИЯ ГЕРОЯ
К СУВЕРЕННОЙ ВЛАСТИ...

Киноавангард, сосредоточенный на смене власти, не испытывал интереса к рассмотрению организационных механизмов устанавливающегося правления, к его каждодневно-практической деятельности. Но, когда фильм 1920-х все же информировал зрителей не только о конституировании власти, но и об ее исполнении, он проникался скепсисом.

3.1

Один из наиболее значимых для советской кинокультуры фильмов о гибели большого человека – «Великий гражданин» (1937, 1939) Фридриха Эрмлера. Центральный герой этой двухсерийной ленты, вожак преданных сталинизму ленинградских партийцев Шахов (в исполнении Николая Боголюбова), персонифицирует киноискусство: он торжествует над оппозиционерами в кинозале, куда было перенесено из-за наплыва людей собрание рабочих «Красного металлиста». Когда противники Шахова погружают это помещение во тьму, оно освещается лучом, бьющим из будки киномеханика. Затевавшему заговор против Шахова, Боровскому (Олег Жаков) Эрмлер отвел роль директора Музея революции, столкнув тем самым нацеленное в будущее кино с экспонированием остатков славного прошлого.

Продвинувшись до главы Ленинградского крайкома партии, Шахов предстает во второй серии «Великого гражданина» поглощенным разного рода администрированием: контролем работ на «Каналстрое», поддержкой молодых рационализаторов производства, проверкой личных дел ближайших сотрудников. В качестве практиков выведены в фильме и враги Шахова, ушедшие в подполье оппозиционеры, один из которых заявляет: «Надо стать реальными политиками». Про-

ИГОРЬ СМИРНОВ

ОТ СПАСЕНИЯ ГЕРОЯ
К СУВЕРЕННОЙ ВЛАСТИ...

тивовласть плетет интриги, мешающие планомерному труду во благо индустриализации страны, – в частности, пытается остановить главный конвейер на «Красном металлисте». Шахов (он же Киров) должен быть устранен, потому что он срывает происки подполья.

Илл. 1. Бут перед дверью в театральную ложу Линкольна («Рождение нации», 1915).

Илл. 2. Террорист входит в коридор, где будет убит Шахов («Великий гражданин», 1937, 1939).

Илл. 3. Шахов на пути к месту гибели («Великий гражданин», 1937, 1939).

Выстраивая сцену покушения на Шахова, Эрмлер, похоже, вспоминал о «Рождении нации». Там Джон Уилкс Бут останавливается перед дверью, ведущей в театральную ложу, где сидит Линкольн. Затем мы видим убийцу вошедшим в ложу и стреляющим в президента. В «Великом гражданине» теракт происходит в театральном помещении, как и убийство Линкольна, но зритель не становится свидетелем этого события: в неподвижном кадре Эрмлер задерживает нас перед закрытой дверью, ведущей в коридор, где погибнет Шахов (илл. 1, 2, 3), так что мы не видим и не слышим сразившего его выстрела. Звуковое кино теряет обе свои способности воспроизводить действительность, возвращая нас к фотографии в тот момент, когда смерть наступает олицетворявшего его героя¹¹.

11 У закрытой двери в «Великом гражданине» есть и еще одно значение. Строго следующий официальной версии убийства Кирова, которое якобы было вдохновлено внутривластными оппонентами Сталина, Эрмлер, запирая перед нами вход в коридор, где оно и впрямь случилось, все же намекает на неразрешенность загадки этой катастрофы (вылившейся впоследствии в Большой террор). В «Рождении нации» Бут проникает в театральную ложу Линкольна, потому что охранник президента покинул свой пост. Реминисценция из фильма Гриффита в «Великом гражданине» могла быть обусловлена тем, что Эрмлеру (бывшему чекисту) было известно о странном поведении телохранителя, который отстал от Кирова в коридорах Смольного, где его поджидал Леонид Николаев.

Создатели киношедевра «Гражданин Кейн» (1941) – режиссер Орсон Уэллс и сценарист Герман Джейкоб Манкевич, – возможно, были знакомы с «Великим гражданином». Даже если предположение об интерфильмической зависимости американской кинокартины от советской безосновательно, переключки, пусть и всего лишь типологического свойства, двух произведений о конце большого человека разительны. Борясь за пост губернатора штата, Кейн держит речь, как и Шахов, на фоне киноэкрана. Добиваясь влияния в качестве владельца и издателя газеты, Кейн орудует тем же медиальным средством, которое было особенно важно для Шахова, опубликовавшего в «Правде» статью с изобличением ошибок его недоброжелателей (оппозиционеры у Эрлера препятствуют отсылке в Ленинград из Москвы этого безоговорочно авторитетного печатного органа большевистской партии). Подобно тому, как интригуют враги Шахова, герой в фильме Уэллса и Манкевича становится жертвой шантажа его политического соперника Геттиса, прознавшего про любовную связь Кейна со Сьюзен Александер.

Существенное различие двух сходных по тематике фильмов (отвлечемся от их эстетических качеств) в том, что решительный проигрыш ожидает Кейна не как политика, ролью которого исчерпывается деятельность Шахова, а как семейного тирана, пытавшегося во что бы то ни стало сделать примадонну из бездарной певицы Сьюзен Александер, покидающей, в конце концов, замок газетного магната. Семья в обществе, не затронутая, как советское, только что совершившейся революцией, более значима, нежели управление народной массой. Уэллс обесправливает в своем фильме наряду со звуком, теряющим в оперных пробах Сьюзен Александер полноценность, также визуальность: в финале киносюжета рабочие вывозят из «Ксанаду» – убежища угасшего Кейна – гигантскую коллекцию ставшего более никому не нужным изобразительного искусства. Аудиовизуальный медиум сдает свои позиции вслед за поражением власти имущего у Уэллса так же, как и у Эрлера.

В нацистском киноискусстве смерть потентата подготавливает кульминацию (казнь заглавного героя) в антисемитской агитке Файта Харлана «Еврей Зюсс» (1940). Этот погромный фильм неприкрыто регрессивен, будучи идеологической и мотивной парафразой «Рождения нации». Герцога Вюртембергского (Генрих Георге) хватает апоплексический удар, когда он встречает гражданское неповиновение подданных, вызванное самоубийством юной Доротей, которую изнасиловал Зюсс Оппенгеймер. Харлан следует за Гриффитом не только в том, что приписывает сексуальному преступлению расовую предопределенность, но и в том, что оно выставляется результатом уступки полномочий, которые правитель делегирует избран-

ИГОРЬ СМIRHOV
ОТ СПАСЕНИЯ ГЕРОЯ
К СУВЕРЕННОЙ ВЛАСТИ...

ному им лицу. Так же, как Остин Стоунмен доверяет исполнение должностных обязанностей в Южной Каролине Линчу, который затем пытается силой овладеть дочерью конгрессмена, герцог расплачивается жизнью за то, что в значительной мере передал свою наследственную власть придворному финансисту Зюссу, который употребляет ее во зло немецкому народу и во благо евреям.

Харлан был озабочен не столько углубленной работой с киномедиумом, как Гриффит и остальные режиссеры (прежде всего Уэллс), о которых шла речь, сколько эффективным иллюстрированием выполняемого идеологического госзаказа. Таков, к примеру, подавляющий диалог зрителей с экраном, не допускающий никакого разнобоя трактовок финал агитки, в котором под барабанный бой на фоне падающего снега (от самой природы веет холодом смерти) Зюсс Оппенгеймер, посаженный (как опасный зверь) в клетку, взмывает над толпой, поднятый к верхушке непомерно высокой (пусть все видят!) виселицы. Как бы ни был зависим Харлан от нацистской доктрины, его фильм манифестирует и общую – на начальных фазах эволюции созревающего медиума – тенденцию кинематографа биологизировать власть (в «Октябре» – в мизогинном стиле). По необходимости сфокусированный на выразительности тел немой фильм распространял фундирующее его медиальное качество на концептуальное содержание властных отношений. «Еврей Зюсс» регрессивен и в этом плане, отбрасывая нас в своем расизме к дозвучковым кинолентам.

Стоит заметить, что крушение располагающего властью героя, хотя и было в набиравшем темпы звуковом кино парадигмообразующим, все же не стало единственной формой, в какой этот медиум отразил обоюдную капитуляцию своих слагаемых в борьбе друг с другом. Фильм 1930–1940-х проецировал такого рода медиальную ситуацию и в повествования о приостановке действия закона, оказывающегося неспособным быть воистину справедливым. Джон Форд ревизовал в «Дилижансе» (1939) каноническую смысловую схему вестерна, рассказывающего (в духе политфилософии Джона Локка) о воцарении институционализованного правопорядка взамен самосуда и ордалий¹². «Малыш» Ринго (Джон Уэйн), сбежавший в фильме Форда из заключения, должен быть возвращен туда поймавшим его шерифом. Законоотступник проявляет чудеса героизма, защищая своих случайных попутчиков от апачей, напавших на них по дороге в городок Лордсберг. По приезде на место Ринго расправляется с братьями Пламмерами, ответственными за смерть его отца и брата. Шериф, бывший обязанным препро-

12 См. также: Смирнов И.П. Указ. соч. С. 205–206.

водить Ринго в тюрьму, покоренный его мужеством, отпускает арестанта на волю вместе с благодетельной проституткой Даллас, в которую тот успел влюбиться. Номос упраздняется Фордом, как и его современником Карлом Шмиттом, развившим учение о чрезвычайном положении.

ИГОРЬ СМIRНОВ
ОТ СПАСЕНИЯ ГЕРОЯ
К СУВЕРЕННОЙ ВЛАСТИ...

Крушение располагающего властью героя, хотя и было в набиравшем темпы звуковом кино парадигмообразующим, все же не стало единственной формой, в какой этот медиум отразил обоюдную капитуляцию своих слагаемых в борьбе друг с другом.

3.2

Противоположная только что разобранному типу экранных зрелищ парадигма, сформированная идеей максимальной, но тем не менее разделенной власти, обретает в советском киноискусстве отчетливость в фильме Владимира Петрова «Петр Первый» (1937–1938), в котором монарх (Николай Симонов) составляет неразлучную пару с Меншиковым (Михаил Жаров)¹³. Перед нами как будто архетипическое сочетание демиурга, созидającego до того небывалый мир (распускающего монастыри, поощряющего торговую и промышленную инициативу в закоснелой стране и тому подобное), и трикстера (Меншиков не только соорганизатор реформ, но и мошенник, на которого Петр в гневе бросается с кулаками). Дело, однако, не так просто. В демиурге тоже проступают черты трикстера: Петр отнимает у самого близкого ему вельможи любовницу – Екатерину. Плутводство же Меншикова во многом утрачивает свою негативность в сравнении с тем заговорщицким противодействием начинаниям отца, которое оказывает Петру его сын Алексей (Николай Черкасов).

Мифогенное расподобление творца и его комического имитатора ослабляется и отступает на второй план в фильме, посвященном в первую очередь совластью (Петра и его сподвижников) и противлению (со стороны сына) власти (отца). Всесилие монарха заходит за последний предел в расправе, которую он учиняет над своим наследником (в сцене допро-

13 По-видимому, первым советским фильмом о синархии, взятой, впрочем, не столько в политическом, сколько в эротическом измерении, был «Строгий юноша» (1935), поставленный Абрамом Роомом по сценарию Юрия Олеши (1934). Только после того, как герой этого фильма Гриша Фокин (Дмитрий Дорлиак) заявляет, что и в бесклассовом обществе «власть гения [...] остается», он добивается благорасположения жены выдающегося хирурга Степанова и становится его младшим партнером в *ménage à trois*.

са царевича Петр надевает очки – кинематографическое техновидение солидаризовалось с дознанием, сопровождаемым пытками). Но и в преследовании сына Петр не единодержавен. Фильм (одним из авторов его сценария был Алексей Толстой) особо подчеркивает, что смертный приговор наследнику престола выносит Сенат, который затем присваивает царю титул «отца отечества», как бы возмещая с избытком пустоту, образовавшуюся в монаршей семье. Сотериология раннего кино, отвергнутая авангардом, становится вновь актуальной для киноискусства, которое оправдывает власть ее деяниями (рискуя жизнью, Петр спасает утопающих во время случившегося в Санкт-Петербурге наводнения).

«Петр Первый» дал образец для череды фильмов о Сталине, выпущенных в СССР на экран в первые послевоенные годы. В статье (1950) о них Андре Базен сетовал – на примере «Сталинградской битвы» (1948–1949) все того же Владимира Петрова – на то, что они не заполняют никаким промежуточным звеном разрыв между изображением кабинетного стратега Сталина и батальными картинами, в которых его мудрая воля облекается плотью и кровью¹⁴. Этот упрек безоснователен. Сталин (Алексей Дикий) у Петрова (сценарий написал Николай Вирта) окружен соратниками: главнокомандующий поручает Василевскому разработку плана по разгрому армии Паулюса и ведет беседу со Ждановым о положении дел на Ленинградском фронте. Но, главное, в самом Сталинграде есть исполнитель расчета верховной власти на стойкость защитников города – генерал Чуйков (Петров отнюдь неспроста поручил эту роль Николаю Симонову, до того запомнившегося зрителям как монарх в «Петре Первом»).

Герои, посредничающие между вождем и массами, выведены и в прочих фильмах о Сталине. В «Клятве» (1946) Михаила Чиаурели (по сценарию Петра Павленко) такова Варвара Петрова, члены семьи которой один за другим погибают в борьбе за социалистическое отечество. В «Третьем ударе» (1948) Игоря Савченко (по сценарию Аркадия Первенцева) из множества солдат, ведущих предначертанное Сталиным сражение за Крым, выделен морской пехотинец Чмыга (Марк Бернес). В обоих этих фильмах Сталин – сразу и единоначальник, и вершина синархии: в «Клятве» его поддерживают и оберегают от нападок после смерти Ленина высокопоставленные партийные функционеры, так сказать вожди-миноритарии; в «Третьем ударе» его поправляет (неслыханная смелость!) глава генштаба Василевский.

14 BAZIN A. *Le mythe de Staline dans le cinéma soviétique* // ИДЕМ. *Qu'est que le cinéma? I. Ontologie et langage*. Paris, 1958. P. 75–89 (рус. перев.: БАЗЕН А. *Миф Сталина в советском кино* // Киноведческие записки. 1988. № 1. С. 155–169).

Сделавшийся героем фильмов, Сталин устойчиво интерпретируется ими как сопричастный киноискусству или по меньшей мере снабжается в них оптическим инструментом, как в «Сталинградской битве», где в его руки вложена лупа. В «Клятве» он рисует у себя в кремлевском кабинете голову Ленина, которая тут же превращается в просвечивающий в верхнем углу кадра фрагмент кинохроники, запечатлевшей ленинское выступление с трибуны. В «Третьем ударе» Савченко показывает Сталина уединившимся в затемненном помещении с рядами стульев и большой белой печью-голландкой в глубине (илл. 4) – в зале как бы экраном (лупа фигурирует и здесь).

ИГОРЬ СМИРНОВ
ОТ СПАСЕНИЯ ГЕРОЯ
К СУВЕРЕННОЙ ВЛАСТИ...

Илл. 4. Кабинет заседания Комитета обороны или кинозал? («Третий удар», 1948).

Но, и помимо наделения Сталина киногенностью, фильмы о нем устремлены к тому, чтобы медиализировать историческую действительность, которую они хотят воспроизвести (заговорившее видеоискусство осознало себя вполне равным существу, ни в чем ему не уступающим). Поскольку в этих киноповествованиях непременно присутствуют персонажи, передающие замыслы главнокомандующего тем, кому предстоит их реализовать (так, в «Третьем ударе» Толбухин разыгрывает с генералами план будущего сражения), то будет правомерным утверждать, что торжество всезнания и ясновидения Сталина (в «Сталинградской битве» он говорит Ватутину: «Указывать легче всего, – и добавляет, имея в виду стратегию немцев: – А мы их предупредим») ставится кинематографом в зависимость от обеспечения контакта между Духом и социофизическим миром. Сущность соуправления киноискусство раскрывает как потребность властителя в канале связи, который позволяет мысли провидца овладеть коллективным телом, ведущим битву.

Концептуализацию действительности в качестве в-себе медиальной следует отсчитывать от документальных фильмов Лени Рифеншталь «Победа веры» (1933) и «Триумф воли» (1935). Если Эсфирь Шуб скомпоновала свой фильм о царистской России и февральской революции из архивной кинохроники, то для Рифеншталь кинематографичной была сама фактическая среда, заполнившая поле зрения режиссера. Как пишет Кристиан Вессели, Рифеншталь «в тесном сотрудничестве с Альбертом Шпеером преобразовала весь Нюрнберг в некую гигантскую кинотерриторию»¹⁵. Колонны СС и СА, землячества, трудовые отряды, подростки из гитлерюгенда – в той мере, в какой эти людские множества в ритмичной динамике демонстрируют себя, – уже кинозрелище еще до того, как будут пойманы объективами камер, расставленных в городе по указаниям Рифеншталь. Фактическая и вместе с тем инсценированная действительность позирует Гитлеру – в «Триумфе воли» он, по слову Сьюзен Зонтаг, представлен как *super-spectator*¹⁶. Штрайхер, Гесс, Франк, Розенберг и другие нацистские заправилы – медиаторы между фюрером и сплоченной его волей нацией.

Советское кино не преминуло откликнуться на «Триумф воли» в эстетически наиболее значительном из всех фильмов о Сталине – «Падении Берлина» (1949) Чиаурели (по сценарию Павленко)¹⁷. Сталин здесь (его играет, как и в «Клятве», Михаил Геловани) спускается на немецкую землю по трапу самолета, повторяя сходжение Гитлера с небес у Рифеншталь. Передача горнего образа Гитлера Сталину может показаться скрытой диверсией, подтачивающей тоталитаризм советского образца. Но скорее в данном случае приходится не сомневаться в политической лояльности Чиаурели и Павленко, а думать о том, что кино-медиуму, поглощенному развязыванием имманентных ему проблем, было безразлично, какую идеологию он в себя вбирает.

«Падение Берлина» насыщено кинореминисценциями. Гитлер отдает здесь приказ о затоплении берлинского метро, где прячутся от бомбежек родители с детьми, по образцу, известному из «Метрополиса», в котором Лже-Мария – механическая кукла, скопированная с проповедницы христианства, – устраивает в подземном городе потоп, угрожающий жизни детей из пролетарских семейств¹⁸. Тот же Гитлер в бункере незадолго до

15 WESSELY C. *Leni Riefenstahls Triumph des Willens* // REGENSBURGER D., LARCHER G. (Hrsg.). *Paradise Now? Politik – Religion – Gewalt im Spiegel des Films*. Marburg, 2009. S. 105.

16 SONTAG S. *Fascinating Fascism* [1974] // *A Susan Sontag Reader*. London; New York, 1983. P. 314.

17 Советская кинодокументалистика отреагировала и на спортивный фильм Рифеншталь «Олимпия» (1938) в «Цветущей юности» (1939) Александра Медведкина, экранизовавшего физкультурный парад на Красной площади.

18 Потоп из «Метрополиса» был воспроизведен уже в «Петре Первом»: в одной из сцен этого фильма Никита Демидов велит пустить воду в подвал башни с хоронящимися в нем людьми, чтобы скрыть от генерал-прокурора Ягужинского правонарушения, совершаемые на уральском заводе.

самоубийства откручивает со своего мундира пуговицы, чтобы расставить их на карте, повторяя действия правителя Томэнии в «Великом диктаторе» (1940) Чарли Чаплина. В фарсе Чаплина Хинкель (Гитлер) в гневе сдирает с груди Херринга (Геринга) ордена и, не найдя более ни одного, принимается срывать пуговицы (илл. 5, 6). Истерия фюрера (Владимир Савельев), противопоставленная в «Падении Берлина» спокойствию Сталина даже, казалось бы, в безнадежной ситуации, отсылает нас к сходной (хотя бы и лишь намеченной) трактовке гитлеровского характера Сергеем Мартинсоном в «Третьем ударе».

ИГОРЬ СМIRНОВ
ОТ СПАСЕНИЯ ГЕРОЯ
К СУВЕРЕННОЙ ВЛАСТИ...

Илл. 5. Хинкель обрывает пуговицы с мундира Херринга («Великий диктатор», 1940).

Илл. 6. Гитлер расставляет оторванные пуговицы на карте («Падение Берлина», 1949).

«Падение Берлина» претендовало на то, чтобы подняться на метауровень, с которого фильмы о власти могли бы быть подвергнуты суммированию. Во всех этих произведениях режиссеры были вынуждены решать задачу, вырастающую из того, что максимум власти и ее разделение в принципе противоречили друг другу. Доминантность Сталина требовала особого подчеркивания, его величие подлежало отмежеванию

от прочего начальствования как власть не от мира сего (Базен с полным на то основанием писал о ее трансцендентности). Экранный Сталин постоянно являлся зрителям как лидер глобального масштаба – в комбинации с Рузвельтом, Черчиллем или на худой конец (в «Третьем ударе») с турецким посланником и румынским военачальником в Крыму. Но этого мало. Суверенность Сталина – Мессии, уберегающего страну от иноземного порабощения, – должна была превышать обычные человеческие возможности. В простейших случаях она преподносилась в виде мыслительного хода стратега, обманывающего ожидания соратников и ошеломляющего их. В фильме Савченко Сталин внезапно меняет план по захвату Крыма, превращая второстепенное направление штурма вражеской обороны в главное. В сюжет «Сталинградской битвы» вплетена встреча Сталина со «старым другом еще с Царицына», который никак не может взять в толк, почему Красная армия не переходит в наступление. Сталин разъясняет собеседнику, что руководствуется примером Кутузова, заманившего Наполеона в глубь России, чтобы разгромить его войска ответным ударом.

В отличие от Савченко и Петрова, Чиаурели вместе с Павленко прибегают в «Клятве» к самым сильным средствам, оттеняющим необыкновенность Сталина, которому режиссер и сценарист придают черты теоида, принимающего кровавые жертвы. Их приносят жена и мать – аллегория Родины: мужа Варвары Петровой (Софья Гиацинтова) убивают кулаки, ее дочь гибнет в результате вражеской диверсии на стройке, а старший сын – под Сталинградом. Чтобы не оставлять у зрителей сомнений в сакральности Сталина, Чиаурели портретирует его на фоне храма Василия Блаженного и Соборной площади в Кремле. Бытие в «Клятве» жертвенно поступает собой, отдаваясь во власть инобытию¹⁹, где снимаются все земные дифференциации. Расовые несходства для советского фильма, заглядывающего по ту сторону человеческой истории, в коммунистическое будущее, незначимы. Если «Еврей Зюсс» был ориентирован на «Рождение нации», то «Клятва» полемизирует с Гриффитом. Хлопок, маркировавший в «Рождении нации» разницу белых и чернокожих, в «Клятве», напротив, соединяет Сталина и узбека, который протягивает ему, достав из-за пазухи (из интерфильмического тайника), ветку этого растения с плодами.

19 Николай Хренов полагает даже, что Кремль в «Клятве» был отождествлен на мистический манер с «загробным царством»: ХРЕНОВ Н.А. *Зрелища в эпоху восстания масс*. М.: Наука, 2006. С. 411 след. В таком понимании фильма есть свой резон. Сталин занимает в «Клятве» место мертвого Ленина и оказывается живым воплощением Танатоса. Не случайно Сталину легко дается разгадать, отчего перестал работать мотор трактора, демонстрируемого в Кремле, и исправить поломку. Сталину сродни явленное в технике работающее неживое.

В «Падении Берлина» Сталин из абстрактно богоподобного превращается в ветхозаветного Бога-отца²⁰, намеки на которого Чиаурели и Павленко проводят с нажимом. Сталевар Алексей Иванов (Борис Андреев), вызванный в Москву, застаёт Сталина за окучиванием деревьев в саду и, сильно пугаясь своего нуминозного кумира, называет его «Виссарионом Ивановичем» – именем, которое носил отец Иосифа Джугашвили. Сталин, устроитель райского сада в начале фильма, в его концовке прилетает в Берлин, где как раз во время его выхода из самолета Алексей, труженик и воин во имя зиждителя космоса и победителя хаоса, воссоединяется со своей возлюбленной, депортированной на каторжные работы в Германию. Новые Адам и Ева в «Падении Берлина» не знают первородного греха, который мог бы разнять их с Творцом и послужить причиной изгнания из Эдема (насильственная отправка героини в Германию преступно нарушает навсегда предзаданное советскому человеку пребывание в земном раю). С высоты той метапозиции, какую старались занять в «Падении Берлина» Чиаурели и Павленко, их всемогущий герой не мог не превзойти в своей сравнимости с библейским Творцом всех тех, кого советский фильм облакал первостепенной властью.

Превосхождение фильмов, тематизировавших власть, происходило не только всерьез, как в «Падении Берлина», но и в насмешку над ними. В «Великом диктаторе» комизм возникает из того, что соучастие в неограниченном правлении разоблачается как абсурд, будучи подвергнутым проверке на логическую правомерность. Разделенная власть оказывается у Чарли Чаплина воплощенной в двойничестве повелителя Томэнии: это антисемит – и еврей-цирюльник из гетто. Внешне совпадая друг с другом, они меняются социальными позициями, которые занимали потентат на верхушке иерархии и обездоленный в самом ее низу: Хинкеля, принятого за беглеца из гетто, берут под стражу, а Чарли возглавляет помимо своей воли поход на Остерлих (Австрию). Алогизм представления о том, что ничем не стесненная власть может быть в то же самое время разделенной, заверяется в «Великом диктаторе» контрольным рядом: союзники-автократы Хинкель и Наполони (Муссолини), правящий в Бактерии (Италии), затевают препирательства, выясняя, кому из них должен достаться Остерлих.

В качестве метафильма о власти, как она предстает на экране, «Великий диктатор» – развернутая кинопародия. Длительное пребывание Чарли после войны в больнице и его полная неосведомленность о том, что случилось за это время в Томэнии, отправляют нас к беспамятству унтер-офицера Филимонова,

20 Ср.: ШАХАДАТ Ш. *Соперник, паразит, спаситель. Фигуры третьего в кино 1920–60-х гг. // Советская власть и медиа* / Под ред. Х. Гюнтера, С. Хэнсгена. СПб.: Академический проект, 2006. С. 489–491.

контуженного в фильме Эрлера «Обломок империи» (1929) на Германском фронте и попавшего по выздоровлении в поначалу чужой ему Ленинград. Чаплин метил свою издевку не только в национал-социализм, но и в большевизм. Угодить в дистопическую Германию – то же самое, что и очутиться в утопической (у Эрлера) Советской России. Глобус, которым, как мячом, играет в своем кабинете Хинкель, уже известен нам как атрибут власть имущего по «Наполеону» Ганса. Вешающие цирюльника-еврея штурмовики ведут свою родословную от соучастников Ку-клукс-клана в «Рождении нации». Чтобы этот намек на Гриффита стал прозрачным, Чаплин переходит (реверсируя последовательность событий в «Рождении нации») от линчевания к травестийной сцене, в которой Хинкеля знакомят с новой униформой Вермахта (якобы пуленепробиваемая, она не выдерживает испытания). «Спасительному» Ку-клукс-клану у Чаплина противопоставит спасенный из петли командиром Шульцем непокорный цирюльник (заступник за евреев в «Великом диктаторе» – бывший летчик, то есть осовремененный в соответствии с технической цивилизацией ангел-хранитель). Заключительная речь Чарли на стадионе перед народными массами – пародийная антитеза к витийству Гитлера в «Триумфе воли». Чарли отказывается от роли «будущего мирового императора» и обращается к внимающим ему толпам с анархистской программой, почерпнутой из трактата Льва Толстого «Царство Божие внутри вас». Критику чрезмерной власти Чаплин завершил призывом к безвластию, избавляющему людей от взаимной жестокости²¹.

21 Вне комического задания несбыточность сочетания единодержавия с множасьей властью стала предметом рассмотрения в «Иване Грозном» (1943–1945) – фильме, в котором Эйзенштейн сделал тирана и его тень (вслед за Чаплином?) неотличимыми друг от друга, развязав эту сюжетную коллизию убийством переодетого в царское облачение князя Владимира Старицкого. Дальнейший разбор чрезвычайно сложно выстроенного фильма Эйзенштейна не укладывается в рамки моей и без того затянувшейся статьи.

Диверсификация паранойи: «М» Фрица Ланга и «Великий гражданин» Фридриха Эрмлера

ВАДИМ
МИХАЙЛИН

1. «М»: ЭКСПОЗИЦИЯ КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ

Последовательность сцен, с которой начинается фильм Фрица Ланга «М» (1931), представляет собой идеальное наглядное пособие по организации зрительского восприятия методами, доступными свежей изобретенному звуковому кино. Открывает картину неподвижная заставка: предельно динамичный экспрессионистский рисунок человеческой руки с судорожно сведенными пальцами и со впечатанной в ладонь ярко-белой буквой «М». И лите-ра, и рука, и фон прописаны резкими геометризованными штрихами, которые дополнительно оттеняют букву: подчеркнута неровными и большими контрастными пятнами в серо-черной гамме.

Далее следует начальный титр с именем режиссера и названием фильма, который сменяется пустым черным экраном. Вместе с чернотой приходит однократный, постепенно замирающий звук колокола; после чего наступают тишина и тьма, которые длятся долгие двенадцать секунд. И только на тринадцатой секунде, после того как зритель уже начал подозревать, что с обещанной ему экранной реальностью что-то пошло не так, из темноты начинает звучать детский голос, сперва отдаленный и тихий, но постепенно набирающий силу. Голос заполняет собой пустоту на протяжении еще пяти секунд, он произносит считалку, в которой немецкая публика начала 1930-х безошибочно узнавала припев из написанной еще в 1923 году популярной ариеттки¹. На протяжении первых десяти тактов текст звучит умиротворяюще: в песенке пелось об ожидании счастья, которое вот-вот поступит в твою дверь².

- 1 Из оперетты «Мариетта» Вальтера и Вилли Колло, сюжет которой в полном соответствии с жанром незамысловат и включает в себя комические недоразумения и ссоры на фоне автомобильных гонок, разоряющихся банкиров, светских раутов, киносъемок и поющих торговков фруктами, на поверку оказывающихся впавшими в нужду принцессами.
- 2 *Warte, warte nur ein Weilchen, / bald kommt auch das Glück zu dir! / Mit den ersten blauen Veilchen / klopft es leis' an deine Tür. / Warte, warte nur ein Weilchen, / bald kommt auch das Glück zu dir, / bringt vom Himmel dir ein Teilchen / und klopft dann an deine Tür!*

Вадим Михайлин (р. 1964) – историк культуры, социальный антрополог, переводчик, профессор Саратовского государственного университета.

Но, как только на экране начинает проступать изображение, зритель понимает, что его обманули: считалка представляет собой традиционную для детского фольклора «черную» переделку сентиментального текста. И адресату в ней обещают в скором времени встречу не со счастьем, а с Хаарманном – известным на всю Германию и казненным в 1925 году серийным маньяком-убийцей, который имел милое обыкновение прокусывать своим жертвам горло, насиловать их, а затем расчленять. В газетах Хаарманна именовали Человеком-волком, Ганноверским вампиром и Ганноверским мясником: последнее среди прочего объяснялось тем, что в свободное от убийств время он поставлял в мясные лавки неизвестного происхождения фарш. Контраст между тревожным ощущением темноты (плюс колокол, плюс рука) и слащавым текстом (плюс детский голос) сменяется контрастом между группой играющих детей и садистским стишком: голова адресата пойдет на холодец, живот на шпик, ноги на рульки, а остальное маньяк, изрубив топориком в фарш, просто выбросит вон³.

Дети стоят кружком, девочка в центре ведет счет; снята сцена средним планом, под крутым углом и сверху – так же, как видел бы ее человек, вышедший на балкон второго этажа. Камера неторопливо смещается, поднимается вверх, и мы действительно видим женщину, которая проходит через общий балкон с корзиной белья. Женщина отчитывает девочку, называя считалку «кошмарной», детский голос на несколько секунд замолкает, но, как только взрослый человек скрывается в дверном проеме, счет возобновляется, и женщина поднимается по лестнице под приглушенное, но достаточно узнаваемое «Warte, warte nur ein Weilchen...». Женщина звонит в дверь и отдает корзину прачке, между делом пожаловавшись на садистский стишок и получив в ответ утешительную реплику о том, что о детях можно не беспокоиться, пока слышны их голоса.

Сцена дана кадром, с одной стороны, предельно тесным, а с другой – столь же подчеркнуто неполным, открытым в невидимые зрителю зоны. Женщины стоят в дверном проеме, за которым приоткрывается вид в (предположительно) просторное жилое пространство. Оценить его объем и возможную населенность мы не в состоянии, но в обозримую его часть справа и слева проникают случайные фрагменты почти невидимых вещей – и тени от предметов невидимых. Дальняя стена прорезана еще одним дверным проемом, но дверь закрыта: за ней может быть уходящая в бесконечность анфилада, а может

3 Warte, warte nur ein Weilchen, / bald kommt Haarmann auch zu Dir, / mit dem kleinen Hackebeilchen, / macht er Schabefleisch aus Dir. / Aus dem Kopf da macht er Sülze, / aus dem Bauch da macht er Speck, / aus den Beinen macht er Eisbein / und das and're schmeißt er weg.

быть и крохотный чулан. Передний план горизонтально пере-резан лестничными перилами – и мы не можем не ощущать, что наша собственная точка зрения подвешена над лестничным проемом глубиной как минимум в десяток метров: куда в свою очередь выходят двери, двери, двери... Это абсолютно кафкианское пространство – со всеми прилагающимися к нему суггестивными аномалиями.

В разговоре упоминаются убийства, о которых знает и говорит весь город. Женщина уходит, прачка возвращается к прерванной было стирке, но часы бьют полдень, и она с улыбкой поднимает на них глаза. Зритель понимает, что она ждет ребенка из школы, – и автоматически оформляет ее сюжет в оттенки уже сформированного тревожного чувства. С боем часов совмещается бой городских курантов, по тону очень похожий на тот удар колокола, которым была аранжирована изначальная тьма, и организует мостик к следующему кадру: группе взрослых людей, выстроившихся у дверей в школу – полукругом, совсем как играющие в считалочку дети. Куранты здесь звучат куда громче, и зритель автоматически делает поправку на то, что сюжет имеет не только интимное измерение: «весь город» действительно знает о серийном убийце, беспокоится за детей и соизмеряет свои страхи с единым ритмом. Под те же куранты, но уже отдаленные, мы возвращаемся в квартиру прачки: она как раз варит суп, пробует его и улыбается, явно вспомнив о ребенке.

Ребенок – девочка лет восьми – тут же предъявляется и зрителю. Она прощается с подружками на улице, рядом с дорожным знаком «Школа» – и, не глядя, шагает на проезжую часть, чтобы перейти через дорогу. Звучит автомобильный сигнал, и девочка испуганно отскакивает обратно на тротуар. Мимо проносится машина, затем в кадре появляется полицейский: он берет девочку за руку, останавливает движение и ведет ее на другую сторону улицы. Камера выхватила из симфонии большого города основные элементы неотвратимо надвигающейся трагедии. Девочка уже была на волосок от смерти; незнакомый мужчина уже взял ее за руку и увел из кадра. Смерть и незнакомец еще не успели совместиться в единый образ и до поры до времени притворяются стертými, лишенными какой-то особой значимости деталями городской повседневности. Но зритель, успевший включиться в логику саспенса, уже не может не воспринимать эти детали как знаки, намекающие на основной, скрытый от глаз сюжет.

Монтажная склейка опять перемещает нас в квартиру, где мать накрывает на стол, любовно раскладывая столовые приборы. И тут же мы возвращаемся обратно на улицу: девочка идет, стуча мячиком об асфальт, а встречные прохожие от-

брасывают на близкую стену резкие черные тени, которые поглощают тень самой героини. Девочка идет, не поднимая головы – она следит за мячиком и не видит, как в кадр wpłyвает стоящий у столба мужчина. На нем классические для будущей нуарной традиции длинный двубортный плащ и шляпа. Он читает газету – или делает вид, что читает: у зрителя есть пара секунд на то, чтобы рассмотреть будущего убийцу; а потом еще пара для того, чтобы смириться с мыслью, что это и впрямь совершенно безобидный берлинец, который просто остановился у столба, чтобы почитать свежую газету. Город способен наделять зловещим смыслом любой элемент пейзажа, но те знаки, что выстроятся, в конечном счете, в систему, затасованы среди сотен и тысяч пустых и привычных форм. Любая из них может оказаться, а может и не оказаться уликой при том, что общее их число радикально превышает границы не только нашей памяти, но и нашего внимания – и те, что по случайности попали в рамку кинокадра, не только не отменяют всех прочих, но старательно намекают и на их присутствие за пределами нашего поля зрения, и на их зловещую готовность действовать за нашей спиной. Компоненты коктейля, необходимого, чтобы переключить зрителя на параноидальное восприятие диегетической реальности, собраны и смешаны.

Девочка проходит мимо зияющей темной подворотни: и снова ничего не происходит. Затем она останавливается и принимается отбивать мячик от афишной тумбы. Камера поднимается, и мы видим плакат с крупно выведенной надписью «Wer ist der Mörder?», с обещанием награды в десять тысяч марок за информацию о преступнике и списком его предыдущих жертв. Мячик ударяется в список убитых детей. Затем на афишу навигается тень, профиль толстощекого и губошлепого мужчины в плаще и шляпе, – и останавливается так, чтобы создать идеальное обрамление для слова «Убийца». «Какой красивый мячик, – говорит из-за кадра вкрадчивый голос. – Как тебя зовут?»

Нас снова перебрасывают в квартиру, где мать суетится у стола – и радостно спешит к двери, услышав с лестницы быстрый топот ног. Но на лестнице она видит только соседских девочек, которые говорят ей, что Эльзи с ними не пошла. В это время Эльзи получает от незнакомца фигурный воздушный шарик, купленный у слепого лоточника, – шарик, вероятнее всего, должен был изображать клоуна, но больше всего он похож на комиксные версии жутковатых космических пришельцев. Незнакомец постоянно стоит спиной к камере, его лица мы не видим, зато слышим мелодию, которую он начинает насвистывать – григоровскую «Пещеру Горного короля». В дальнейшем эта тема не только будет безошибочно указывать на

близкое присутствие персонажа – зритель достаточно быстро поймет, что именно она служит для убийцы триггером, свидетельством того, что этот полноватый, застенчивый и безобидный невротик в очередной раз превратился в монстра.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ДИВЕРСИФИКАЦИЯ
ПАРАНОИИ...

Сцена с лоточником – идеальное воплощение ланговской эстетики умолчаний. Зритель видит в кадре троих значимых участников сюжета – убийцу, жертву и ключевого свидетеля, который впоследствии поможет опознать и выследить маньяка. Но предьявленная реальность принципиально неполна и непрозрачна. Слепой старик-лоточник не видит лица убийцы, а только слышит музыкальную тему: собственно, как и зритель. Звук в «М» – самостоятельный пласт монтажа, и пользуется им Фриц Ланг виртуозно. Это его первый звуковой фильм, и, в отличие от большинства режиссеров, он сразу разглядел в звуковом сопровождении не просто возможность повысить достоверность изображения. У него – это мощный инструмент, который позволяет режиссеру оперировать внекадровыми пространствами, заставляя зрителя включать в проективную реальность то, чего нет на экране. Звук в «М» – одно из главных средств параноидизации зрительского воображения. Хотя и не единственное.

Город способен наделить зловещим смыслом любой элемент пейзажа, но те знаки, что выстроятся, в конечном счете, в систему, затасованы среди сотен и тысяч пустых и привычных форм. Любая из них может оказаться, а может и не оказаться уликой при том, что общее их число радикально превышает границы не только нашей памяти, но и нашего внимания.)

Пространство кадра одновременно заужено, загромождено и открыто во все стороны разом, так чтобы взгляду в нем было тесно и чтобы присутствие обширных внешних зон (вне всякого сомнения, заполненных значимыми, но невидимыми сигналами) постоянно напоминало о себе⁴. Убийца появляется в сюжете – еще перед началом фильма – как смутное предощущение во тьме, потом – как персонаж детской считалки, затем

4 Кадр обрезан по краям: вывеска слева от зрителя и рекламный плакат справа «вываливаются» за пределы, доступные взгляду, создавая эффект «недопроявленного текста». Металлическая лестница уходит вверх и вправо: она явно ведет к какой-то невидимой двери, намекает на ее присутствие, но теряется за углом здания и пестрой мешаниной воздушных шариков. Шарика же закрывают вывеску заведения, у дверей которого (также невидимых) стоит лоточник, оставляя от нее только кафкианскую букву «К». Девочка смотрит на полдюжины надувных инопланетян, которые, в отличие от продавца, смотрят одновременно во все стороны – то есть в те самые закрытые зоны, куда зрительскому взгляду доступ запрещен.

в буквальном смысле слова прорывается в кадр, возникнув из текста о себе самом – тенью на афише. Набранное крупным готическим шрифтом слово «Mörder» впечатано в его фигуру заблаговременно – задолго до того, как случайный мелкий жулик пометит его, опознанного по свисту, меловой литерой «М». Теперь же маньяк предъявляет зрителю ключевой лейтмотив, по-прежнему оставаясь безликим, – и мягко сопровождает девочку в то внешнее пространство, куда ведут бесконечные ланговские лестницы, пролеты, подворотни, двери и коридоры.

Мы возвращаемся в квартиру прачки. Звенит дверной звонок, она с прежней радостной улыбкой, на ходу вытирая руки, идет встречать дочь. Но за дверью оказывается некий герр Герке, торгующий вразнос сенсационными памфлетами: не проявленная в кадре внешняя действительность в очередной раз обозначает свое гигантское безразличное присутствие в каждом городском сюжете⁵. С купленными брошюрками в руках (одна из которых наверняка посвящена серийным убийствам, взбудоражившим весь город), она собирается было закрыть за визитером дверь, но уже сформированный в зрительском воображении сюжет рвется наружу и требует от персонажа хоть какого-то действия, обозначающего попытку заглянуть в скрытые от нас зоны диететической реальности. А посему мать выходит на лестничную площадку и заглядывает в проем. «Родченковский», предельно геометризированный кадр уходящих вниз ступеней держится на экране долгие шесть секунд: в полной тишине, которая под конец сменяется криком «Эльзи!». Действие снова затормаживается; мать медленно возвращается в квартиру, запирает дверь, смотрит на часы, и тут сквозь закрытое окно внешняя действительность еще раз напоминает о своем существовании приглушенным криком разносчика «Покупайте шторы, бумагу, вино и пиво!». Мать подходит к окну и кричит в ответ пустоте «Эльзи!», еще раз подтверждая смысловую несовместимость маленького личного сюжета и большой городской реальности.

Далее Фриц Ланг повышает общую тональность саспенса до предельных величин, полностью отказываясь имитировать связанное действие и переходя на сугубо монтажную методику

5 Элемент саспенса, который впоследствии разойдется на цитаты, – как и многое другое из найденного Фрицем Лангом в «М». Так, в позднеоттепельном фильме Киры Муратовой «Короткие встречи» (1967) две женщины, которые в полутемной квартире ждут одного и того же мужчину – одна в свежевystроенной модной прическе, другая с бутылкой шампанского – застывают в кадре, оценивая друг друга, и тут же, услышав звонок, кидаются к двери. Но за дверью оказывается незнакомый человек в клетчатой кепке, небрежно привалившийся к косяку, с блокнотом и карандашом в руках, который задает совершенно контринтуитивный вопрос: «Мыши-крысы есть?» – «Что?» – переспрашивает героиня, будучи не в состоянии вынырнуть из той проективной реальности, ради которой открывала дверь. «Мыши, крысы – есть?» – акцентированно повторяет клетчатая кепка и, услышав растерянное «Не-ет...», привычным жестом выписывает, отрывает и протягивает какой-то квиток.

работы со зрительским воображением. Крик матери повторяется несколько раз, набирая все более панические обертона, и совмещается с последовательностью неподвижных кадров, каждый из которых являет собой метафору пустоты, значимого отсутствия. «Эльзи!» / лестничный проем; «Эльзи!» / обширное чердачное пространство с редко развешенным бельем, не оставляющим сомнения в том, что и здесь нет ни единой живой души; «Эльзи!» / стоящая на столе суповая тарелка с аккуратно положенными справа и слева ложкой и салфеткой в дешевой кольце из прессштофа.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ДИВЕРСИФИКАЦИЯ
ПАРАНОЙИ...

Кадр с тарелкой задает структуру последующей серии сцен, построенной на одних и тех же композиционных принципах и на одном и том же замедленно-неуверенном ритме. Тарелка обозначает смысловой центр натюрморта с открытой композицией, чуть смещенный по отношению к центру геометрическому – в левый от зрителя нижний квадрант. Следующий кадр дает нам уже знакомый мячик, который медленно выкатывается из кустов справа, пересекает центральную ось и, зыбко покачиваясь, постепенно замирает в той же позиции, в которой зрительский глаз зафиксировал тарелку и которая требует заполнения округлой формой. Затем мы видим шарик в виде человечка, тоже вполне узнаваемый, который судорожно трепещет, застряв в проводах рядом с задающим центральную ось изображения телеграфным столбом. Нужно ли особо оговаривать тот факт, что позиция у шарика – ровно та же, что у тарелки и мячика: чуть смещенная от центра вниз и влево. Постепенно шарик отрывается и улетает за пределы кадра влево, в сторону, противоположную той, откуда выкатился мяч. Кадры выровнены в строгом ритме: каждый длится ровно шесть секунд. Они сменяют друг друга в полной тишине, в которой отсутствуют даже фоновые звуки. Режиссер выстраивает на экране динамизированный *nature morte* в исходном смысле этого слова, принципиально исходящем из идеи смерти.

2. «М»: СТРУКТУРА И ПАРАНОЙЯ

Итак, перед нами трехчастная динамическая абстрактная композиция, предметное наполнение которой всего лишь оформляет внешнее визуальное впечатление и отвлекает внимание от внутренней структуры, основанной, с большой долей вероятности, на принципах, почерпнутых у таких теоретиков Баухауса, как Пауль Клее и Василий Кандинский⁶. Сколько-нибудь

⁶ О влиянии идей Баухауса на Фрица Ланга см., к примеру: KENTGENS-CRAIG M. *The Bauhaus and America: First Contacts, 1919–1936*. Cambridge: MIT Press, 2001. P. 43–44. Тот же Кандинский в опубликованной в 1926 году теоретической работе «Точка и линия на плоскости», совершенно эзотеричной как по общему

подробный иконологический ее анализ не входит в задачи этой статьи⁷ – но здесь имеет смысл обозначить общую эстетическую рамку, по природе своей сугубо авангардную, восходящую к представлению о функциональной природе искусства, которое не отражает видимую действительность, но формирует ее в восприятии зрителя. Деконструктивистская установка на снятие культурных напластований и конструктивистская – на поиск универсального языка, способного пробиться к «заводским настройкам», определяющим человеческое восприятие, – были для авангарда общими и позволяли позиционировать искусство в качестве идеального механизма управления как индивидуальным, так и групповым поведением⁸.

Художники, как правило, воспринимали эту задачу более или менее буквально, и история абстрактного искусства полна застывших двух- и трехмерных высказываний, претендующих на непосредственную и радикальную перенастройку зрительских визуальных и когнитивных установок. Фриц Ланг использовал авангардный инструментарий менее радикально, но куда более гибко и прагматично, формируя с его помощью *структуру* визуального ряда, который при этом был насыщен привычными, легко опознаваемыми фигуративными и звуковыми элементами⁹. Зритель получал необходимый набор установок – но контрабандой, не утрачивая при этом доверия к предъявленной ему экранной реальности как к чему-то предельно знакомому, практически неотличимому от той реальности, что ждала его за стенами кинотеатра сразу по окончании сеанса¹⁰. Вот тут-то и вступало в действие ланговское *know how*. Ибо, вместо того, чтобы создавать на экране реальность, достовер-

мировоззренческому послы, так и по чудовищной путаности изложения, настойчиво нагромождает системы бинарных оппозиций, привязывая их к геометрическим формам и к базовым измерениям двумерного изобразительного поля. См.: KANDINSKY W. *Punkt und Linie zu Fläche: Beitrag zur Analyse der malerischen Elemente*. München: Verlag A. Langen, 1926 (рус. перев.: КАНДИНСКИЙ В. *Точка и линия на плоскости*. СПб.: Азбука-классика, 2005). А параллельно (с 1923-го по 1929 год) пишет десяток полотен, исследующих природу и функции круга как формы, «самой строгой, но неисчерпаемой, [...] которая яснее всего указывает путь к четвертому измерению» (в письме к Вилли Громану от 12 октября 1930 года, см.: GRONMANN W. *Wassily Kandinsky: Life and Work*. New York: Harry N. Abrams, 1958. P. 188).

- 7 Более подробный разговор на эту тему – в расширенной версии настоящей статьи, которая планируется к публикации в сборнике «Зло как благо. Интерпретация культурных кодов 2025» (Саратов, 2025).
- 8 А в особо амбициозных эго-проектах (впрочем, не единичных и даже не редких) – и в механизм управления космосом.
- 9 На уровне простейших, неререфлексивно опознаваемых сигналов, касающихся фактуры предмета и пространства, телесных техник, способов видения и так далее.
- 10 Этот эстетический принцип Ланг нащупал не сразу: в «М» он впервые и задействует его в полную силу. В фильмах 1920-х баланс между достоверностью ланговского диететического пространства и предельно обобщенными смысловыми сообщениями выстраивается совершенно иначе – с явным перекосом в пользу последних. Недаром Альфред Дёблин, заимствовавший для своего романа «Берлин Александерплац» (1929) целый ряд находок из «Метрополиса» (1927), счел необходимым уравновесить ланговские аллегорические фигуры плотным материальным рядом – как изобразительным, так и речевым, – построенным на запредельной, на грани футуристического коллажа, разностильности и многоголосице. В свою очередь Ланг явно был знаком с «Берлином...» – судя по тому, как он скорректировал язык своего первого *звукового* фильма.

ную и предсказуемую, то есть, собственно, выполнить одну из тех ключевых задач, которые в любом человеческом обществе стоят перед искусством, он создал реальность достоверную и параноидальную.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ДИВЕРСИФИКАЦИЯ
ПАРАНОЙИ...

С когнитивно-антропологической точки зрения искусство нравится нам прежде всего потому, что делает нам предложение, от которого трудно отказаться. Оно предлагает *управляемую реальность*, сопоставимую с нашим актуальным опытом, но радикально от него отличающуюся по одному ключевому параметру: оно играет по правилам. Искусство паразитирует на одном из ключевых свойств нашей психики, категорически необходимом для того, чтобы сохранять иллюзию контроля в потоке информации, радикально превышающем возможности наших памяти и внимания: на привычке к ситуативности восприятия, к необходимости «ставить рамку», внутрь которой попадает информация, считаемая нами релевантной. Вся прочая информация попросту не замечается, оставаясь – на всякий случай – в поле «периферийного зрения», позволяющего отслеживать совсем уже выбивающиеся сигналы, которые могут свидетельствовать о том, что мы не учли какую-то системно значимую информацию и рамку нужно менять. Но само это обстоятельство – необходимость постоянно отслеживать информацию, которая не признана нами ситуативно значимой, но потенциально таит в себе угрозу – подрывает иллюзию контроля, угрожая как минимум нашему психологическому благополучию, а как максимум – нашей идентичности и психическому здоровью. Искусство же манит нас фантомом контроля непоколебимого – в пространстве, в обстоятельствах и во времени. Количество значимых элементов здесь неизбежно является конечным, законы жанра диктуют модус восприятия, а через полчаса мы увидим финальные титры.

Именно по этой причине искусство несет на себе отсвет божественного. Идея бога «впечатана» в наше сознание все той же невротической одержимостью неполнотой контроля. Если ситуативные рамки, которые мы в состоянии удерживать, не вмещают всей потенциально значимой информации, то одна из наиболее логичных стратегий коррекции подобного положения вещей как раз и заключается в изобретении всеобъемлющих внешних инстанций, способных если не контролировать все неуценное нами, то во всяком случае выстраивать несравнимо более широкие когнитивные рамки¹¹. Общение с искусством «утешает» – как и общение с богом.

11 И одновременно персонифицировать эти инстанции (чтобы с ними можно было договариваться), предположить в них интерес к людям вообще и к себе лично – и определить способы связи с ними и воздействия на них. См. подробнее: Михайлин В. *Зато джинсы целы: игры с ближайшим будущим и позднесоветский прогностический анекдот* // Неприкосновенный запас. 2021. № 5(139). С. 275–300.

В «М» Фриц Ланг проблематизирует именно эту функцию искусства, делая это прежде всего за счет сочетания двух одновременно и постоянно действующих механизмов. С одной стороны, он раз за разом переадресует зрителя к закадровой реальности, незримой, но постоянно напоминающей о себе¹². С другой – размещает именно в этой, призрачной, реальности, о которой зритель может только догадываться, все то, чего зритель больше всего боится, а потому сильнее всего хочет увидеть. В фильме, главным действующим лицом которого является маньяк-детоубийца, зрителю не показывают ни одного трупа и ни единой сцены, так или иначе связанной с непосредственной попыткой убийства. Более того, все видимые акты насилия здесь совершает не протагонист, а те, кто боится его либо пытается поймать: прохожие на улице, полицейские и члены подпольного криминального синдиката, который – параллельно полиции – объявляет собственную охоту на маньяка.

Искусство нравится нам прежде всего потому, что предлагает управляемую реальность, сопоставимую с нашим актуальным опытом, но радикально от него отличающуюся по одному ключевому параметру: оно играет по правилам.

Сразу после натюрморта с динамическим кругом зритель становится свидетелем – и участником – процесса зарождения массовой паранойи, причем особый акцент делается на медийных механизмах, сопровождающих и провоцирующих этот процесс в современной городской среде. На пустой улице, изобилующей темными проемами подворотен и открытыми дверями, которые ведут в недоступные для нашего взгляда закадровые пространства¹³, вдруг начинают появляться люди: они выходят из домов и автомобилей (которые на первый взгляд казались пустыми), входят в кадр извне. Движение поначалу кажется размеренным и спокойным, но из-за пределов видимости доносится крик «Срочный выпуск!» – и в поле нашего зрения появляются разносчики, один за другим, которые на бегу продают газеты прохожим. Динамическая заряженность

- 12** За счет авангардной структуры кадра и подчеркнутой проницаемости его внешней рамки, сквозь которую постоянно дают о себе знать невидимые или частично видимые предметы, тени от них, звуки, затемненные или закрытые пространства и так далее.
- 13** В кадре работает и вполне авангардный – если вспомнить о том, как футуристы или кубисты оперировали в изобразительном поле элементами текста, – интрадигетический текстовый комментарий. Единственная на весь кадр, а потому неизбежно привлекающая к себе зрительское внимание магазинная вывеска с крупно выведенной и легко читаемой надписью «Gelegenheitskaufe» («Случайные покупки») дает дополнительный акцент на спонтанности происходящего.

пространства резко возрастает, улица вскипает на глазах, и в следующем кадре, снятом в куда более нервующем ракурсе, газетчик становится центром суевающейся толпы, а зритель ловит обрывки случайных реплик, которые мигом переводят общую возбужденность в режим индивидуального страха.

Монтажная врезка дает нам очередной безликий портрет убийцы, который пишет письмо в газету, – он снят со спины и насвистывает свою ключевую тему в невротически синкопированном ритме. Затем следует целая череда сцен, показывающих, как именно реагируют клетки социального тела на сенсационную городскую легенду, поданную через усиливающий медийный канал¹⁴. Зритель, с одной стороны, уравнивается в правах с диегетическими персонажами, поскольку *persona* (маска/личина/личность) убийцы остается для него нераскрытой. А с другой – обладает неким ущербным полужнанием о маньяке (фигура, телесность, мелодия), которое не снимает беспокойства, но, напротив, обостряет его за счет мерцающего ощущения опасности.

Толпа собирается у наклеенной на стену афиши с информацией об очередной, девятой по счету, жертве и обещанием награды. Шрифт мелкий, разобрать его могут не все, кто-то начинает читать вслух – и снова обрывки информации начинают прирастать эмоциями и интерпретациями, разбегаясь по частным репликам. Тот же текст зачитывается¹⁵ за столом, типичным немецким *Stammtisch* для компании завсегдатаев, и провоцирует конфликт, когда один из приятелей прямо обвиняет другого в том, что тот и есть убийца – драку едва удастся предотвратить. Полицейский произносит при обыске в частной квартире фразу «Убийцей может оказаться каждый», – и эта произнесенная как бы между делом формула тут же иллюстрируется сценой на улице. Девочка спрашивает у совершенно безобидного пожилого прохожего¹⁶, сколько сейчас времени; тот в ответ рекомендует ей идти домой и вежливо интересуется, далеко ли она живет. Вопрос слышит огромного роста пролетарий, которому на разговаривающего с ребенком мужчину уже указали две досужие женщины. Вокруг пойманного «убийцы» мигом собирается толпа, и сцена останавливается на пороге насилия, уже группового. Которое все-таки происходит в следующем кадре, где за убийцу принимают пой-

14 См.: ZAPPE F. *In the Shadow of the "Indeterminate Speech-Act": The Populist Politics of Rumor in Fritz Lang's Early Sound Films* // *European Journal of American Studies*. 2020. Vol. 15. № 4 (<https://journals.openedition.org/ejas/16356>).

15 Голос чтеца при этом не меняется, объединяя две сцены поверх монтажной склейки – еще одно ланговское *know how*, превратившееся уже через несколько лет в хрестоматийный кинематографический прием под названием «косая склейка».

16 Остановившегося почитать газету у того же самого столба, возле которого стоял подозрительный незнакомец с газетой.

манного полицейским в автобусе карманника: полицейского оттесняют в сторону, а преступник становится жертвой толпы мирных граждан.

3. «М»: УНАНИМИЗМ И ПСИХОДРАМА

Эта череда сцен следует в русле эстетики, уже не столько экспрессионистской, сколько унанимистской. В вышедшей еще в 1923 году книге Жюлья Ромэна «Белое вино Ла Виллет» есть рассказ под названием «Линч на улице Родье», где описывается аналогичный механизм спонтанной самоорганизации социального тела в ответ на вторжение зла, угрожающего подорвать привычное течение жизни. Двое апашей, терроризирующих среди белого дня сонную улочку на севере Парижа, внезапно перейдя какую-то ни для кого невидимую и непонятную черту, вызывают к жизни тектонический импульс, который в мгновение ока превращает мирных и запуганных ими обывателей в разъяренную толпу и в буквальном смысле слова стирает их с лица земли. Предметом интереса для Жюлья Ромэна – как и для Фрица Ланга – является не столько сам человек толпы¹⁷, сколько та внешняя, невидимая, неосязаемая и безликая сила, которая моментально и радикально видоизменяет человеческую природу¹⁸. Унанимизм – это не просто модернистская попытка разобраться в элементарных моделях человеческой психики, но скорее попытка пробиться, минуя индивидуальность «заводские настройки», к тем инстанциям (средам, сущностям или персонифицированным инстанциям), которые контролируют большие ситуативные рамки и способны включать человека в сюжеты, превосходящие его понимание, – вне зависимости от его воли.

Здесь самое время вспомнить, что Петер Лорре (настоящее имя – Ласло Лёвенштайн) – исполнитель главной роли в «М» – не только проходил в начале 1920-х системную театральную и мировоззренческую выучку у Якоба Леви Морено, но и получил от него сценический псевдоним, под которым в дальнейшем стал известен сперва на немецкой театральной и кинематографической сцене, а потом, после переезда в США, и на мировой. И о том, что лицо убийцы мы впервые видим в контексте психодраматического этюда. Персонаж Петера Лорре стоит перед зер-

17 «Толпа делает из нас, что хочет. Человек в толпе как бы вновь рождается, и появляющееся тогда существо никому не ведомо» (Ромэн Ж. *Белое вино ла Виллет. Собрание сочинений: В 4 т.* М.: Терра, 1994. Т. 1. С. 253).

18 «Поравнявшись с писчебумажным магазином, я вдруг сотрясаюсь как от электрического удара. Никто даже не прикоснулся ко мне, никто не закричал; но меня всего сотрясло, как если бы на меня свалился трамвайный провод. [...] Улица вдруг набросилась на обоих апашей, как [...] ну, как я сжал бы вдруг руками горло цыпленка» (Там же. С. 261).

калом и последовательно демонстрирует зрителю две природы, сменяющие друг друга у рычагов контроля над его психикой: маску вялого инфантильного нарцисса сменяет маска безумного демона. Причем переход от одной эссенциальной сущности к другой осуществляется через прямое физиологически привязанное действие. Герой лениво любит собственным отражением, но вдруг при очередной крохотной смене ракурса уголок его рта начинает ползти вбок. Взгляд едва заметно меняется, он явно присматривается к какому-то ему одному знакомому сигналу, потом поднимает пальцы обеих рук и оттягивает углы рта вниз, превращая лицо в копию древнегреческой трагической маски. Лениво опущенные веки поднимаются, глаза выкатываются, и через секунду зритель уже видит перед собой существо, совершенно хтоническое (илл. 1, 2).

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ДИВЕРСИФИКАЦИЯ
ПАРАНОЙИ...

Мореновскую психодраму и социометрию современная (практико-ориентированная) психология видит прежде всего как набор методик, которые позволяют облегчить решение проблем, связанных с индивидуальной травмой, а также проблем индивидуального и группового взаимодействия. Между тем и психодрама, и социометрия исходно являются элементами куда более амбициозной, цельной, хотя и сформулированной в весьма расплывчатых терминах системы, по природе своей весьма близкой ко взглядам таких мистически ориентированных мыслителей первой половины – середины XX века, как Карл Густав Юнг, Рудольф Штайнер и Георг Гроддек. В основе концепции Морено лежит постулирование над-персональной природы психического: Фрейда и следующую за ним традицию психоанализа он считал реликтами позитивистской, биологизаторской, индивидуалистически-ориентированной научной парадигмы XIX века, неспособной отказаться от концепции индивидуального человеческого существа как смысла и цели бытия – и как единственного доказанного и проверяемого субъек-

*Илл. 1. «М» (1931).
Первый портрет
убийцы.*

*Илл. 2. «М» (1931).
Трагическая маска
безумия.*

та сознания¹⁹. По Морено, индивидуальная психика реальна, но не менее реальна и куда более широкая, незримая и всеобъемлющая психическая субстанция, именуемая «спонтанностью» (*Spontaneität*): спонтанность существует много дольше, чем человеческая память или человеческое либидо, она обладает собственной интенциональностью и способна воздействовать как на индивидуальное, так и на групповое человеческое поведение. Она не добра и не зла, взаимодействие с ней может обернуться для человека серьезными проблемами, поскольку системное подавление порывов, связанных с обращением к спонтанности, ведет к возникновению невроза, самозабвенное же повиновение исходящим от нее импульсам – к творчеству и/или к психическому расстройству.

Спонтанность существует много дольше, чем человеческая память или человеческое либидо, она способна воздействовать как на индивидуальное, так и на групповое человеческое поведение. Она не добра и не зла, взаимодействие с ней может обернуться для человека серьезными проблемами.

Так, этюд, который Петер Лорре разыгрывает в сцене отзеркаливания двойственной природы своего персонажа, четко строится на переходе границ между неврозом и психозом – и на той роли, которую играют в этом переходе внешняя спонтанность и собственная работа с маской. Лорре продемонстрирует эту технику как минимум еще один раз. Зеркало заменит уличная витрина, в которой он увидит – в ожерелье из выставленных там складных ножей – очередную потенциальную жертву. Безобидный фрик, улыбочиво жующий губами и разглядывающий безделушки, превратится в машину для убийства через простой жест: оттягивание уголка рта вниз (илл. 3). И зритель поймет, что смена ролей произошла не только по резкой перемене в телесных техниках персонажа, но и по тому,

19 Ср.: «Причиной того сопротивления, которое вызвала моя попытка разрушить сакральную целостность индивида, является предубеждение в том, что чувства, эмоции и мысли не могут существовать иначе, как в рамках некой структуры, вместе с которой они рождаются и исчезают. [...] Но эти чувства, эмоции и идеи “покидают” человеческий организм – и куда же они деваются? Изучение групп показало, что они находят себе продолжение в межличностных и межгрупповых отношениях других индивидов, отправляются в странствие по человеческим сетям – попадая или не попадая в поле нашего зрения, но, с завидной долей вероятности, независимо от нашей воли» (MORENO J.L. *Sociometry and Cultural Order*. New York: Beacon House, 1943. P. 320). Свои самые известные работы Якоб Морено опубликовал уже в эмиграции, по-английски – и много позже, чем сформировалась его система взглядов, оказавшая влияние на немецкоязычную театральную и кинематографическую среду 1920–1930-х. Впрочем, ключевые положения были представлены уже в вышедшей на немецком книге «Театр спонтанности» (Idem. *Das Stegreiftheater*. Potsdam: G. Kiepenheuer, 1924).

что, выходя из кадра, он «включит» «Пещеру горного короля». Незримая рука спонтанности раскрыла нож, высвободив скрытое под перламутровой накладкой стальное лезвие – отменив многослойность объекта и сообщив ему цель.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ДИВЕРСИФИКАЦИЯ
ПАРАНОЙИ...

Илл. 3. «М» (1931).
Витрина.

Только спонтанность способна придать отношениям между людьми истинный смысл. Лишенные спонтанности отношения строятся либо на переносе, при котором человек просто овеществляет другого, превращая его в марионетку в собственной пьесе, либо на эмпатии, которая предполагает столь же одностороннюю попытку подладиться под другого. Спонтанность же дарует людям то, что Морено называет *теле*: полноценное взаимоприсутствие и взаимопроникновение, способность одновременно испытывать одни и те же чувства, обмениваться информацией на расстоянии без опосредующих носителей – и так далее. *Теле* «на двоих» именуется любовью, и это только первая ступень посвящения. На более высокой ступени стоит *теле* микрогрупповое: как раз здесь, как правило, останавливается практическая психология, стараясь не вспоминать о том, что за этим у Морено следуют *теле* больших социальных тел (институции, города, нации), а венчает все *теле* всего человечества²⁰. Как это часто бывает с теоретизированием

20 Ср.: «Социальный атом составлен, таким образом, из разнородных теле-структур; в свою очередь социальные атомы являются частью систем более высокого порядка, социометрических сетей, которые связывают или разобщают большие группы индивидов в зависимости от их теле-отношений. Социометрические сети включены в еще более масштабное единство, в социометрическую географию сообщества. А сообщество есть часть всеобъемлющей конфигурации – человечества как такового» (ИДЕМ. *Who Shall Survive? Foundations of Sociometry, Group Psychotherapy and Sociodrama*. New York: Beacon House, 1953. P. 36).

авангардно-мистического толка, для истории исследователи, а тем более последователи просеивают наследие Морено через нонконформистские и гуманистические сита, старательно оставляя за кадром собственно авангард и собственно мистику, а вместе с ними – и тоталитарный потенциал.

Впрочем, к Фрицу Лангу это не относится ни в малейшей мере: его интересовала именно синергия большого социального тела. Недаром исходный вариант сценария назывался «Город ищет убийцу». В полном соответствии с законами древнегреческой трагедии протагонист становится фигурантом сюжета, много большего, нежели он в состоянии себе представить. Смена масок, которая определяет его внутренний сценарий²¹; сдвоенная детективная фабула, в которой убийцу пытаются найти как полиция, так и преступники, которых ищет полиция; последовательность саспенсов, формирующая атмосферу триллера; техника лейтмотива, которая сообщает зрителю роскошное чувство собственной компетентности, превосходящей компетентность любого персонажа; изысканный монтаж, который, наоборот, поддерживает в зрителе чувство удивления от увиденного и не позволяет отвлечься ни на секунду – вся эта роскошь работает на ту же самую задачу, что и вещный мир, который заполняет структуру конструктивистского кадра. Отвлекает внимание от ключевой системы сигналов, организующей зрительские проективные реальности.

Ибо главный сюжет этого фильма строится вокруг *теле*, формирующегося на уровне четырехмиллионного мегаполиса. А протагонист выполняет ту же роль, что и одноименный фигурант мореновской психодраматической группы: ставит всех остальных участников процесса лицом к лицу с собственной травмой, заставляет их проигрывать варианты собственного сюжета и – вызывает к жизни *теле*, которое превратит их всех – полицейских, преступников, чиновников, попрошаек, случайных прохожих, родственников убитых детей – в единое социальное тело. Девять убитых детей (и едва предотвращенное убийство десятого) здесь – кровавая жертва, необходимая, чтобы актуализировать переживание сакрального. Всеобщая паранойя – травматический (и тоже чреватый жертвами) механизм

21 Собственно, как и сама по себе работа с глубинной психологией протагониста, совершенно не характерная для прежних фильмов Ланга с их сугубо типажными персонажами. Появление Петера Лорре, прошедшего не только психодраматическую школу у Морено, но и школу «очуждения» у Бертольта Брехта, могло оказать на формирование как замысла «М», так и позднейшей звуковой эстетики Ланга куда большее влияние, чем обычно принято считать. Не случайно Патрик Макгиллиган назвал «М» «первым фильмом, в котором Ланг начал проявлять любопытство по отношению к психологии простых человеческих существ» (MCGILLIGAN P. *Fritz Lang: The Nature of the Beast*. London: Faber and Faber, 1997. P. 221). Кстати, он же обратил внимание и на то обстоятельство, что персонаж Петера Лорре – единственный по-настоящему живой герой картины, способный вызвать сопереживание со стороны зрителя в значительно большей степени, чем его жертвы и преследователи. Во всем фильме только он испытывает сильные эмоции, рассчитанные на зрительскую эмпатию: мучается, сомневается, боится (Ibid. P. 148, 155).

консолидации. А сам преступник, в конечном счете, обречен стать местом мореновской же встречи: обретения *теле*²².

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ДИВЕРСИФИКАЦИЯ
ПАРАНОЙИ...

4. ПОСЛЕ «М»: УПРАВЛЯЕМАЯ КИНОПАРАНОЙЯ ПО-ГОЛЛИВУДСКИ

«М» не случайно был признан лучшим немецким фильмом всех времен²³: степень его воздействия на последующую кинотрадицию переоценить практически невозможно. Ланг сумел осуществить авангардистскую мечту о возможности организации зрительского восприятия способами и средствами, не попадающими в область не то что осознанной рефлексии со стороны зрителя, но даже его элементарного внимания. И сделал это в коммерческой звуковой картине, ни на йоту не поступившись революционным авангардным инструментарием, – он просто нашел максимально эффективный способ использовать этот инструментарий, введя его в резонанс с возможностями новой кинематографической фактуры: скажем, начал использовать звук как элемент внутрикадрового монтажа. По большому счету, в этой картине Лангу впервые в полной мере удалось сделать то, над чем он работал, начиная еще с «Доктора Мабузе» (1922): найти киноязык, который дал ему возможность выйти за пределы индивидуально мотивированной истории и заставить зрителя постоянно ощущать за ней городской миф – магическое пространство, наделенное собственной интенциональностью и обладающее властью не только над диегетической реальностью персонажей, но и над той реальностью, в которую вернется зритель по окончании сеанса.

Профессиональные кинематографисты, попавшие в ситуацию глобальной «смены вех» и вынужденные проводить тотальную ревизию всего наработанного со времен появления кино багажа, напряженно отслеживали любые инновации и никак не могли пройти мимо той роскоши, которую Ланг предложил в своем первом звуковом фильме. Возможность совместить стены кинозала с рамкой кинокадра, превратить ситуацию просмотра в особое пространство, в котором человек не просто переключается с реальности актуальной на воображаемую, но в место встречи и смешения двух (и более) реальностей, как раз и была тем самым предложением, от которого почти невозможно было отказаться²⁴.

22 «[Конфликт] превращает одиночек, населяющих дом, в сообщество» (MORENO J.L. *The Theatre of Spontaneity*. New York: Beacon House, 1947. P. 90).

23 По результатам опроса экспертного сообщества, который осуществила германская Ассоциация фильмотек (Kinemathekverbund) и итоги которого были подведены осенью 1994 года: *The 100 Most Important German Films // Journal of Film Preservation*. 1997. № 54. P. 41–43.

24 Что в конечном счете вынуждены были признать даже такие упрямые поборники «чистой грезы», как Чарли Чаплин.

Понятно, что в коммерческом (американском, британском, французском) и в тоталитарном (советском, немецком, итальянском) кинематографах прагматика этого *know how* воспринималась по-разному – во всем возможном спектре вариантов. Впрочем, пойдем по порядку.

Городской миф – магическое пространство, наделенное собственной интенциональностью и обладающее властью не только над диегетической реальностью персонажей, но и над той реальностью, в которую вернется зритель по окончании сеанса.

Перебравшись в 1935 году в США, подальше от Гитлера, Франц Ланг начал свою американскую кинокарьеру с фильма «Ярость» (1936), в котором попытался применить многие из находок, сделанных при работе над «М», к американской фактуре. Фильм представляет собой анатомическую реконструкцию механизмов, запускающих волю большого социального тела, которая находит себе выражение в суде Линча: толпа, состоящая из мирных обывателей скромного городка, сжигает местную тюрьму вместе с запертым в ней невинным человеком, которого назначает похитителем детей. Последовательность сцен, раскручивающих параноидальную вспышку насилия, выглядит куда более демонстративной, чем в немецком прототипе: американский зритель не привык к экспрессионистскому киноязыку, так что монтаж пришлось сделать менее экономным и скрасить изрядной долей нарративности. Кроме того, в ходе съемок у Ланга возник конфликт с руководством студии «Metro-Goldwyn-Mayer», связанный не в последнюю очередь с требованиями, обусловленными «кодексом Хейса»²⁵. И для того, чтобы хоть как-то простроить мостики между внешним и внутренним сюжетами картины, Ланг ввел несколько монологов. В одном из них парикмахер, совершенно эпизодический персонаж, введенный в сценарий, по большому счету, исключительно ради одной короткой сцены, впадает в прострацию и произносит следующий текст – стоя при этом с опасной бритвой в руках над клиентом:

25 Режиссеру не позволили сделать тот финал, который он считал необходимым. Да и вообще степень стороннего, как казалось европейцу Лангу, вмешательства в процесс работы была для него запредельной, шокирующей и приводила не только к постоянным скандалам, но и к системному искажению исходного замысла. В итоге фильм не понравился ни режиссеру, ни владельцу студии – несмотря на очевидный кассовый успех и на восторженные отзывы критики. «Кодекс Хейса» (кодекс Американской ассоциации кинокомпаний) – список моральных регуляторов кинопроизводства, принятый в 1930 году, а к 1934-му ставший неофициальным сводом «этических» цензурных правил в США.

«Вот что я вам скажу. У людей бывают странные импульсы. Если ты в состоянии им сопротивляться, безумие тебе не грозит, [...] если нет, тебе прямая дорога в тюрьму или в психушку. За счет налогоплательщиков. Мистер Йоргансон, вы – одна из самых светлых голов нашей страны. Вы можете поверить, что за те двадцать лет, которые я провел, вода лезвием бритвы... по горлу клиента, вот эдак... меня много раз посещал импульс... вскрыть это горло от уха до уха? Вот эдак вот. Н-да»²⁶ (илл. 4).

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ДИВЕРСИФИКАЦИЯ
ПАРАНОИИ...

Илл. 4. «Ярость» (1936). Парикмахер со странными импульсами.

Последняя, скомканная часть его речи оправдана тем, что, вернувшись в посюстороннюю реальность, в которой парикмахерам не свойственна излишняя спонтанность, он обнаруживает, что впечатленный его перформансом клиент уже успел исчезнуть. Итак, сцена завершается эпизодом, откровенно комическим, на грани балагана; Ланг очередной раз обнаруживает скрытый, основной сюжет картины, чтобы тут же вернуть внимание зрителя (и цензуры) к перипетиям сюжета внешнего. Главный герой картины в буквальном смысле перерождается в пламени, чудом выжив при пожаре и превратившись в демоническую фигуру, одержимую идеей мести. Во внешнем персонализированном сюжете он представляет собой сугубо романтическую фигуру, легко вписывающуюся в ряд байронических мстителей, во внутреннем же, где правят бал не скованные рамками отдельных душ и тел психофизические стихии, он – квинтэссенция той паранойи, которая охватила толпу в день пожара, отлилась в единый импульс и подменила собой его прежнее «я». Этот сюжет не должен был – и не мог, – по мысли Ланга, закончиться финальным примирением и традиционным

26 Более наглядной отсылки к мореновским представлениям о спонтанности можно и не придумывать. Цит. по: СОРМАСК В., ЛАНГ F. *Fury* (www.scripts.com/script-pdf/8708/) (здесь и далее перевод мой. – В.М.).

поцелуем в диафрагму. Да и сама месть должна была стать не темой для нравоучительной притчи о недопустимости самосуда в правовом государстве, а всего лишь симптомом чего-то большего – замочной скважиной, сквозь которую можно бросить взгляд на управляющие миром надчеловеческие сущности. Собственно, успех картины как у зрителя, так и у критиков во многом объясняется тем обстоятельством, что Лангу все-таки удалось найти ходы, необходимые для того, чтобы спонтанность постоянно фонила сквозь вынужденно лакированную поверхность – даже на уровне прямо высказанного с экрана сценарного текста. Так, в одной из финальных сцен героиня, непоколебимая носительница моральной нормы и американских ценностей, вдруг проявляет неожиданно тонкое, в духе Жюль Ромэна понимание законов социального бытия и говорит о толпе линчевателей: «Они не убийцы. Они часть толпы. А толпа не думает. На это у нее просто нет времени»²⁷.

Понимание того, как функционируют внутренние сюжеты в фильмах Фрица Ланга 1930-х, помогает разобраться с вопросом о том, почему они устойчиво числятся среди первоисточников американского нуара 1940-х – начала 1950-х²⁸; а также, по большому счету, разобраться и с самой природой этого жанра. Дело не только в том, что уже в «М» действие по большей части происходит ночью, в темном и похожем на бесконечный лабиринт городе; что детективная интрига тяготеет к точке зрения преступника, а не следователя; что следователь перестает быть джентльменом и становится неопрятен, не вполне трезв и не склонен к излишне строгому соблюдению законности; что уже в следующем за «Яростью» фильме «Жизнь дается один раз» (1937) действие строится вокруг преступной пары в бегах – и так далее. Все это – внешние приметы жанра, и к его сути они имеют почти такое же отношение, как тарелка, мячик и шарик к структуре кадра в начале «М».

Природа жанра в другом. В том неотразимом обаянии, которым обладает скрытая за внешним сюжетом история о персонаже, попавшем – не по собственному выбору и независимо от собственной воли – в отношения *теле* с большим телом города. Зрителю, который начинает смотреть «М», кажется, что он увлечен детективной интригой и психологией человеческих отношений – но ему это только кажется, поскольку он с самого начала знает, кто преступник. Он знает, что девочку скоро убьют, но продолжает с интересом следить за саспенсом. Он знает, что убийца прячется на чердаке и что его, пусть не

27 Там же.

28 Начиная с классической книги Раймона Борда и Этьена Шометона 1955 года, в которой, собственно, и был предложен этот термин: BORDE R., ШОМЕТОН Е. *Panorama du film noir Américain 1941–1953*. Paris: Les Editions de Minuit, 1955.

сразу, но обязательно найдут – и продолжает следить за саспенсом. Поскольку на самом деле он увлечен совсем другой историей, которую ему *не* показывают – или по крайней мере показывают так, чтобы он, не понимая, что происходит, постоянно ощущал ее присутствие. В каждом напряженном изнутри конструктивистском кадре. В каждой пустоте, возникшей на экране, в каждом темном дверном проеме, в каждой внезапно повисшей паузе, в каждом саспенсе. То, что не может его не привлекать, есть параноидальный сюжет, где видимый герой – преступник, следователь, маньяк или просто человек, оказавшийся в неправильное время в неправильном месте, – есть всего лишь посредник, который сам не знает, кто его хозяин, но вступает с ним в контракт, условия которого не ясны даже ему самому, а оплата может прийти в виде смерти. И следует от эпизода к эпизоду, ведомый «верхним чутьем».

Классический протагонист будущей нуарной традиции – побитый жизнью пятидесятилетний частный детектив в мятом плаще, шляпе-«федоре», с недельной щетиной и погасшей сигаретой во рту – должен оказаться лицом к лицу с Ничто безо всякого прикрытия сзади. Если у него есть какие-то человеческие связи – дружеские, эротические или семейные отношения, в которых он так или иначе заинтересован, – они будут проблематизированы и/или разрушены. Перед ним стоит неразрешимая задача, пытаясь нащупать подступы к пониманию которой, он попадает в нелепые и унижительные ситуации – при том, что информацией он будет обладать крайне скудной, а сама задача будет меняться и двоиться через каждые четверть часа экранного времени. Его будут пытаться убить люди, которых он видит впервые в жизни. Его будут приглашать в странные места, из которых очень трудно выбраться. Но, в конечном счете, задачу он решит. Просто потому, что город выбрал его, одного из всех, и подключил *теле*.

Поэтому его не будет особо смущать, что люди избивают его, предают и обманывают – это отношения, основанные на мореновской проекции, по определению, неистинные, так что обижаться на них нет никакого смысла. При случае он и сам умеет играть в эти игры. Смерть друга и расставание с любимой женщиной заставят его лишний раз выпить: потому что это мореновская эмпатия; она может быть утешительна и человечна, но по сравнению с той связью, что действует между ним и городом, она так же ничтожна. Это герой классической греческой трагедии, отдающий себе отчет в том, что он такое и как тут все устроено, и умеющий читать *Trugrede*²⁹ по губам, по

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ДИВЕРСИФИКАЦИЯ
ПАРАНОЙИ...

29 «Обманная», или «двойная», речь – один из ключевых элементов аттической трагедии, которые позволяют зрителю считать возможные смыслы, скрытые от самих персонажей пьесы (см.: СТЕРНЕНС Р.Т. *Ajax in the Trugrede* // *Classical Quarterly*. 1986. Vol. 36. № 2. P. 327–336).

малейшим знакам. И – не отвлекаться лишней раз на внешние сюжеты, построенные на иллюзорной индивидуальной психологии и на столь же иллюзорных представлениях о возможности выбора.

Да – и среди всходов, посеянных ланговским «М»³⁰, оказался не только нуар с его молчаливыми протагонистами и общей атмосферой многозначительной отстраненности³¹. Тот же параноидальный сюжет станет неотъемлемой составной частью итальянского неореализма, где отвлекающий зрителя набор мотиваций будет строиться на «правдивости» каждого конкретного кадра³². А затем – ревизионистского вестерна³³ и черной комедии³⁴, шедевров французской новой волны и параллельного ей итальянского, немецкого или японского авторского кино. Впрочем, все это будет позже. А пока переместимся на другой конец Европы и взглянем на принципиально иную версию кинопаранойи – советскую.

5. УПРАВЛЯЕМАЯ КИНОПАРАНОЙА ПО-СОВЕТСКИ: «ВЕЛИКИЙ ГРАЖДАНИН»

Можно детально и убедительно рассуждать о неэффективности советских институтов, ответственных за экономическую или социальную политику, но в области политической пропаганды они были чрезвычайно эффективны и технологичны – по крайней мере в рамках сталинской и раннехрущевской версий советского проекта. Кинематограф, как и все остальные способы производства публично доступных проективных реальностей, проводился именно по этому ведомству – и с начала 1930-х был полностью переведен на государственное содержание и под тотальный государственный контроль. А потому лю-

30 Понятно, что не им одним: похожие проекты разрабатывали Альфред Хичкок, Лев Кулешов или Жан Ренуар.

31 Еще Борд и Шометон назовут главной темой Ланга «человеческое одиночество в жестоком мире» (BORDE R., СНАУМЕТОН Е. *A Panorama of American Film Noir (1941–1953)*. San Francisco: Hammond, 2002). Они же – с оговорками – предложат описательное определение нуара через пять привычных для сюрреалистической традиции характеристик: «сновидческий [*oineric*], странный, эротический, неоднозначный и жестокий» (Ibid. P. 2.) А Джеймс Нэармор – автор предисловия к американскому переводу «Панорамы нуара» – прямо свяжет это определение с другими модернистскими концепциями: с отстранением и остранением в брехтовском и русско-формалистском смыслах этих терминов (NAREMORE J. *A Season in Hell or the Snows of Yesteryear?* // BORDE R., СНАУМЕТОН Е. *A Panorama of American Film Noir (1941–1953)*. P. XIII).

32 И на том, что сюжет «похож на реальную жизнь». Но сами по себе истории о том, как человек остался без велосипеда и потому попытался украсть чужой, или об отсутствии денег и перспектив, или о том, как человек жил-жил и умер, категорически не интересны зрителю именно потому, что он сам в них живет. Для того, чтобы они начали завораживать аудиторию, нужна незаметная, но постоянно ощущаемая норма избыточности.

33 Где нуарный герой поменяет залитый дождем ночной город на залитую солнцем полупустыню, да и вообще впервые меняет строго городскую прописку.

34 Где зрителю будет казаться, что он следит за «крутым» персонажем – совсем как в вестерне, но только с поправкой на вскрытую абсурдность внешнего сюжета.

бой советский фильм того времени имеет смысл воспринимать прежде всего как реализацию конкретного властного заказа: заказ формировался, под него отбирались команды профессионалов, чья творческая работа, равно как и результаты этой работы, пристально контролировались и оценивались. И любой элемент этого процесса – включая материи сугубо творческого порядка – рассматривался «ответственными инстанциями»³⁵ сугубо прагматически: с точки зрения их эффективности или неэффективности для выполнения заказа. И если в советском кино середины – второй половины 1930-х возникает мощная параноидальная составляющая, она может быть только результатом прямого властного заказа.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ДИВЕРСИФИКАЦИЯ
ПАРАНОЙИ...

Зрителю, который начинает смотреть «М», кажется, что он увлечен детективной интригой и психологией человеческих отношений – но ему это только кажется. На самом деле он увлечен совсем другой историей, которую ему *не* показывают – или по крайней мере показывают так, чтобы он, не понимая, что происходит, постоянно ощущал ее присутствие.

Фридриху Эрмлеру, поставившему один из ключевых фильмов эпохи Большого террора, «Великий гражданин» (1 серия – 1937-й, 2 серия – 1939-й), работать с властным заказом было не впервой. Еще в 1927 году он снял «Парижского портного» – фильм, который в современной терминологии можно было бы квалифицировать как «медийное сопровождение» тех достаточно радикальных изменений в политике советских властей по отношению к сексуальности, благодаря которым относительная сексуальная свобода первой половины 1920-х³⁶ сменилась «поворотом к традиционным ценностям» уже в раннесталинскую эпоху начала 1930-х. Поводом к активной и агрессивной кампании по государственной нормализации (молодежной) сексуальности стало так называемое «Чубаровское дело» о групповом изнасиловании (до 40 участников) 21 августа 1926 года двадцатилетней комсомолки, в котором участвовали в основном молодые рабочие, многие из которых были комсомольцами, а один – и вовсе секретарем комсомольской организации соседнего завода «Кооператор». Приговор по делу был демон-

35 В 1930–1940-е эти инстанции находились под постоянным личным контролем Сталина.

36 Весьма радикальная на уровне деклараций и связанных с ними поведенческих практик («теория стакана воды» и тому подобное), но, судя по всему, не возымевшая массового эффекта за пределами крупных городов.

стративно суровым: если ранее подобные преступления квалифицировались по статье 169 УК РСФСР 1922 года и за них предполагалось относительно мягкое наказание (от условного срока до трех лет заключения)³⁷, то в данном случае участники изнасилования в большинстве своем пошли по «бандитской» 76-й. Для пятерых из них это закончилось смертной казнью, а еще двадцать с лишним отправились на Соловки на срок до десяти лет³⁸. «Парижский сапожник» расставляет акценты в рассказанной истории о забеременевшей комсомолке, которую ее сожитель-комсомолец пытается «выставить на круг», – именно на тех ключевых точках, которые были характерны для «Чубаровского дела». Убийство одного из насильников оправдывается полностью, а главным виновником назначается секретарь заводской комсомольской организации.

В 1934 году «Ленфильм» выпускает картину Эрмлера «Крестьяне», которая обслуживает не только саму идею тотальной коллективизации, но вполне конкретное постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации», включающее в том числе пункт 3.1 такого содержания:

«Повести решительную борьбу с теми противообщественными кулацко-капиталистическими элементами, которые применяют насилие и угрозы или проповедают применение насилия и угроз к колхозникам с целью заставить последних выйти из колхоза, с целью насильственного разрушения колхоза. Приравнять их преступления к государственным преступлениям»³⁹.

По сравнению с «Крестьянами» «Парижский сапожник» смотрится как разыгранный по ролям агитационный плакат, призывающий к борьбе за ценности, которые являются «нашими» ничуть не в меньшей степени, чем «общечеловеческими». Новую же картину Эрмлера, увидевший ее в 1936 году в Пари-

37 Есть основания полагать, что мягкость наказания – среди прочих причин – приводила к тому, что подавляющее большинство изнасилований вообще проходило мимо внимания судебной системы, а также в значительном числе случаев не воспринималось самими насильниками (а также их жертвами) как уголовное преступление. В этом контексте существенное снижение соответствующей статистики в революционные и послереволюционные годы (Яров С.В., Балашов Е.М., Мусаев В.И. *Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны*. М.: Центрполиграф, 2013. С. 131 и далее) имеет смысл объяснять скорее рутинизацией самой практики, чем снижением числа эпизодов. Не случайно резкий рост статистики по изнасилованиям начинается именно с 1926 года – как и рост внимания к этой теме со стороны властей, вплоть до создания в 1929-м специальных комиссий по расследованию участвовавших случаев «нетоварищеского обращения с девушками» (Центральный государственный архив историко-политических документов (Санкт-Петербург). Ф. К-156. Оп. 1а. Л. 9, 93–94; Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 1109 (Пермская окружная контрольная комиссия ВКП(б) – РКИ). Оп. 1. Д. 236. Л. 50–57; 95–98; 170–173 и др.; Луначарский А.В. *Молодежь и теория «стакана воды» // О быте*. Л.: Государственное издательство, 1927. С. 73–83).

38 Подробнее см.: Чубаров И. «Чубаровское дело»: теория, политика и коллективная чувственность на закате раннесоветской эпохи (<http://kcgis.net.ua/gurnal/22/03.pdf>).

39 См.: Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1932. № 62. Ст. 360.

же, Георгий Адамович охарактеризовал как симптом тотального расчеловечивания граждан СССР:

«Это сплошной ужас, звериная, злобная жизнь, звериная вражда. Человек человеку – волк, как никогда, ни при каких проклятых капитализмах не был. Доносы царят. Люди готовы вцепиться друг другу зубами в горло»⁴⁰.

А вот Сталину фильм понравился настолько, что «Крестьяне» вошли в число того неполного десятка кинолент, ради сохранения которых создавался будущий Госфильмфонд. И не мог не понравиться: параноидальная фраза из ланговского «М» – «каждый, кто сидит рядом с тобой, может оказаться убийцей» – впервые в советском кино получает здесь полное оправдание как на уровне сюжета, так и на уровне создаваемой атмосферы.

«Великий гражданин» – вершина эрмлеровского творчества: как по цельности создаваемого впечатления⁴¹, так и по плотности транслируемого на зрителя параноидального меседжа. Главное различие «М» заключается, на мой взгляд, в том, что, формируя воздействие этого меседжа, Эрмлер останавливается на том этапе, который для Ланга служит всего лишь грунтовкой. В «М» охватывающая экранный Берлин всеобщая мания подозрительности и постоянное присутствие Насилия и Зла где-то рядом, сразу за рамкой кадра и за стеной кинотеатра, есть необходимый подготовительный этап для последующего прорыва к спонтанности, к расширению картины мира до масштабов, в пересчете на которые различия между убийцей и жертвой, преступником и полицейским, обывателем и содержательницей подпольного притона не слишком значимы. Для Эрмлера же – как, судя по всему, и для его главного заказчика⁴², – всеобщая паранойя и есть главный смысл создаваемой экранной реальности, та ключевая волна, на которую фильм должен настроить зрителя⁴³. Потому вместо классической трагедии он и снимает трагедию классицистическую.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ДИВЕРСИФИКАЦИЯ
ПАРАНОИИ...

40 Цит. по: БАГРОВ П. *Житие партийного художника* // Сеанс. 2018. 15 июня (<https://seance.ru/articles/zhitie-partiynogo-hudozhnika/>).

41 Обычно в этой роли видят «Обломок империи» (1929) – картину, которая, вне всякого сомнения, стала одним из самых заметных событий в авангардном советском кино 1920-х – и благодаря мощному визуальному ряду, и благодаря великолепной работе Федора Никитина, исполнителя главной роли. Но – во многом, именно благодаря тому, что впечатления от экспрессионистских и конструктивистских эффектов съемки сталкиваются со слишком индивидуальной и построенной на самоценности переживания мхатовской манерой Никитина – общее впечатление с завидным постоянством рассыпается на последовательность феерических эпизодов.

42 Принявшего личное участие в переделке сценария с тем, чтобы подогнать его под ситуативные рамки, связанные с идущим параллельно съемкам фильма процессом по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра», главными обвиняемыми в котором были Георгий Пятаков и Карл Радек (Пятаков непосредственно выведен в фильме как один из организаторов сугубо диететического антисоветского подполья).

43 Понятно, что «Великий гражданин» шел в потоке: сталинское массовое производство культуры предполагало тотальность значимого сигнала. Только в кино параноидальная тема постоянно присутствующего где-то рядом врага стала базовой едва ли не для двух десятков картин. И теме этой отдали дань ведущие

Конструирование паранойи осуществляется у него методами, куда менее сложными, чем в экспозиции ланговского фильма, – впрочем, есть и значимые совпадения. Так же, как у Ланга, все сцены насилия старательно оставлены за кадром: диверсия на стройке и, главное, убийство врагами протагониста, товарища Шахова⁴⁴. Наблюдая нарастание саспенса, связанного с планируемым убийством Шахова, зритель видит психодраматический этюд со «сменой масок» – сыгранного менее тонко, чем это сделал бы Петер Лорре, но зато удвоенного. Первое преобразование в кадре происходит, когда шофер крайкомовского автомобиля Яша (Борис Пославский) заходит в кабинет второго секретаря, чтобы отпроситься после ночной смены. Поначалу он вполне убедителен в роли незамысловатого работяги, пытающегося выторговать у начальства небольшую поблажку, – но параллельно, как бы между делом, задает вопрос о прошлом начальника (Юрий Толубеев), на который тот реагирует неожиданно резкой сменой телесной техники: вместо вальяжного номенклатурного деятеля, в кадре крупным планом оказывается настороженный человек с недобрый прищуром и подчеркнута аккуратной манерой обращения с предметами. Персонаж Бориса Пославского так же переключает идентичность: перед зрителем, вместо улыбчивого холоуя, оказывается персонаж с офицерской выправкой, холодным взглядом и уверенными движениями человека, привыкшего отдавать распоряжения (илл. 5). А затем сцена вербовки агентом иностранной разведки бывшего провокатора разворачивается на 180 градусов. Старый большевик с любопытными пробелами в биографии и интеллигентской фамилией Земцов, совершенно потерянный перед лицом неминуемого краха, подходит к окну, произносит пару нейтральных реплик, после чего в кадре появляется зверь, куда более крупный, чем фальшивый шофер Яша, – глава троцкистского подполья, который, как выясняется, давно следит за деятельностью диверсионной группы, а иногда и снисходит по отношению к ней до роли ангела-хранителя (илл. 6).

Врагом – скрытным, хитрым и жестоким – у Эрмлера и впрямь может оказаться любой. Шофер, который возит начальство по делам; егерь, с которым товарищ Шахов привык ходить на охоту и который буквально в последний момент отказывается выполнить заказ на несчастный случай; старый большевик, занятый важными государственными делами; да что там – целая группа старых большевиков, которые привычно выдают

мастера советской режиссуры. Стоит вспомнить хотя бы «Партийный билет» (1936) Ивана Пырьева, «Шахтеров» (1937) Сергея Юткевича, «Ночь в сентябре» (1939) Бориса Барнета, «Честь» (1938) Евгения Червякова или «Поединок» (1944) Владимира Легошина.

⁴⁴ Подробный анализ этого сюжета см. в: Михайлин В., Беляева Г. *«Вы жертвою пали»: феномен присвоения смерти в советской традиции // Отечественные записки. 2013. № 5(56). С. 294–310.*

себя за верных ленинцев, но в действительности давно уже переродились в тайных врагов советской власти, готовых на любое преступление, чтобы уничтожить ее самых верных сынов. Их истинная природа то и дело дает о себе знать прямо в кадре – через прямой визуальный комментарий, не связанный напрямую с сюжетом, но достаточно внятный для зрителя, уже привыкшего замечать вражеское присутствие по крохотным, как бы ничего не значащим деталям: особенностям речи, прически или костюма, случайным оговоркам и тому подобному.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ДИВЕРСИФИКАЦИЯ
ПАРАНОИИ...

Время от времени Эрмлер вспоминает о своей авангардной выгучке и дает кадру возможность заняться автокомментарием. Вот ключевое событие первой части фильма – общее собрание местных коммунистов в зале кинотеатра «Коллизей», за отсутствием других помещений, способных вместить такую массу участников. На собрании должна решиться Судьба: с кем пойдет губернская парторганизация, подтачиваемая изнутри тайными троцкистами. Когда слово берет главный перерожденец, камера дает максимально общий план и всю его верхнюю часть занимает реклама фильма, который на данный момент стоит в репертуаре, – «Багдадский вор». А когда победившие честные большевики запевают Интернационал, камера на несколько секунд выхватывает профили стоящих в президиуме врагов с классическими экспрессионистскими тенями-двойниками на заднем плане. Понятно, что они не поют вместе со всеми. А тень, отбрасываемая их лидером, удивительно напоминает профиль Льва Троцкого (илл. 7).

Фридрих Эрмлер сделал сильный ход, столкнув в постоянном экранном тандеме, в ролях главных партийных перерожденцев, актеров с диаметрально противоположными актерскими техниками. Иван Берсенева, исполнитель роли бывшего первого

*Илл. 5. «Великий гражданин» (1937, 1939).
Раскрытие тайного врага.*

*Илл. 6. «Великий гражданин» (1937, 1939).
Тайный враг оказывается еще страшнее.*

секретаря губкома Карташова, – одна из ключевых мхатовских фигур в 1920–1930-е: отсюда «глубинные» истерики и общая зыбкость пластики. Олег Жаков, взявший на себя роль Боровского, тоже секретаря и тоже бывшего, но по оргвопросам, работал сначала с екатеринбургскими авангардистами Сергеем Герасимовым и Петром Соркиным, а потом, уже в Ленинграде, прошел строгую ФЭКСовскую выучку у Григория Козинцева и Леонида Трауберга. Отсюда острая и точная работа на жесте и ракурсе, создающая образ не «в душе» артиста, а в той среде, которую он формирует вокруг себя. Для зрителя же этот дуэт дает постоянно действующее ощущение когнитивного диссонанса – с пониманием того, что эти старый подпольщики с интеллигентскими бородками, старорежимными манерами и бог весть какими навыками нелегальной работы и есть самая главная угроза. На их фоне Николай Боголюбов – исполнитель роли Шахова – с его открытым лицом, размашистыми манерами и ширококостной телесностью сталинского выдвигенца выглядит простым и понятным, по-настоящему «нашим» человеком⁴⁵.

Илл. 7. «Великий гражданин» (1937, 1939).
Темные силы.

Впрочем, эрмлеровская паранойя была бы неполной, если бы он не заронил у зрителя зерно сомнения и по отношению к этому, казалось бы, безошибочно правильному набору сигналов. У Шахова есть в фильме двойник, скромный персонаж второго плана, по фамилии Брянцев, подвизающийся на не вполне проговоренной роли в губернской партийной организации – и на вполне внятной роли подручного у Карташова и Боровского. Визуальная составляющая этого образа выстроена так, чтобы дублировать все основные детали образа Шахова – гимнастерка, галифе, зачесанные назад волосы, – но

⁴⁵ Более подробный разбор сигналов «нашей» и «не нашей» телесности в советской визуальной культуре см. в: Они же. «Наш» человек на плакате: конструирование образа // Неприкосновенный запас. 2013. № 1(87). С. 89–109.

с небольшими отличиями вроде выглядывающей из-под гимнастерки горловины белого свитера, сразу создающей ощущение большого горла и общего нездоровья. Со временем эти маленькие детали будут привлекать к себе все больше и больше внимания, покада в финале перед нами не предстанет жалкая пародия на Шахова – в подчеркнуто зауженной гимнастерке, нелепо широких галифе и с шаркающей походкой сомнамбулы. Конечно же, именно этот выморочный доппельгангер в итоге и нажмет на курок.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
ДИВЕРСИФИКАЦИЯ
ПАРАНОИИ...

*Илл. 8. «Великий гражданин» (1937, 1939).
Конструктивистский враг.*

Засаду на протагониста он устроит в месте, также вполне красноречивом – в безлюдном холле, под лестницей, подальше от той переполненной счастливыми гражданами СССР ампириной залы, через которую товарищ Шахов совершит свой последний триумфальный проход. И точно так же, как Шахова, которого будет характеризовать бесконечная людская круговерть с фонтаном больших и малых дел, каждое из которых будет требовать от него пристального внимания и практического действия, Брянцев обретет комментарий от пространства, выполненного в конструктивистской эстетике 1920-х: того самого наследства, которое верным соратникам товарища Сталина настало время сбросить с парохода современности (илл. 8). Целевой аудиторией «Великого гражданина» был не рядовой советский человек. Этот фильм был в первую очередь рассчитан на уже сформировавшуюся сталинскую номенклатуру: именно ей прежде всех прочих надлежало пребывать в состоянии постоянной параноидальной взвинченности, чтобы транслировать сигнал дальше. Именно ей нужно было сделать прививку от старых большевистских привычек. И не случайно постоянным

Илл. 9. «Великий гражданин» (1937, 1939).
Модернистская живопись как комментарий.

комментарием для персонажа Олега Жакова становится откровенно модернистский портрет, выполненный так, как если бы в 1915 году Натан Альтман взялся писать не Анну Ахматову, а Владимира Ульянова (илл. 9).

Сосредоточенность эрмлеровской картины, а также множества ей подобных на системном разрушении режимов доверия между человеком и окружающей его социальной⁴⁶ средой крайне прагматична. Для Ланга – и для всей той огромной кинотрадиции, которая с его легкой руки занялась танцами с теле за спиной у диегетических сюжетов, ключевой функцией скрытого воздействия было формирование зрительской зачарованности происходящим на экране и, в конечном счете, приручение зрителя – приучение к тому, что ощущение контакта с высшей реальностью, маловероятное в быту, легко (и в возобновляемом режиме) запускается перед экраном. Причем природа этой высшей реальности не подлежала разглашению: что в свою очередь способствовало формированию индивидуальных каналов связи – опыта, ценного еще и потому, что он принадлежит только тебе или становится основой совместного переживания с другим человеком. То есть, помимо функции коммерческой наживки, эта зачарованность выполняла еще и функцию психотерапевтическую – вполне в мореновском ключе способствуя встречам людей с самими собой и между собой.

46 А иногда и физической. Предметы – они тоже то и дело норовят оказаться не тем, чем предстают обыденному, успокоенному взгляду, лишенному параноидальной контринтуитивности. В каждой ножках от кортика может крыться веер с тайными знаками, в каждой случайно найденной пуговке – опасность не обратить внимания на прямой сигнал о близком присутствии врага.

Советская версия кинопаранойи осуществляла сценарий, во многом сходный с этим – по крайней мере с точки зрения результирующего воздействия. И в приручении зрителя, приученного к магии экрана, и в эффекте индивидуальных встреч, опосредованных экранным опытом, советская пропагандистская машина не могла не быть заинтересована, по определению. Различие – причем ключевое – заключалось прежде всего в принципиальной *проявленности* того, что должно было бы быть скрыто. Всеобъемлющее и всепроникающее зло было персонифицировано и названо, и черный профиль Троцкого, легко различимый в тени, которую отбрасывает старый большевик, – только одна из бесчисленных, но также легко опознаваемых (и документируемых) голов гидры. Собственно, именно этот эффект как раз и был той главной целью, ради которой создавался жанр «сталинского нуара». Равно как и эффект противоположный – формирование образа Высшей Силы, которая на вполне зороастрийский лад уравнивает и неизменно побеждает Незримого Врага. Эта Высшая Сила должна была постоянно присутствовать в зрительских ожиданиях – прямо с того момента, как в зале гаснет свет и на экране появляется Незримый Враг, плетущий свою вечную паутину. И диететическая победа над врагом вовсе не должна была означать, что Сила исчезнет после того, как свет в зале зажгут и зритель выйдет наружу. Поскольку монументальный образ Сталина, в котором эта Сила в очередной раз воплощалась к концу полуторачасового саспенса, встречал тебя сразу по выходе из кинотеатра – в виде памятника на площади, барельефа на фасаде, лица на плакате или бодрого марша, льющегося из репродуктора.

А теперь попытаемся представить себе эффект, который вызвала «отмена Сталина» в уже выстроенной и налаженной системе «массовой зачарованности». В 1953-м, а потом в 1956 году был не просто выведен за скобки конкретный вождь. За полтора десятка лет была детально проработана архитектура системной паранойи, незримо присутствующая в каждой газетной новости – и в каждом сказанном слове или жесте руки любого «сидящего рядом человека». В этой архитектуре фигура Сталина целиком замыкала на себе светлую сферу и служила единственной надежной гарантией того, что победа всегда будет за нами. И ее исчезновение автоматически отдавало мир на откуп Незримому Врагу.

С этой точки зрения особенно любопытным становится тот азартный поиск больших закадровых смыслов, которому с самого начала приступило оттепельное кино – как и тот спектр вариантов, в котором эти смыслы обнаруживались. Знакомство с мировой кинотрадицией подсказывало в этом смысле вполне

логичное обращение к городскому мифу, чему свидетельством «Июльский дождь» Марлена Хуциева (1966) или «Жил певчий дрозд» Отара Иоселиани (1970). Попытка гальванизировать большевистскую мистику рождала фильмы вроде «Неотправленного письма» Михаила Калатозова (1960) или «Первороссиян» Александра Иванова и Евгения Шифферса (1967). Обращение Андрея Тарковского и Ильи Авербаха к мистике традиционалистской, экзистенциальные опыты Киры Муратовой, Ларисы Шепитько или Алексея Германа, конечно, никак не сопоставимы по художественному уровню с незамысловатыми попытками Ричарда Викторова выстроить за кадром простенькой подростковой истории заказной брежневский миф о войне (фильм «Переходный возраст», 1968)⁴⁷, но по сути и то и другое следует в русле одного и того же постпараноидального, или, точнее, неопараноидального, тренда.

47 Подробный анализ этого кейса см. в: Они же. *Смена вектора: конструирование памяти о войне в «Переходном возрасте» Ричарда Викторова* // Неприкосновенный запас. 2022. № 3(143). С. 233–258.

Геофилософия сумрачного мира: земля, субъективность и воображение

ЕГОР
ДОРОЖКИН

ВВЕДЕНИЕ. О ЛИРИКЕ СУМРАКА

Современная философия природы обнаруживается в «новых материализмах» первой четверти XXI века, мотивированных пафосом преодоления самореферентности человеческого. Зачастую такое преодоление сводит философскую рефлексию к простому комментированию популярной науки, но в целом программа «новой натурфилософии», безусловно, перспективна – она вновь отвоевывает утраченное право познания Природы, апеллируя к ней как к Великому Внешнему (Квентин Мейясу¹). Сегодня множество разнородных проектов онтологии этого Внешнего, как правило, объединяются под именем «спекулятивного реализма» (спекреализм). Общим знаменателем здесь выступает критика корреляционизма, открывающая путь к нечеловеческой контингентной реальности.

Эта философская ставка на «нечеловеческое» сближает актуальные реалистические онтологии с тем эстетическим опытом, который можно было бы определить как «лирику сумра-

Егор Леонидович Дорожкин (р. 1989) – философ, старший преподаватель кафедры философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории имени М.И. Глинки, автор ютуб- и телеграм-канала @Absentsky.

1 Мейясу К. *После конечности. Эссе о необходимости контингентности*. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. С. 11.

К НОВОЙ НАТУРФИЛОСОФИИ

ка» – «темная» вненаучная фантастика, лавкрафтианский саспенс и вообще эффекты странного и жуткого (*weird/uncanny*) в литературе и искусстве. Тут рациональные ясность и отчетливость нововременного, «галилеевского» мира уступают место аффективной сумрачности. Именно лирика сумрака шла в авангарде распространения моды на спекреализм. Правда, для многих комментаторов этот «лирический авангард» выступает скорее предметом критики как маркетинговая обертка, продающая не всегда свежее теоретическое содержание. Да и среди самих новых материалистов далеко не все авторы обращаются к «темной эстетике», а обращающиеся далеко не всегда концептуализируют это обращение. Тем не менее речь не идет о простом аттракционе чувств, подобно развлекательному кино, использующему эмоцию в качестве понятной и ожидаемой реакции на известный стимул. В столкновении нового материализма с «лирикой» можно обнаружить не тавтологию эмоций, а специфику аффекта как механизма «избытков» и «утечек» в субъекте. Воображение и опыт эстетического, помимо репрезентативных эффектов, проявляют аффективный уровень, не относящийся к содержаниям представлений, а выступающий онтологическим условием их реальности. Встреча с гетерогенным внешним бытием аффективна вне зависимости от того, достигает ли эта встреча сознания субъекта. На аффективном уровне субъективность всегда разомкнута, причем не в область общих трансиндивидуальных значений, а именно в гетерогенное доиндивидуальное бытие, связывающее натурфилософию с вопросами производства субъективности и сближающее ее с хонтологией.

Говоря иначе, в аффекте природа встречается со свободой – вот, пожалуй, наиболее интересное положение, которое можно извлечь из *современной* философии природы, имеющей, впрочем, глубокий исторический бэкграунд. Конечно, далеко не все спекреалисты с этим положением согласятся, а для сформированного сциентистской парадигмой взгляда подобная «лирика» вообще кажется опасной – подрывающей существование самой материальной действительности. Однако представляется, что дело обстоит ровно наоборот: сила аффекта может быть рассмотрена в качестве концептуального средства реалистического удержания единства этой самой действительности. Не в смысле тотальности целого, а в смысле полноты реальности и нередуцируемости единичных вещей. Это то, что можно назвать плоской онтологией² – бытие гетерогенно, а все, что в нем различным образом есть, существует в равной мере, нередуцируемо. Иначе говоря, мы имеем дело

2 DELANDA M. *Intensive Science and Virtual Philosophy*. London; New York: Bloomsbury, 2002. P. 51.

с таким исследовательским взглядом, который, совсем в духе Фридриха Шеллинга, рассматривает все – от камня до живописного полотна, от колонии кораллов до политических институтов – как пронизанное продуктивностью природы, а не ограничивает ее действие предметным полем естественных наук. Именно сциентистское ограничение, а вовсе не лирика сумрака, является подлинным антиреализмом, неким «криво-мыслием», лежащим в основе господствующего представления о природе. Таким образом, современная натурфилософия выявляет недооцененную возможность эстетического, или, можно сказать, имагинативного, реализма, не изгоняющего «призраков» из мира, а мыслящего их в качестве нередуцируемой составляющей опыта единичных вещей. Прояснению условий подобного реализма и будет посвящена данная статья.

ЕГОР ДОРОЖКИН
ГЕОФИЛОСОФИЯ
СУМРАЧНОГО МИРА...

Мы имеем дело с таким исследовательским взглядом, который рассматривает все – от камня до живописного полотна, от колонии кораллов до политических институтов – как пронизанное продуктивностью природы, а не ограничивает ее действие предметным полем естественных наук.

От классической к онтопоэтической ТРАКТОВКЕ ПРИРОДЫ

Исследование парадоксальной связи природного с аффективным, эстетическим, призрачным и, в конечном счете, со свободой требуется начать с рассмотрения специфического характера самого понятия «природа» в современной мысли. Его прежнее – классическое – содержание оказалось неудовлетворительным, уводящим по ложному следу, скрывающим нередуцируемое бытие вещей. Отсюда две стратегии: либо отказаться от использования слова «природа» вообще – как, например, это делает в своей темной экологии Тимоти Мортон³; – либо заново пересмотреть историко-философскую концептуализацию самого этого понятия, примером чего служит трансцендентальный материализм Иена Гамильтона Гранта⁴. Оба варианта – даже с учетом различий в риторике, понятийных

3 MORTON T. *Ecology without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics*. Harvard: Harvard University Press, 2007. P. 140.

4 GRANT I. H. *Philosophies of Nature after Schelling*. London; New York: Continuum, 2006. P. 1–21.

инструментах и, соответственно, ряде выводов – переосмысляют «природу» на схожих основаниях. В целом это направление можно обозначить термином «геофилософия», введенным в свое время Жилем Делёзом⁵. Под геофилософией он понимал что-то вроде «философии Природы в то время, когда исчезает всякое различие между природным и искусственным»⁶. Рассмотрим, что именно оказалось неудовлетворительным в господствующем представлении о природе и как это мотивировало становление геофилософской трактовки последней.

Классический ответ на вопрос об отношениях природы и свободы заключался в их противопоставлении. Свобода есть способность посредством разума или духа властвовать над чувственной необходимостью природы, удерживая себя в пространстве нравственности. Природа – это царство необходимости, а дух – царство свободы. Чувственное лежит во зле, но разум ведет к добру. И даже если по воле бога две субстанции пребывают в гармонии, их онтологическая противоположность не снимается. Это представление безраздельно господствовало в классическую эпоху XVII–XVIII веков, но его генезис уходит в глубь истории мысли, а последствия очевидны и сегодня: так, например, в современной когнитивистике считается, что обнаружение нейрофизиологических механизмов, детерминирующих сознание, отрицает свободу. Подобная диспозиция в целом характерна для классической нововременной философии, трактующей природу в качестве упорядоченной тотальности сущего. Представление об однородном пространстве, полностью переводимом на язык универсальных знаков и образующем рациональный порядок Вселенной, в котором вещь есть то, что можно ясно и отчетливо помыслить. Если же природа – это представимость того, что дается в представлении, она заранее ограничена тем, что представимо⁷. Следовательно, в бытии нет места спонтанности, становлению, свободе – они либо просто отрицаются, либо относятся к области денатурализованной нравственности. Хрестоматийным именем подобной картины мира является «механизмизм»: единичные вещи не обладают внутренней активностью, их характеризует лишь обусловленность общим порядком представимого Целого, они взаимозаменяемы. Это лапласовская Вселенная, устроенная, как механические часы, где прошлое и будущее не отмечены становлением, где нет грядущего, где любая спонтанность является лишь иллюзией, порожденной незнанием. В этой Вселенной, лишенной уникальных единичностей и становления

5 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Что такое философия?* СПб.: Алетейя, 2018. С. 110–146.

6 Делёз Ж. *Переговоры 1972–1990*. СПб.: Наука, 2004. С. 202.

7 Хайдеггер М. *Время картины мира* // Он же. *Исток художественного творения*. М.: Академический проект, 2008. С. 272–277; Фуко М. *Слова и вещи*. СПб.: А-сад, 1994. С. 81–110.

нового, закономерно нет места и свободе, оттесняемой в область антиномий разума.

Когда темная экология настаивает на отказе от понятия «природа», подразумевается, что «природа» в качестве имени классической картины мира скрывает опыт реального бытия единичных вещей – свободного и гетерогенного. В этом смысле критика вполне оправдана. Однако возникает некоторое затруднение, поскольку уже в XVII веке у Бенедикта Спинозы философия природы не сводилась к тотальной механике сущего. У Спинозы мы видим этико-политическое измерение, так или иначе подразумевающее единичное бытие. Свидетельством тому является само название фундаментального метафизического трактата Спинозы о субстанции как тождестве бога и природы – «Этика». Но дело не только в названии. Содержание и «Этики», и предшествующих текстов мыслителя посвящены вопросу о поиске блага, освобождающего единичную жизнь, о поиске «блаженства души»⁸. Поскольку же существование единичного и существование свободы неразрывно связаны, природа у Спинозы оказывается заинтересована в свободе, чтобы обрести собственную необходимость. Данный ход, латентный в механицизме XVII–XVIII веков, становился все отчетливее в дальнейших толкованиях спинозизма: поначалу в споре о пантеизме между Фридрихом Якоби и Мозесом Мендельсоном, а затем в романтизме и натурфилософских изысканиях Фридриха Шеллинга⁹. На рубеже XVIII–XIX веков эти трактовки обнажают эпистемический сдвиг, не исчерпавший своих следствий по сей день. Свобода оказывается не гностической привилегией человека, освобождающей его от природы, а продуктом самой природы, который, будучи сведенным к автономной человеческой воле, становится насильем над этой последней. Переворот в отношениях человека и природы оказался своего рода травмой, возвращающейся вновь и вновь и заставляющей нас задаваться одним и тем же вопросом, всякий раз не узнавая его в новой формулировке. Не исключено, что вся нынешняя экологическая тревожность, выступившая в качестве триггера актуального философского переосмысления, является не чем иным, как очередным возвращением травмы.

Указанный сдвиг коррелирует с тем, что на рубеже XVIII–XIX веков мысль о человеке как о картезианском Эго становится все более проблематичной. Рациональный субъект, на котором сходилась перспектива классической картины мира, смещается на онтологическую периферию. В биологии, полит-

⁸ Спиноза Б. *Этика* // Он же. *Сочинения: В 2 т.* СПб.: Наука, 1999. Т. 1. С. 452.

⁹ Шеллинг Ф. В. Й. *Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней пред-
метах* // Он же. *Сочинения: В 2 т.* М.: Мысль, 1987. Т. 2. С. 86–158.

экономии и языкознании человек выступает теперь объектом познания наряду с другими¹⁰, открыв тем самым условия производства собственной материальности, не тождественные его о себе представлению. Этот антропологический круг и неразрывно с ним связанное технокапиталистическое освоение Земли делают отношения природы и свободы куда более драматичными, чем могла себе представить классическая эпоха. Отсюда тревога, тематизированная Сёреном Кьеркегором¹¹, и далее – экзистенциализмом и психоанализом в XX столетии. Однако онтологию трудных отношений между свободой и природой попытались разработать именно романтики и Шеллинг. Они противопоставили природе-механизму природу-организм¹². Концептуальная метафора, все еще связанная с классической метафизикой тотальности сущего, но вместе с тем уже носящая виталистический характер. Романтический витализм не позволяет сводить бытие вещей к репрезентативному тождеству и мыслить их механически взаимозаменяемыми. Да, я связан с общим целым природного организма, но как орган, качественно отличный от другого, движимый собственным стремлением, – орган, без которого невозможно динамическое целое. Смещение романтизма и руссоизма, возобладавшее в культурной памяти, сделало этот виталистический момент невидимым, скрыв его за руссоистской идиллической трактовкой природы, которая была скорее изнанкой классической метафизики, а не ее альтернативой. Лишь позже, через дионисийство Фридриха Ницше, Мартина Хайдеггера и Жюль Делёза, романтико-спинозистская витальность получила возможность сбыться уже вне наивного органицизма. С опорой на Антонио Негри¹³ и Алена Бадью¹⁴ данную традицию можно называть *поэтическими онтологиями*¹⁵ или *онтопоэтизмом*, то есть *онтологиями поэта* (ποίησις) в смысле производства единичного бытия вещей по ту сторону их представимости.

От смутных набросков в романтической трактовке спинозизма до отчетливой разработки в онтопоэтизме XX столетия «природа» и подразумевала имманентность нерепрезентативного производства, по отношению к которому субъект оказывается децентрирован. Исток представления нерепрезентативен, оно не производится в корреляционном круге отношений тож-

10 Фуко М. *Указ соч.* С. 325–362.

11 КЬЕРКЕГОР С. *Понятие страха.* М.: Академический проект, 2022. С. 59–63.

12 ШЕЛЛИНГ Ф. В. Й. *Введение к наброску системы натурфилософии, или о понятии умозрительной физики и о внутренней организации системы этой науки* // Он же. *Сочинения: В 2 т.* Т. 1. С. 188; Он же. *Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки.* СПб.: Наука, 1998. С. 143.

13 NEGRI A. *Flower of the Desert: Giacomo Leopardi's Poetic Ontology.* New York: SUNY Press, 2015.

14 BADIOU A. *Being and Event.* New York: Continuum, 2005. P. 123–129.

15 Подробнее см.: Дорожкин Е. Л. *Идея природы в поэтических онтологиях. Автореф. дис. на соиск. к. ф. н.* Нижний Новгород, 2023.

дества с бытием, взаимопрозрачности. Вещь показывает свое бытие через нехватку языка, через поломку, через множественность ускользающих от моего понимания модусов взаимодействия с другими вещами. Сама вещь и становится средоточием множественности, несводимой¹⁶ ни к какому представлению; множественности, доарифметической и неисчислимой. Отсюда значимость идеи сингулярности, свободы единичного, «броска костей»¹⁷ для онтопоэтической идеи природы как принципа имманентной продуктивности. Чтобы встретиться с нередуцируемым бытием вещи, столкнуться с ограниченностью представления, с порочностью общих смыслов (и чтобы вообще существовало становление), необходимы единичности – случающиеся, а не (антропо)логически предписанные.

ЕГОР ДОРОЖКИН
ГЕОФИЛОСОФИЯ
СУМРАЧНОГО МИРА...

Переворот в отношениях человека и природы
оказался своего рода травмой, заставляющей нас
задаваться одним и тем же вопросом, всякий раз не
узнавая его в новой формулировке. Не исключено, что
вся нынешняя экологическая тревожность является
не чем иным, как очередным возвращением травмы.

ГЕОФИЛОСОФИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Отношения между природой и свободой окончательно перевернулись, открыв контингентность бытия. Онтопоэтическая трактовка природы, определившая стратегию нового материализма, совершенно не похожа на классическое представление о тотальном порядке сущего – однородном пространстве доступных упорядочению тождеств. Отныне «природа» указывает на онтологию гетерогенного бытия единичных вещей, обладающих самостоятельностью. Мир не может более представлять чем-то Целым или во всяком случае любой набросок его как целого становится меньше неисчислимой суммы его частей. И речь не о растворении всего в безразличии хаоса – напротив, отсутствие тотального Целого можно называть гиперхаосом¹⁸ и производством хаосмоса¹⁹, открывающих то, что

16 ЛАТУР Б. *Пастер: война и мир микробов, с приложением «Несводимого»*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 220.

17 ДОРОЖКИН Е.Л. *Бросок костей: Ницше о чистом понятии «природа»* // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 208–220.

18 МЕЙЯСУ К. *Указ. соч.* С. 91.

19 ГВАТТАРИ Ф. *Хаосмос и этико-эстетическая парадигма*. Корсаков: Советская типография, 2023. С. 103–114.

Фридрих Ницше называл «смыслом земли»²⁰, опытом непосредственного существования на ней. Именно «земля», то есть нечто уникальное, становящееся и бездонное, но вместе с тем обосновывающее существование, оказывается наиболее подходящим означающим онтопоэтической идеи. Отсюда и само понятие «геофилософия» как наименование общей стратегии современной философии природы. Речь о возвращении мысли из самореферентности представлений о природе в гетерогенное и уникальное становление земли. Не в смысле территории национальной идентичности, а в качестве безымянной среды. Не одуряющее движение по антропоцентрической оси от глобального к локальному, а прохождение сквозь все территориальные страты к вытесняемому многообразию жизни. Обращение к становлению безымянных сред поднимает и вопрос о производстве субъективности. Становление субъективности – далеко не единственная, но крайне значимая проблема геофилософии. Значимая настолько, что Феликс Гваттари посчитал недостаточной их совместную с Жилем Делёзом шизоаналитическую²¹ разработку вопроса и решил предпринять дополнительное исследование в той перспективе, которую назвал «экософией»²².

В первую очередь следует различать геофилософское значение субъективности и классическое представление о субъекте в смысле картезианского Эго, существующего в той мере, в которой оно себя мыслит – самопрозрачный, лишенный материальности субъект представления. Иначе говоря, субъект той самой классической картины природы как однородной упорядоченности представлений. Эпистемическая точка схождения прямой линейной перспективы. Его децентрация посредством вскрытия материальных условий производства человеческого снимает универалистские притязания рационализма, но тем самым открывает субъективное постижение мира. Субъективность – это опыт проживания эмпирических различий, а не картезианское фундирование тождества представлений. Переход между ними – как переход между образом в классическом европейском пейзаже XVIII века и в нерепрезентативной живописи после Клода Моне. В первом случае вы наблюдаете сконструированную целостную картину мира, во втором – перед вами фрагмент его материальности. Классическая живопись смотрит на мир как бы со стороны, из некоего универсального места – постимпрессионистская находится в самом мире. Первая создает дистанцию по отношению

20 Ницше Ф. *Так говорил Заратустра* // Он же. *Полное собрание сочинений: В 13 т.* М.: Культурная революция, 2007. Т. 4. С. 14, 32, 80.

21 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 429.

22 Гваттари Ф. *Указ. соч.* С. 154–174.

к вещам, чтобы они предстали понятными сущностями, вторая сталкивает вас лицом к лицу с их странной и неуловимой непосредственностью. Геофилософское понимание производства субъективности аналогичным образом пытается столкнуть нас с материальным становлением. Если же полагаться исключительно на самодостаточность представления, сколь бы выверенным и научным оно ни было, есть опасность попасть в ловушку нововременной редукции – вновь свести к (антропо)логической рамке экспрессивное бытие, то есть единичные вещи, самостоятельные и производящие ситуацию не в меньшей мере, чем мы, строящие относительно них теории. Иначе говоря, отказ от картезианского субъекта не означает отказа от субъективности, ведь только в субъективном опыте, а не в общих представлениях я встречаюсь лицом к лицу с единичным становлением.

Отсюда геофилософское значение таких практик, как, например, энвайронментальное письмо и экопоэтика²³, выступающих практикой субъективного исследования гетерогенных безымянных сред. Более того, подобное письмо можно рассматривать в качестве одного из средств преодоления господствующего представления о природе. Того представления, что помещает ее где-то там, «за городом», в глубине вещества и в общем порядке Вселенной, куда человек не включен, – он лишь исследует этот порядок с инструментальной дистанции естественных наук и созерцает с художественной дистанции прямой линейной перспективы. Бруно Латур в рамках разработанного им геосоциального подхода называет это область «теплого» опыта природы, противопоставленного «галлилеевским объектам»²⁴. «Теплый» синтез энвайронментального письма может быть инструментом не на уровне теоретических построений, но в режиме производства субъективности. Письмо тогда станет аффективным прощупыванием, абстрактной тактильностью, обнаруживающей область формирования (вечно) нового опыта – опыта встреч с призрачными качествами единичных вещей, выпадающими из предметного поля позитивностей. Без подобной работы переход от представления о природе к существованию на земле невозможен. Земное способно магматически вздыматься безымянным опытом в организованных теорией разрывах смыслов, в имманентном плане растворения и кристаллизации, но не дедуцироваться из самой теории.

23 SKINNER J. *Why Eco-Poetics?* // *Ecopoetics*. 2001. № 1. P. 105–106; СНАЙДЕР Г. *Поэтическое и первобытное. Заметки о поэзии как экологической практике выживания* // *Pangea Ultima* (<https://thepangeaultima.com/20/>).

24 ЛАТУР Б. *Где приземлиться? Опыт политической ориентации*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 117–134.

Помимо этого, производство субъективности и философское переосмысление природы неотделимы друг от друга еще как минимум по двум объективными экологическими причинами. Во-первых, то, что и как мы производим и потребляем, оказывая влияние на экологию, прямо связано с тем, чего мы желаем и какие образы господствуют в экономике нашего воображения. Иначе говоря, наша субъективность – это неотъемлемая часть климатических изменений. Во-вторых, если мы ставим вопрос о необходимости выхода за пределы самореферентности человеческого, о необходимости мыслить не коррелирующие с человеком внешние материальные среды, то должны также ставить вопрос о том, какие формы желания могут сопрягаться с этим внешним. Если новая мысль о природе не имеет либидинальной составляющей – значит, она обделена реальностью и любой человек скорее всего ответит на эту мысль, как не заинтересованный в преподаваемой дисциплине ученик: «Почему меня это должно волновать? Ну, да, где-то там пылают звезды, а где-то здесь плавают острова мусора – это их проблемы, а не мои. Разве это моя забота?»²⁵ Это не решается полномочиями властных институций, особенно когда они сами не понимают, что именно решают (понимание, в общем и целом, никогда не является необходимым элементом их функционирования). Не институты, а геофилософски понятая субъективность встречается с контингентной реальностью внешнего. В ней же – в этой реальности – вырабатывается и отношение к самой встрече: заинтересоваться или закрыться, возрадоваться или опечалиться, преодолеть себя или уйти в паранойю. С ней же коррелируют формы материального производства соответствующего типа общества.

Полностью укрыться от внешнего невозможно, но также нельзя полагать, что столкновение с ним обладает однозначностью. Нельзя показать острова из мусора в Тихом океане и ожидать, что этот факт автоматически будет что-то означать. Это всегда вопрос интерпретации, но не в смысле тотального релятивизма, а в плане реального производства, частью которого объективно является наша субъективность. Следует, преодолевая господство паранойи, «разоружиться»²⁶, взглянуть в бездну внешнего бытия и определиться с тем, кто мы есть перед его лицом – не рассчитывая, что его изменим, но надеясь, что изменимся мы сами. Речь не о смиренном созерцательном принятии себя и мира в их наличном состоянии. Да, отрешенность²⁷ действительно необходима для геофилософ-

25 МОРТОН Т. *Стать экологичным*. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2019. С. 34–41.

26 СЛОТЕРДАЙК П. *Критика цинического разума*. Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ, 2009. С. 573–574.

27 ХАЙДЕГГЕР М. *Разговор на проселочной дороге*. М.: Высшая школа, 1991. С. 123–127.

ского понимания субъективности, но связана она с приятием не налично сущего в его наличности, а такого здесь-и-сейчас, что обладает возможностью быть иным. Это покой единичного, предстающий высшим напряжением становления, а не уныние паранойяльного реализма. Переосмысление природы как имени определенной интерпретации бытия нельзя отделить от переосмысления нас самих. Рассуждая об отношениях земли и искусства Мартин Хайдеггер писал:

«Ведение состоит, однако, не в простом знании чего-то или в простом представлении о чем-то. Кто подлинно изведал сущее, тот изведал, чего он хочет, находясь среди сущего»²⁸.

Дело не в солипсическом конструировании мира моим Я, а в том, что желание есть объективная стихия. Выражаясь точнее, желание в своей основе является не замкнутой внутри индивида фантазией, а несущей саму субъективность доиндивидуальной силой, закручивающейся в единичном бытии бездонной виртуальной воронкой, где уже нет возможности до конца различить субъективное и объективное, волю и необходимость.

То, что и как мы производим и потребляем, оказывая влияние на экологию, прямо связано с тем, чего мы желаем и какие образы господствуют в экономике нашего воображения. Иначе говоря, наша субъективность – это неотъемлемая часть климатических изменений.

В онтологическом плане субъективность выступает местом одновременно общего порядка целого как представления и его прерывания нередуцируемой единичностью конкретного бытия. Тревожная алеаторика встреч, их сокрытия и сокрытия самого сокрытия, указывает, что субъективность не имеет в своей основе ничего, кроме свободы единичного. Не личность, у которой полицейский спрашивает удостоверение, не идентичность, которую запрашивают различные идеологические силы, и даже не Эго, которое можно уложить на кушетку и препарировать его семейную историю. Речь идет о том простом факте, что возможность быть собой в качестве онтологического условия имеет не личностное сознание, а всего лишь единичность акта бытия. Это не область моего о себе представ-

28 Он же. *Исток художественного творения*. М.: Академический проект, 2008. С. 193.

ления и мнения, коррелирующая с картезианским Эго, а скорее хайдеггеровское *Dasein* («вот-бытие») ²⁹, помысленное через спинозистское *vis existendi* («сила существования») ³⁰ – полное мощи бытие неустранимого горизонта единичности ³¹. Разница лишь в том, что экзистенциально-феноменологическая интерпретация была связана гуманизмом и антропоцентризмом, а геофилософия предполагает постгуманистический взгляд. Да, существуют условия, производящие мою единичность как способную сказать «Я», но онтологически эта единичность ничуть не в большей мере обладает бытием, чем распускающийся на солнце цветок, растущий во тьме горы кристалл и так далее. Точка сингулярности, позволяющая быть собой мне, говорящему «Я», но которая сама по себе есть не Я, а удивительная зона неразличимости природного. Вечность во мгновении. Единство, не похожее на растворение душ в безразличии Единого или в нирваническом Ничто – а напротив, пребывающее в полноте различий. Душа есть жизнь, а жизнь есть нередуцируемое спонтанное явление, то есть свободная единичность. Джорджо Агамбен однажды сказал:

«Не пришло ли время вспомнить, когда живое не было еще ни богом, ни человеком, ни животным, а просто анима, душой, то есть жизнью?» ³²

Сингулярный и контингентный характер бытия предполагают нечто вроде анимизма ³³, где свобода и природа совпадают. Свобода есть необходимость – субъективная необходимость себя самого для каждого сущего и онтологическая необходимость этого единичного как места становления природы.

ИНСТРУМЕНТЫ КРИТИЧЕСКОГО ГЕОСУБЪЕКТИВИЗМА

Геофилософский вопрос о производстве субъективности – это вопрос о жизни как таковой в той мере, в которой ее основание может быть помыслено лишь этико-эстетически. Этика предполагает свободу и ценностное решение, а эстетика – единичный опыт чувствования. И то и другое прямо касается производства субъективности в ее сингулярном геофилософском смысле. Здесь, безусловно, присутствует антисциентистская установка, но не анархо-примитивистский бунт против науки или тех-

29 Хайдеггер М. *К философии (О событии)*. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. С. 384.

30 Спиноза Б. *Этика*. С. 391.

31 Негри А. *Антисовременность Спинозы* // Логос. 2007. № 2. С. 101–115.

32 Агамбен Г. *Dio, uomo, animale* // Quodlibet (www.quodlibet.it/giorgio-agamben-dio-uomo-animale).

33 Стенгерс И. *Восстанавливая анимизм* // Неприкосновенный запас. 2021. № 2(136). С. 80–95.

нологий. Речь о критике сциентизма в смысле определенной идеологии научности, которую деконструировали такие исследователи, как Мишель Фуко, Пол Фейерабенд, Бурно Латур или Джон Ло. Идеология сциентизма вступает в конфликт не только с геофилософией и с целями заботы о природе, но и со многими аспектами реальной практики самих научных исследований. В этом смысле этико-эстетический опыт субъективности не ограничивается энвайронментальным письмом как практикой размывания классического представления о природе. Геофилософия позволяет также работать с онтологическим расколом естественнонаучного и гуманитарного знания в классической диспозиции природы. Примером такой работы служит анализ *сборок*³⁴ или *ассамбляжей*³⁵. Речь не только об эпистемологической, но и политической работе, поскольку многие властные режимы эксплуатируют эту оппозицию, натурализуя свои репрессивно-идеологические механизмы. Классическая трактовка природы давно уже стала экраном идеологических проекций и социокультурных импликаций.

ЕГОР ДОРОЖКИН
ГЕОФИЛОСОФИЯ
СУМРАЧНОГО МИРА...

Желание в своей основе является не замкнутой внутри индивида фантазией, а несущей саму субъективность доиндивидуальной силой, закручивающейся в единичном бытии бездонной виртуальной воронкой, где уже нет возможности до конца различить субъективное и объективное, волю и необходимость.

Романтизм, которому критически наследует геофилософия, верил, что свобода и красота есть путь к природе – это специфическая форма более широкого мистического тезиса «что внутри, то и снаружи»³⁶. Она не лишена смысла при условии, что мы оснастили ее подходящим критическим инструментарием, а не свели к немоте общих слов. Подобное критическое оснащение постромантического общего чувства становится вопросом философии природы как практической философии свободы единичного на стыке эстетики, этики и политики. Для ее создания геофилософия применяет инструментарий, в котором можно выделить три основных блока.

34 Делёз Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато. Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 7–44.

35 Деланда М. *Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность*. Пермь: Гиле пресс, 2018. С. 19.

36 Беме Я. *De signatura rerum, или О рождении и обозначении всех сущностей*. Уфа: ARC, 2020. С. 127; Бердяев Н. *Этюды о Якобе Беме*. СПб.: Санкт-Петербургское общество Мартина Лютера, 2021. С. 8.

Во-первых, это исследование аффективности, поскольку аффект является нерепрезентативной основой производства субъективности. Следует различать социально конструируемое чувство, психологически переживаемую эмоцию и, собственно, аффект. Все они случаются только в субъективном опыте, но последний скрывает в себе чистую силу внешнего. Не внешних идеологических интерпелляций, а природу, то есть имманентное производство единичного. Аффект – это область природных активностей, космических связей, которые производят «меня» в качестве нередуцируемого к собственным условиям среза становления природы. Исследование аффекта в указанном смысле предпринимали Брайан Массуми³⁷, Стивен Шавиро³⁸, Марк Фишер³⁹, Жиль Делёз⁴⁰.

Во-вторых, геофилософия активно прибегает к этнографии и антропологии. Если даже представитель современной научной рациональности, претендовавший на статус универсального субъекта, таковым не является – значит, все мы подлежим такому же антропологическому исследованию, как и представители примитивных народов, которыми изначально занималась этнография. Мы те же дикари, а наши города – те же джунгли. Поэтому Бруно Латур предложил симметричную антропологию⁴¹, а еще раньше попытки деуниверсализации классической рациональности предпринимались Мишелем Фуко⁴². Отсюда пафос новых антропологов, таких как Филипп Дескола⁴³, Тим Ингольд⁴⁴, Вивейруш де Кастру⁴⁵. Дело не в натуралистической редукции, отождествляющей современную субъектность с примитивной как соответствующей природе. Напротив, деконструируется само представление о привилегированном субъекте, будь то нововременный ученый, чья рациональность якобы совпадает с порядком Природы, или благородный дикарь, чей нрав якобы пребывает в первозданной гармонии с Природой. Археология нас самих, антропология нововременных, симметричное исследование примитивного необходимы для освобождения опыта человеческого как гетерогенного опыта природы, как мультинатурализма⁴⁶, а не в качестве натуралистической редукции.

37 MASSUMI B. *Parables for the Virtual. Movement, Affect, Sensation*. Durham: Duke University Press, 2002. P. 23–45.

38 ШАВИРО С. *Вселенная вещей* // Логос. 2017. № 3. С. 127–153.

39 FISHER M. *The Weird and the Eerie*. London: Repeater Books, 2017. P. 8–13.

40 ДЕЛЁЗ Ж. *Спиноза и проблема выражения*. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. С. 178–194.

41 ЛАТУР Б. *Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.

42 Фуко М. *Указ. соч.*

43 ДЕСКОЛА Ф. *По ту сторону природы и культуры*. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

44 INGOLD T. *The Perception of the Environment*. London; New York: Routledge, 2000.

45 ВИВЕЙРУШ ДЕ КАСТРУ Э. *Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.

46 Там же. С. 31.

В-третьих, геофилософия может прибегать к хонтологии⁴⁷. Данный ход менее очевиден и существенно реже встречается у геофилософов, чем исследования аффективности или симметричная антропология. Тем не менее хонтологическая оптика может быть продуктивной, что прямо демонстрируют Хилан Бенсусан⁴⁸, Тимоти Мортон⁴⁹, Марк Фишер⁵⁰ и даже Жак Деррида, чья спектрология и грамματοлогия гораздо ближе спекулятивному материализму, чем это готов признать Квентин Мейясу⁵¹. Эффекты призрачного, сети отсутствий, в которых заключено любое актуальное присутствие, выступают не просто контекстом для исследования ностальгии в современной поп-культуре. Призраки указывают на область объективности субъективного, на доиндивидуальное становление в индивидуальном не меньше, чем материализм аффекта или антропологическое производство.

Все перечисленные средства успешно функционируют в перспективе критического геосубъективизма, но стоит отметить, что они не сводятся к статусу нейтрального инструмента. Познание неразрывно связано с желанием – в их случае это желание обнаружить другое место, расположенное вне современной паранойяльной политики, зажатой в тисках между постмодернистскими правыми и постмодернистскими левыми, вне ее исторического тупика, вне наших собственных депрессивных границ. Желание опереться на новый универсализм для нового земного будущего. Когда-то подобной универсализирующей опорой было мистическое тело церкви, затем ею стала политическая утопия модерна, захлебнувшаяся в позднем капитализме. В XXI веке геофилософия пытается найти опору в самой природе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. К ИМАГИНАТИВНОМУ РЕАЛИЗМУ

Геофилософия перестает мыслить природу некой противопоставленной человеку позитивной тотальностью, открывая ее как становление в непосредственности единичного. Это становление есть сама земля, какой она встречается в критически

47 Дорожкин Е.Л. *Призракология (хонтология) как философский поиск другой современности* // Философская мысль. 2022. № 3. С. 42–50.

48 БЕНСУСАН Х. *Полемос не укрощается миром: об анархеологии, онтологии и политике* // *lmnt.space*. 2021. № 2 (<http://lmnt.space/portfolio/materialism-lost-in-the-woods/>).

49 МОРТОН Т. *Род человеческий. Солидарность с нечеловеческим народом*. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. С. 112.

50 ФИШЕР М. *Призраки моей жизни. Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем*. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

51 GOLDBABER D. *Speculative Grammatology: Deconstruction and the New Materialism*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021.

переосмысленном опыте субъективности. Это встреча с миром, который более не предстает ясным и отчетливым целым, но чьи сумерки являются «теплым» опытом земного. Сумрак мира и философская лирика его освоения вовсе не ведут к постмодернистскому бегству в литературу и к окончательному замыканию в корреляционном круге самореферентности (антропо) логического. Напротив, освобожденное воображение в познании природы оказывается наиболее реалистической философской стратегией, позволяющей увидеть за спекулятивным реализмом более широкую перспективу критического эстетизма⁵² и имагинативного реализма⁵³. Геофилософия и характерная для нее онтопоэтическая идея снимают классическое противопоставление человека природе, обнаруживая в самом человеке природную продуктивность, гораздо более чувствительную к гетерогенности внешнего бытия, чем он сам о том думает. По ту сторону моего представления нечто во мне больше меня самого – не безразличие мистического бога, а кишашее допознательными различиями материальное бессознательное. Даже самый яркий свет разума не способен рассеять сумерки мира, что вовсе не означает отказа от разума и неореакционной позиции. Мы приходим к мысли об анимистической сумрачности мира вполне разумным путем, а не через состояние транса, фольклорный обычай или церковный догмат. Поэтому необходимо создавать более изощренные и гибкие типы рациональности, способные функционировать в той неизбывной таинственности, с которой связано существование на земле.

52 ШАВИРО С. *Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика*. Пермь: Гиле пресс, 2018. С. 12.

53 ГОЛОСОВКЕР Я.Э. *Имагинативный абсолют*. М.: Академический проект, 2012. С. 183.

Животное и сообщество: к проблеме взаимосвязи политического и экологического

ДМИТРИЙ
ШАТАЛОВ-
ДАВИДОВ

Сообщество – достаточно проработанная в философии тема. Сообщество влюбленных, сообщество пишущих, сообщество друзей, сообщество смертных – можно найти большое количество примеров различных подходов и пониманий бытия-совместно (*Mitsein*)¹. Однако всякий раз, когда обсуждается сообщество, бытие-совместно, за скобками оказывается экологическое (ойкотическое): растения, животные, камни – словом, все то, что это сообщество окружает, входит в пространство совместности. Действительно, ойкос, как бы мы его ни трактовали (от домохозяйства до окружающей среды), неотделим от человеческого сообщества, но начиная с Аристотеля традиционно исключался из него. В настоящей статье мы обращаемся к проблеме отношения сообщества и ойкотической среды, полномочным представителем которой здесь выступает животное, метонимически отсылающее к животному вообще.

Начнем с констатации (1) присваивающего характера развития человечества, что, в конечном счете, приводит к истощению среды (см. доклады Римского клуба «Пределы роста», «Мировая динамика» и другие), и (2) доминирующего положения политического по отношению к экологическому. Это доминирование мы наблюдаем как в рамках современных политик, связанных с экстенсивным развитием и разрушающих локальные биоценозы в период после промышленной революции в целом, так и на уровне работы нынешних разнообразных климатических комиссий и инициатив по улучшению природопользования, вроде бы призванных купировать эксцессы этого экстенсивного развития. То есть даже в случае установления равных прав на отсутствие страданий для всех видов

Дмитрий Юрьевич Шаталов-Давыдов (р. 1987) – сотрудник Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, специалист в области политической философии и философии природы.

1 В тексте используется интерпретация Жан-Люка Нанси (которой следует и Морис Бланшо в своей работе о сообществе): «“Со”, “вместе” или “совместно” очевидно не означает ни “друг в друге”, ни “друг вместо друга”. Оно содержит в себе внеположенность. [...] Одновременно это не значит просто “рядом” или “соположено”. Логика “со” – со-бытия, *Mitsein*, которая у Хайдеггера современна и коррелятивна *Dasein* – это сингулярная логика внутренне-внешнего» (Нанси Ж.-Л. *Непроизводимое сообщество*. М.: Водолей, 2011. С. 160).

политическое сообщество людей выступает как то, что господствует над экологическим: именно оно устанавливает границы, дарует/отбирает право. Такое отношение сформулировано еще в первой книге «Политики» Аристотеля: есть типы общения, одинаковые у человека и животных (рабство/господство, семья), и есть лишь один тип общения, свойственный только человеческой форме жизни, – филия, политическое общение².

Обозначим, что представляет собой сообщество. В рамках рассматриваемой нами традиции (в первую очередь это работы Жоржа Батая, Жан-Люка Нанси и Мориса Бланшо³) это бытие-совместно индивидов, пространство, в котором производится со-общение. Так можно выделить сообщества ученых, влюбленных, хасидов, монахов и так далее. «Сообщество [...] тяготеет к причастности, даже слиянию, то есть сплавлению, в котором различные элементы становятся чем-то единым»⁴. Причастность – это то, посредством чего бытие-совместно являет себя. Рассматривая проблему *Mitsein*, Морис Бланшо так определяет сообщество:

«Я повторяю за Батаем вопрос: для чего нам “сообщество”? Ответ на него дается достаточно ясный: “В основе каждого существа лежит принцип недостаточности” (принцип неполноценности). Это и в самом деле принцип, определяющий возможности определенного существа и направляющий их. Отсюда следует, что такая принципиальная нехватка не связана с необходимостью полноценности. Несовершенное существо не стремится объединиться с другим существом ради создания полноценной общности. Сознание несовершенности происходит от его собственной неуверенности в самом себе, и, чтобы осуществиться, ему необходимо нечто другое или некто другой»⁵.

Устремленность к Другому – тому, кто может засвидетельствовать мою смерть посредством речи или письма. «Я» рождается в глазах другого, существа, наделенного речью, и я умирает в глазах другого – рождение и смерть как два экзистенциальных предела, недоступных существу и задающих это сущее. Таким образом, Другой выступает как мой предел, как тот, кто определяет меня в качестве живого, и тот, кто засвидетельствует меня в качестве мертвого. Я и Другой – это всегда бытие, устремленное к Другому, это всегда бытие-совместно (*Mitsein*). И здесь мы должны перейти к тому, кто лишен общения, речи.

2 АРИСТОТЕЛЬ. *Политика*. М.: Академический проект, 2015. С. 15–24.

3 НАНСИ Ж.-Л. *Указ. соч.*; БЛАНШО М. *Неописуемое сообщество*. М.: Московский философский фонд, 1998; БАТАЙ Ж. «Проклятая часть»: *сакральная социология*. М.: Ладомир, 2006.

4 БЛАНШО М. *Указ. соч.* С. 10.

5 Там же. С. 4.

Животное лишено речи – оно не способно к выявлению своего Я как существующего. Поэтому оно редуцируется до «живого механизма» – о чем читаем у Декарта и некоторых других авторов. Но и, критически настроенный по отношению к механизму, Мартин Хайдеггер не возвращает животному никаких прав. «Животное скудомирно» (*weltarm*) – находим в «Основных понятиях метафизики». Отличие животного от камня в том, что живое способно умереть. Однако смерть животного не то же самое, что смерть человека: животное не может схватить смерть в форме страдания (*nicht sterben*), поскольку оно лишь существует в мире, но не имеет его. Животное действует в рамках инстинктов и не обладает как-структурой (*als-Struktur*), способностью понимать нечто как нечто⁶. Так ящерица, сидящая на камне, безусловно, «имеет отношение с камнем как покоящаяся на нем, но она не схватывает камень как камень»⁷.

ДМИТРИЙ ШАТАЛОВ-
ДАВЫДОВ
ЖИВОТНОЕ
И СООБЩЕСТВО...

**Даже в случае установления равных прав на
отсутствие страданий для всех видов политическое
сообщество людей выступает как то, что господствует
над экологическим: именно оно устанавливает
границы, дарует/отбирает право.**

Анализируя «Основные понятия метафизики», Деррида заостряет внимание на приводимом Хайдеггером противоречии: животное имеет и не имеет мира, имеет и не имеет отношения к миру как таковому (*als-Struktur*) – будучи помещенным в мир, оно не схватывает его⁸. Обращение к Хайдеггеру вскрывает приставку *mit* по отношению к *Sein*. Так, рассуждая о со-путствии домашнего животного (собаки) и человека, Хайдеггер отмечает, что они оба, безусловно, находятся в одном помещении – в доме. Однако существование собаки и существование человека при этом сущностно различны: «*Ein Hund nicht existiert, sondern nun lebt*» («Собака не экзистировала, но лишь живет»⁹). Глагол *existieren* (существовать) относится исключительно к аналитике *Dasein* – только *Dasein* имеет мир в полном смысле слова и относится к животному как к животному, тем самым задавая его бытие в мире. Собака может просто быть, однако она

6 «Как-структура, предварительное вняние чего-то как чего-то, вняние, образующее единство, есть условие возможности истины и ложности “логоса”» (ХАЙДЕГГЕР М. *Основные понятия метафизики*. СПб.: Владимир Даль, 2013. С. 473).

7 Там же. С. 406–411.

8 DERRIDA J. *The Animal That Therefore I Am*. New York: Fordham University Press, 2008. P. 155–160.

9 ХАЙДЕГГЕР М. *Указ. соч.* С. 322.

не может быть-совместно: она лишь «скудомирно» пребывает в помещении, не схватывая его (не имея способности к мирообразованию посредством со-общения, речи). Невозможность со-общения для собаки исключает ее из совместного бытия. Беря радикальный модус: человек свидетельствует смерть собаки, собака не свидетельствует смерти человека (наличие речи vs отсутствие речи). Собака как Другой на первый взгляд невозможна.

Однако здесь необходимо на время оставить хайдеггеровскую завороченность языком и обратиться к эссе Эммануэля Левинаса «Имя пса или естественное право» и его главному герою – псу по кличке Бобби. В этом тексте Левинас делает два ключевых хода. Во-первых, он показывает, как военнопленные, узники концлагеря, низводятся до стаи обезьян и воспринимаются обычными людьми в качестве живого, но уже нечеловеческого – депривация человеческих качеств приводит к отказу от способности быть-совместно, быть в качестве Другого. «Они сдирали с нас нашу человеческую кожу. [...] Существа, запертые в своем биологическом виде; несмотря на весь свой словарный запас, бессловесные существа»¹⁰.

Во-вторых, Левинас обращает внимание на коммуникацию военнопленных с бродячим псом, получившим имя Бобби. Бобби способен воспринимать равным образом и охрану, и военнопленных как людей и относиться к обеим группам одинаково, снимая депривацию, описанную выше: «Для него – это неоспоримо! – мы были людьми»¹¹. Существо, не способное к речи, тем не менее коммуницирует так, как будто действует исходя из кантианской максимы. «Последний кантианец в нацистской Германии» выступает свидетелем человечности человека, при этом этика, логика и речь у него отсутствуют¹². Возможно, именно бессловесность и делает его бесстрастным, невовлеченным свидетелем. Животное всегда «стоит к» человеку, его бытие – это безмолвное свидетельство.

Мы вновь возвращаемся к собаке в примере Хайдеггера – собаке, которая может бегать рядом с человеком, но не может с ним сосуществовать. Эта невозможная совместность или совместная невозможность заключена во взгляде животного, взгляде, свидетельствующем о человечности любого стоящего перед ним человека. Если на первом шаге Левинас демонстрирует нам искусственное производство Другого (узника) как абсолютно Другого – того, с кем невозможно бытие-совместно, то на втором – мы сталкиваемся со смотрящим на нас и играющим с нами псом – своего рода природным Другим: с ним тоже

10 Левинас Э. *Избранное. Трудная свобода*. М.: РОССПЭН, 2004. С. 454.

11 Там же. С. 455.

12 DERRIDA J. *Op. cit.* P. 116.

невозможно бытие-совместно, но эта невозможность и делает его тем, кто уравнивает в их человечности и депривированно-го лагерного узника, и немца. Чужой взгляд природного абсолютно Другого не способен к какой-либо коммуникации, если и только если коммуникация подразумевает речь, логос, этику. Если (и только если) коммуникация – это политика, взгляд животного неполитичен.

О противоположности жизни политической и жизни природной читаем еще у Аристотеля. Политическое – это ко всему прочему и не любая речь, но такая, которая оказывается филией, дружеским общением. Однако общение, делающее жизнь человека политической, а следовательно, более высокой, чем ойкиотическая, не может исключить из себя этого ойкиотического. Почему политическое стремится к ограничению ойкиотического? Возврат ойкиотического в полис (представим царя, объявившего себя отцом по отношению к гражданам, редуцирующего общение с политического до общения семейного) делает невозможным филию, со-общение, сводя это со-общение до просто существования.

Многие практики сообщества связаны с использованием животных. Начнем с ветхозаветных сюжетов. Как устанавливается власть человека по отношению ко всем прочим тварям земным? Животные, лишенные речи и имен, получают из уст Адама имя, от которого они не могут отказаться (акт именованья учреждает власть человека над животным; как бог властвует над миром посредством слова, так и в основании власти Адама покоится логос¹³). Животное, обретающее имя от Другого, включается в окружение человека и, в конечном счете, подпадает под его власть всем своим существом – от рождения до смерти (одомашнивание и скотоводство).

Второй сюжет – заместительная жертва агнца, принесенная Авелем (скотоводство, управление популяцией животных, подчинение окружающей среды, понравившееся богу), приводит к первой смерти человека, то есть к смерти, фиксируемой тем Другим, с которым возможно со-общение (Каин – это земледелие, собирательство). Первая смерть как открытие смерти Другого одновременно является и человеческим жертвоприношением (брат, буквально тот же самый, но и одновременно Другой) – предельным даром, растратой перед божественным. Так власть над живым, не способным к речи, открывает возможность предельной биологической власти над живым, к речи способным, – убийство здесь должно рассматриваться в качестве крайнего средства регистрации Другого. Извращенность этого акта делает Каина сакральной фигурой: он отме-

13 Проблема наделения именем хорошо освещается в ряде работ Деррида. См., например: ИДЕМ. *Op. cit.*; ДЕРРИДА Ж. *Эссе об имени*. СПб.: Алетейя, 2015.

чен богом, его необходимо проклясть и невозможно убить. Акт первого убийства (акт человеческого жертвоприношения, замещающего экономическое жертвоприношение) вскрывает правду о пределе Я, о смертности Я перед лицом Другого: смерть Другого от руки этого Я размыкает бытие-совместно – там, где Другой уничтожен мной, невозможна фиксация моей смерти – отсюда Каин, вечный скиталец, лишенный возможности умереть, (само)исключенный из бытия-совместно.

Третий сюжет представляет собой инверсию второго – это миф об Аврааме и его сыне Исааке, в котором фигурирует еще и животное, приносимое в жертву вместо Исаака. Вернее, в этом библейском рассказе речь идет о нескольких животных: во-первых, об осле, вьючном животном, несущем груз, который остается у подножия горы; во-вторых, об отсутствующем агнце («вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?») (Быт. 22, 6–7) – стандартный дар скотовода божеству (дар Авеля из второго сюжета)); в третьих, об овне, запутавшимся в ветвях, – случайная жертва, замещающая собой первенца. Здесь уместно прочесть этот сюжет с точки зрения теории Рене Жирара о заместительной жертве¹⁴. Символическое жертвоприношение животного значимо для сообщества, оно замещает собой жертвоприношение одного из его членов – фиксирует смерть Другого, замещенную смертью животного; в случае же конфликта смерть животного замещается на прямое человеческое жертвоприношение (возвращая смерть Другого как предельный дар). В механизме жертвоприношения животного, экономического дара божеству, животное присутствует в бытии-совместно сообщества, его наличие/отсутствие играет правоустанавливающую роль – миф воспроизводится всякий раз жертвоприношением животного.

Уместно вспомнить и об аналитике растраты ценного, приводимой Жоржем Батаем: самым ценным в сообществе является царь, поэтому предельная жертва – это жертвоприношение царя, однако царь слишком силен, поэтому его жертва заменяется жертвоприношением раба, одетого в царские одежды, и животных¹⁵. Механизм сюжета о «козле отпущения», с точки зрения Жирара, вступает в силу тогда, когда сообщество погружается в конфликт. Жертва выбирается из членов сообщества: обвиняемый такой же, как и все остальные, однако в ходе процесса обвинения он все больше проявляет себя как Другой. Открываются бестиальные черты жертвы: человек, обвиняемый сообществом, жертва миметического насилия, начинает походить на что-то звериное, демоническое (см. аналитику чуда Аполлония Тианского, подговорившего погрязших в сканда-

¹⁴ ЖИРАР Р. *Я вижу Сатану, падающего как молния*. М.: Издательство ББИ, 2020.

¹⁵ БАТАЙ Ж. *Внутренний опыт // Он же. Сумма теологии*. М.: Ладомир, 2016. С. 198–199.

лах жителей Эфеса к побиению камнями случайного нищего – в ходе обвинительного процесса жители видели все больше и больше бестиальных черт в фигуре несчастного старика)¹⁶.

Жертвоприношение демонстрирует одну крайность – это механизм выталкивания животного из обыденной экономики и наделения его функцией дара, заменяющего предельный дар смерти, приносимый Другим. Противоположный ему акт – включение живого в совместное пространство, его одомашнивание. Одомашненное животное сосуществует с человеком? По сути, оно исключено из со-общения в силу невозможности ответа. Животные, получившие имя от человека, не могут от него отказаться – у них нет возможности ответить. Любопытным примером здесь является эпизод одомашнивания козленка Робинзоном Крузо из романа Даниэля Дефо и интерпретация этого эпизода Роланом Бартом. Одомашниванию предшествует насилие – Робинзон ранит козленка, но затем решает его сохранить (козленок как живой «ресурс»). Однако со временем козленок стал настолько ручным, что «впоследствии никогда не отходил от меня» – его фигура знаменует собой «смирненное, неагрессивное присутствие», то есть функцию домашнего животного в современных условиях (положительный аффект от общения с домашним животным)¹⁷. Приручение превращает животное в инструмент – так выражается человеческая власть над ним. Селекция, заменяющая естественный отбор, обеспечивает сохранение и воспроизводство качеств животного, полезных и в материальном смысле, и в аффективном. Эта воспроизводящаяся полезность (подручность) становится двойным орудием – порабощения для животного и «гоминизации» для человека-хозяина. Ролан Барт отмечает: «Создание аффекта посредством власти, создание власти-аффекта, применение власти для обретения аффекта. В самом деле, в Робинзоне Крузо родился человек – через козленка»¹⁸.

Приведенные примеры достаточно «травоядны». Однако и хищному животному находится место рядом с сообществом. Обратимся к волчьей метафоре происхождения царской власти в Риме, ее связи с Венерой (и плодородием в самом широком смысле, титул Август означает «умножающий»). Анализ перехода от животного начала к человеческому в римской культуре, проделанный Паскалем Киньяром, фиксирует внимание на охоте¹⁹. Постепенно, термин распространяется и на людей – «охота на человека» (например на гладиаторской

ДМИТРИЙ ШТАЛОВ-
ДАВЫДОВ

ЖИВОТНОЕ
И СООБЩЕСТВО...

16 ЖИРАР Р. *Указ. соч.* С. 57–58.

17 БАРТ Р. *Как жить вместе. Романтические симуляции некоторых пространств повседневности.* М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 79–80.

18 Там же. С. 80.

19 КИНЬЯР П. *Секс и страх.* М.: Текст, 2020. С. 137.

арене). Император Октавиан Август, согласно Светонию, ввел традицию, в которой смешаны война и охота: после нескольких десятилетий гражданских войн и завоеваний, жестокость и энергия граждан должна быть направлена на гладиаторскую арену (туда выходят молодые патриции, пока Сенат не запрещает этого специальным указом²⁰). Сама фигура принцепса становится бестиальна, его *virtus* (добродетельность) оказывается связана со способностью повелевать уподобляющимися диким зверям гражданами²¹.

Селекция, заменяющая естественный отбор, обеспечивает сохранение и воспроизводство качеств животного, полезных и в материальном смысле, и в аффективном. Эта воспроизводящаяся полезность становится двойным орудием – порабощения для животного и «гоминизации» для человека-хозяина.

Возьмем фигуру одного из самых жестоких древнеримских правителей – Нерона. Нерон одевался в шкуры хищных зверей, выскакивал из клетки и набрасывался на невольников, привязанных к столбам²², – сцена театрализованной охоты и демонстрация уникальности позиции суверена по отношению к подданным: император настолько же отличается от членов сообщества, насколько отличается дикий плотоядный зверь от своей человеческой жертвы. Еще более примечательное место из Светония – Нерон, демонстрирующий абсолютность своей власти, заявляет об отказе от письма: «О, если бы я не умел писать!»²³. Отказ от речи и письма как отказ от функций быть Другим в бытии-совместно – император желает выйти за пределы этого бытия-совместно, он желает быть выше него.

Этот момент проясняет аналитика суверенности Жоржа Батая: царь, суверен, имеет обособленное существование, он господин, присвоивший себе все бытие-совместно. Именно поэтому фигура царя препятствует со-общению людей, царь (суверен) разрывает сопричастность. Разорванная сопричастность – это разрыв социального, разрыв бытия-совместно, распад социума. Суверен – фигура парадоксальная: с одной стороны, он выступает как вершина процесса присвоения всего (буквально выражая собой эту идею, ему присвоено все сооб-

20 Светоний Г.Т. *Жизнь двенадцати цезарей*. М.: Художественная литература, 1990. С. 56.

21 Киньяр П. *Указ*. соч. С. 138.

22 Светоний Г.Т. *Указ*. соч. С. 162.

23 Там же. С. 154.

щество), с другой стороны, суверен есть тот, кто не дает сообществу быть (так как статус суверена делает всех рабами), мешая коммуникации, отменяя сообщество²⁴. Суверен отменяет бытие-совместно:

ДМИТРИЙ ШТАЛОВ-
ДАВЫДОВ
ЖИВОТНОЕ
И СООБЩЕСТВО...

«Относительным отчуждением, а не рабством определяется суверенный человек, который, поскольку его суверенность подлинна, единственный пользуется неотчуждаемым положением»²⁵.

Бестиальность царя, его молчание – знак этого отчуждения, уникального положения власти, обладающей звериной свободой. В процессе развития социальных систем бестиальность суверена подавлялась и скрывалась, выступая во все более мягких формах. Есть две полярности: животное-орудие, которое человек присвоил себе и которым владеет как вещь (это то, что находится внутри полиса, но не разделяет совместное бытие-со-общение), и хищный зверь (хищная природа в целом, демонстрирующая естественную свободу и принадлежащая только царю – природа, и возвышающая суверена до хозяина всех членов сообщества, и вместе с тем делающая его все более социально немым).

Понимаемое как филия – способность со-общения, реакции, ответа, речи – бытие-совместно выталкивает животное, делает его Другим. Но будучи неспособным засвидетельствовать смерть, оно становится неправильным Другим. Одновременно с этим не способное к со-общению животное уравнивает все установленные политикой иерархии: и господин, и лишенный свободы и самости раб являются просто людьми в глазах левиновского пса. И не становится ли тогда ойкотическое прибежищем для тех, кто стремится прочь от любых властных практик?

Действительно, существует и обратное устремление – от полиса к ойкосу. Продолжая экскурс в античность – и языческую, и христианскую, – обратимся к эпикурейцам и анахоретам. Эпикурейцы стремились к автаркии – возврату к первоначальной свободе, радикальному разрыву с любым рабством. Так практики сада (или виллы) эпикурейцев (см. описание двух домов у Ларийского озера, приводимое Плинием Младшим)²⁶ могут быть интерпретированы как устремление от политического к такой форме жизни, которая ограничивала бы бытие-совместно (это I век нашей эры, эпоха отказа от республики и республиканских добродетелей и утверждения империи, с потерей прав на власть большей частью аристократии; отсюда и

24 Эта мысль переключается с аналитикой суверенности у Джорджо Агамбена: АГАМБЕН Дж. *Номос Сacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа, 2011.

25 БАТАЙ Ж. «Проклятая часть»: *сакральная социология*. С. 326.

26 Плиний Младший. *Письма Плиния Младшего*. М.: Наука, 1983. С. 159.

отъезд из Рима в его окрестности, оставление полиса в пользу виллы, небольшой территории, окруженной природой). Продолжением «атараксии вилл» становится уход все дальше в провинцию (ср. Юлий Додий, консул, после солдатского бунта навсегда покидающий Рим и спокойно пишущий свою историю в деревне), наконец, в Африку, в пустыню, где буквально нет никакой власти (никакой политики).

Монах-анахорет, второй пример, представляет собой феномен обращенности к чистой индивидуальности, к физическому отсутствию бытия-совместно – пустыня воплощает собой это физическое отсутствие, поскольку это место, где буквально ничего нет, а значит, и невозможна никакая власть. Анахоретство – это разрыв общения, бегство от политического (налогов, иерархий, социальных контактов). Анахореты обвиняются в гордыне и излишней любви к животным, которых они себе заводят – домашние питомцы, одомашненные кошки (святой Григорий и его кошка) и прочее. Взаимодействие с животным становится другой формой бытия-совместно, тем осколком политического, который единственно возможен в пустыне (одомашненное животное-друг). Некоторые анахореты буквально начинают превращаться в животных: Фалелий сооружает себе жилище в форме беличьего колеса, Акепсим ходит завернутым в шкуры на четвереньках настолько убедительно, что пастух принимает его за волка, едва не убив. Животные в свою очередь социализируются – львы погребают Павла Фиванского, приносят финики для трапезы Симеону и так далее. Атараксия отшельника преобразует бестиальную природу настолько, что она становится способна свидетельствовать смерть. И обратим внимание, что утверждение христианства в качестве главной и единственной религии Римской империи в 380 году совпадает с уставом Пахомия и осуждением анахоретства (данная форма восточного монашества заменяется на более политический способ бытия-совместно – киновию). Очевидно, что мы имеем дело с попыткой заново встроить индивида в полис, вернуть его к речи и в буквальном смысле поставить на ноги, навязывая ему участие в обязательных собраниях (совместном общении) и подчинение строгой иерархии. И так, бегство от полиса – это слияние с ойкотическим, возвращение к простоте животного; неслучайно животное, даже хищник, может оказаться для анахорета другом.

Ойкотическое всегда рядом с политическим, бегство из полиса осуществимо как устремление к ойкотическому (любопытно проследить связь бегства анахоретов в пустыню и уход американского философа XIX века Генри Торо в лес), тем самым ойкотическое бросает вызов порядку политического. Это среда внутри и вовне сообществ, окружающая их и проника-

ющая в них, участвующая в формировании их идентичности. Ойкотическое необходимо – и в терапевтической дозе полезно политическому. Это подразумевает животное как инструмент, животное как оператора социальной стратификации, животное как метафору власти. В то же время ойкос несет и неконтролируемую вирусную, бактериальную угрозу – анархичные сгустки, от которых политическое еще со времен Аристотеля пытается себя оградить. Если этим сгусткам дать прорваться, они заполнят собой все возможные пространства, они поглотят полис – неуправляемые массы биологического, устанавливающие случайные связи друг с другом.

ДМИТРИЙ ШТАЛОВ-
ДАВЫДОВ
ЖИВОТНОЕ
И СООБЩЕСТВО...

Ойкотическое необходимо – и в терапевтической дозе полезно политическому. Это подразумевает животное как инструмент, животное как оператора социальной стратификации, животное как метафору власти.

Очень ярко это описано в романах Джеффа Вандермеера: в «В городе святых и безумцев» микоидная масса нависает над городом и, в конечном счете, растворяет-поглощает-заполняет город собой; в «Мертвых космонавтах» и «Борне» это Компания, обеспечившая очень быстро вышедший из-под контроля прорыв ойкотического на поверхность (диагностически важно, что экспериментатор, инициатор случайного смешения генов и признаков, оказывается человеком, рот которого сросся с летучей мышью – существом, лишившимся возможности общения)²⁷. Показательна демонстрация Резой Негарестани Пустыни как тотальности полного очищения-отсутствия (предельный порядок в отсутствие всего живого), с одной стороны, и ускользающих от любого порядка подземных нефтяных токов, – с другой²⁸.

Доминирующее политическое – город, окруженный стенами, – противится проникновению бурлящих, недисциплинированных, не поддающихся учету элементов, этому стихийному бульону живого (анархе), из которого политическое возникло. В конечном счете, образ пустыни анахоретов не столь сильно отличается от предельного образа сообщества, устремленного к крайнему, то есть к регистрации собственной смерти (стремление к стиранию всякой цивилизованности до песка и пыли). Огромные по длительности и масштабу космические процессы²⁹

27 ВАНДЕРМЕЕР Дж. *Город святых и безумцев*. М.: АСТ, 2006; Он же. *Странная птица. Мертвые космонавты*. М.: Эксмо, 2021.

28 НЕГАРЕСТАНИ Р. *Циклопедия: соучастие с анонимными материалами*. М.: Носорог, 2019.

29 Здесь мы обращаемся к модели гиперобъектов Тимоти Мортонa: MORTON T. *Hyperobjects. Philosophy and Ecology after the End of World*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013.

столь же не подконтрольны древнему греку, сколь не подконтрольны и современному человеку. Современный полис существует в ситуации глобального потепления и вымирания видов, сообщества вынуждены адаптироваться к этим процессам. Политическое не способно установить свою власть над гиперобъектом, к которому оно принадлежит: глобальное потепление выступает тем абсолютно Иным, с которым невозможно со-общение и над которым невозможно установить никакую власть. Так демонстрируется бессилие политического (прорыв ойкотического в форме вирусной угрозы в 2020 году приводит к тяжелейшему кризису, глобальной инфляции и усилению протестных настроений; этот прорыв купируется посредством разнообразных практик биополитического контроля, но купируется не до конца – регистрация и повсеместный контроль оказываются не в состоянии полностью остановить распространение вируса).

Фигура Животного в этом контексте симптоматична в своей амбивалентности: будучи частью фюзиса, животное тем не менее подконтрольно человеку – хотя в разных случаях по-разному: оно может быть приручено и стать частью домохозяйства, может быть посажено в клетку для забавы, может стать расходным биоматериалом или, напротив, обрести права. Животное – жертва богам (возвращение присвоенного, оторванного от среды, обратно в среду). Животное – переносчик неведомых бактерий и вирусов потенциальных угроз (крысы, летучие мыши). Дионис из «Вакханок» Еврипида, схваченный, помещенный в тюрьму царем, – это образ животного. И одновременно с этим Дионис ускользает от Пенсея, вызывает помешательство у женщин, заставляет их покинуть город и, наконец, убить царя. Еврипид показывает весь круг отношений полиса и ойкоса. Политическое стремится защититься от всепоглощающего анархического безумия ойкотического. И в то же время, будучи частью ойкотического, оно не может надежно от него отгородиться – политические практики нуждаются в ойкотическом.

Вина вещей. Комментарий к изречению Анаксимандра

БОГДАН
ГРОМОВ

ВВЕДЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ МЫШЛЕНИЯ НАЧАЛА

Философия – это наука, способная рассуждать о том, что важно. Речи о важном говорятся дважды: первый раз, когда речь относит свой предмет к категории важных вещей; второй раз, когда относительно вещи, чья важность установлена, высказывается истинное суждение. Важнейшим предметом философской речи была и остается тема начала, поскольку, во-первых, начало начальствует, главенствует, оно раньше, старше, дольше, устойчивее, а значит, и важнее; во-вторых, начало к чему-то предназначает, что-то предрекает, начало имеет цель и смысл, то есть о начале может быть высказано истинное суждение.

Поскольку начало есть начало чего-то, а не ничего, и поскольку тема начала в философии касается вопрошания о бытии в его целом – проблема мышления Начала есть проблема онтологическая.

Далее, если начало имеет цель и смысл, к этим цели и смыслу приложима функция истинности. Мы можем говорить об истинном смысле или ложно понятой цели. Функция истинности может быть высказана только в суждении, таким образом, проблема мышления Начала есть логическая проблема.

Функция истинности суждения о начале не нейтральна по отношению к высказываемому это суждение. Истина оказывает действие – порождает истинное мнение, убеждение или «веру в правоту». Там, где тема начала касается психических состояний (таких, как убеждения, верования) и действий в соответствие или вопреки этим состояниям, там проблема мышления Начала есть проблема психологии.

Пересечения этих трех философских дисциплин – онтологии, логики, психологии – образуют пространство, платоновскую *χώρα*, местность, в которой суждено родиться проблеме мышления Начала. Важность Начала отмечена фундаментальной важностью онтологии, логики, психологии – и, наоборот, три важнейших дисциплины важны постольку, поскольку близки главнейшей для философии теме Начала.

Мыслителей Начала греки называли *Φυσιολόγοι* – физиологи, то есть те, кто связывает природное (*фюсис*) и словесное (*логос*). Этих же мыслителей стали называть позже натур-

Богдан Юрьевич Громов (р. 1989) – философ, доцент кафедры философии и общественных наук Мининского университета.

философами, область такого мышления – натурфилософией, а еще позже – естествознанием. Связывание фюсического и логического принято считать рождением философии. Следует уточнить, что «физиология» греческих философов скорее была манерой мышления, нежели обособленной дисциплинарной областью, какой является современное естествознание или натурфилософия Нового времени. Важное различие между нововременной физикой и древнегреческой физиологией состоит в том, что мышление Начала не есть просто физическое учение об «элементах» и не есть только материализм или атомизм. Это не полемическая позиция в давно забытом споре и не ответ на один-единственный основной вопрос философии.

Мышление Начала есть начало метафизики. Это действительно и несомненно «первая философия», которая «должна была исследовать не отдельное бытие, но бытие вообще и его существенные свойства; она должна была изучать мир как целое, его прошлое и будущее, начало и предназначение»¹. Хайдеггер называл эту манеру мышления «основонастроением». Он сочетал в этой характеристике два значения: первое, психологическое, значение термина «настроение», то есть психологическую предрасположенность к деятельности, и второе, музыкальную метафору «настроенности», то есть гармоничной слаженности, благозвучности, упорядоченности.

Хорошо иллюстрируют это «основонастроение» слова Платона, приводимые в диалоге «Теэтет» как комментарий к философиям Анаксимандра, Фалеса и Гераклита.

«Именно те первоначала, из которых состоим мы и все прочее, не поддаются объяснению. Каждое из них само по себе можно только назвать, но добавить к этому ничего нельзя – ни того, что оно есть, ни того, что его нет. Ибо в таком случае ему приписывалось бы бытие или небытие, а здесь нельзя приносить ничего, коль скоро высказываются только о нем одном и к нему не подходит ни “само”, ни “то”, ни “каждое”, ни “одно”, ни “это”, ни многое другое в таком же роде. Ведь все эти распространенные слова, хотя и применяются ко всему, все же отличаются от того, к чему они прилагаются. Если б это первоначало можно было выразить и оно имело бы свой внутренний смысл, его надо было бы выражать без посторонней помощи. На самом же деле ни одно из этих начал невозможно объяснить, поскольку им дано только называться, носить какое-то имя. А вот состоящие из этих первоначал вещи и сами представляют собою некое переплетение, и имена их, также переплетаясь, образуют объяснение, сущность которого, как известно, в сплетении имен. Таким образом, эти начала необъяснимы и непознаваемы, они лишь ощутимы. Сложное же познаваемо, выразимо и

1 Лукасевич Я. *О принципе противоречия у Аристотеля. Критическое исследование.* М.; СПб.: ЦГИ, 2012. С. 54.

доступно истинному мнению. Поэтому, если кто составляет себе истинное мнение о чем-то без объяснения, его душа владеет истиной, но не знанием этой вещи; ведь кто не может дать или получить объяснение чего-то, тот этого не знает»².

БОГДАН ГРОМОВ
ВИНА ВЕЩЕЙ.
КОММЕНТАРИЙ
К ИЗРЕЧЕНИЮ
АНАКСИМАНДРА

Первоначала необъяснимы, но известны в истинном мнении; невыразимы, но называемы по именам; непознаваемы, но ощутимы в чувстве. Из этого запутанного объяснения, данного Платоном, точно ясно одно: Начало не есть какая-то абстракция, а наоборот, реальнейшая вещь мышления, само начало мышления, то без чего мышление – не мышление.

Роковая задолженность

Главные темы мышления Начала – первородство и повелевание – явствуют в изречении Анаксимандра: «А из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются, согласно необходимости. Ибо они за свою нечестивость несут наказание и получают возмездие друг от друга в установленное время»³. Этот вариант изречения, переведенный Виталием Целищевым, приводится в учебнике по истории западной философии Бертрам Рассела. Этот перевод, хрестоматийный, понятный, хорошо репрезентирует все сложности и странности начального мышления. Основные темы мышления Начала – предназначение, конец, необходимость – ясно видны уже в этом варианте перевода.

Проблема перевода в философии есть не только проблема приведения высказываний на разных языках к семантической эквиваленции, но также и проблема понимающего истолкования и проблематичного истолкования – в философском переводе должно быть, что именно понимать. Наиболее известный комментарий к Анаксимандру и одновременно наиболее проблематичный перевод изречения принадлежит Мартину Хайдеггеру (1946). Он говорит, что деятельность философского перевода не есть деятельность по повторению сказанного иностранцем, а перевод к собеседованию, то есть перевод через три тысячи лет к со-ответствию речи и мысли⁴. Соответствие речения, высказанного в высказывании, и понимающей мысли сбывает событие истины, связывая обе стороны трехтысячелетнего отстояния собеседников в объясняюще-познающее слово. Деятельность философского перевода есть и достоверное исследование смысла сказанного, и творческое

2 Платон. *Тимей* // Он же. *Собрание сочинений: В 4 т.* М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 264.

3 Рассел Б. *История Западной философии: В 2 кн.* М.: МИФ, 1993. С. 45. Кн. 1.

4 Хайдеггер М. *Разговор на проселочной дороге.* М.: Высшая школа, 1991. С. 29.

истолкование невысказанных положений сказанного, предположение взаимопонимания между говорящими. Язык в деятельности философского перевода призван скорее показывать взаимопонимание говорящих, чем конструировать эквивалентные высказывания.

Перевод изречения, приведенный по изданию «Фрагментов ранних греческих философов» под редакцией Андрея Лебедева, показывает куда более загадочное и смущающее понимание:

«А из каких [начал] вещам рождение, в те же самые и гибель свершается по *роковой задолженности*, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [ущерба] в назначенный срок времени»⁵ (курсив мой. – Б. Г.).

Перевод немецкой версии изречения был выполнен Татьяной Васильевой примерно в то же время, что и перевод Лебедева, и звучит так:

«Из чего же вещи берут происхождение, туда и гибель их идет *по необходимости*; ибо они платят друг другу взыскание и пени за свое бесчинство после установленного срока»⁶ (курсив мой. – Б. Г.).

Греческий текст изречения, сохранный до нашего времени Симпликием в комментариях к физике Аристотеля, выглядит так:

«ἐξ ὧν δὲ ἡ γένεσις ἐστὶ τοῖς οὐσι καὶ τὴν φθορὰν εἰς ταῦτα γίνεσθαι κατὰ τὸ *χρεών* δίδοναι γὰρ αὐτὰ δίκην καὶ τίσιν ἀλλήλοις τῆς ἀδικίας κατὰ τὴν τοῦ χρόνου τάξιν»⁷ (курсив мой. – Б. Г.).

Хайдеггер со ссылкой на Джона Барнета уточняет, что приведенная цитата с высокой долей вероятности дописана Симпликием, чтобы быть помещенной в контекст комментариев к аристотелевской физике, и без вставок, вероятно, выглядит так: «τὸ *χρεών* δίδοναι γὰρ αὐτὰ δίκην καὶ τίσιν ἀλλήλοις τῆς ἀδικίας», то есть «по *роковой задолженности* они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [ущерба]» (курсив мой. – Б. Г.).

Предположительная вставка Симпликия касается двух слов – γένεσις и φθορὰν, – образующих семантическую пару «рождается–разрушается». Симпликий придает изречению Анаксимандра более наукоподобный вид, поскольку с этим дополнением оно отвечает одному из главнейших правил научной риторики – правилу симметрии. Риторическая симметрия научного знания может быть классифицирована по направлени-

5 Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. С. 127.

6 ХАЙДЕГГЕР М. Указ. соч. С. 29. Речь идет об используемом Хайдеггером переводе Дильса.

7 Там же. С. 28.

ям устойчивости, события, повторения, закона природы⁸. Симметрия изречения Анаксимандра может быть схематически представлена следующим образом: вещи устойчивы, потому что отдельные; рождение и гибель вещей сбываются на самом деле; гибель вещей, как и рождение, повторяются с необходимостью; закон расплаты, по которому вещи повинны гибели по факту рождения, – всеобщий закон природы.

Важная новация греческой натурфилософии – открытие этой риторической формы, в которой единственно «истинное мнение с объяснением есть знание»⁹.

БОГДАН ГРОМОВ

ВИНА ВЕЩЕЙ.
КОММЕНТАРИЙ
К ИЗРЕЧЕНИЮ
АНАКСИМАНДРА

Деятельность философского перевода есть и достоверное исследование смысла сказанного, и творческое истолкование невысказанных положений. Язык в деятельности философского перевода призван скорее показывать взаимопонимание говорящих, чем конструировать эквивалентные высказывания.

Общий контекст комментария к «Физике» Аристотеля, в который вписано изречение Анаксимандра, сформирован корпусом текстов «физиологои доксаи», то есть «мнения физиологов», или «мысли тех, кто имел мнение о природе». Одно только название указывает на особенную оценку, которая придавалась мнениям физиологов: это не учение, которому необходимо следовать, а мнения, которые можно принять во внимание. Мнение (докса) есть в некотором смысле личное дело, личное отношения мыслителя к предмету – тогда как истина (алетейя) есть само положение дел, неизменяемое чьим-то личным говорением. Помещая изречение Анаксимандра в корпус «мнений физиологов», Симпликий будто говорит: «Анаксимандр думал так, а Фалес эдак, а Гераклит иначе, а вот учение Аристотеля о Природе говорит, что...». Этим различением на мнения и учение производится важнейшее ограничение области, в которой осуществляется событие истины: оно осуществляется в учении самом по себе, отделенном и от ученого, и от его мнения. Научное знание теперь не всякая мысль и не всякое говорение, а только такое, которое обладает особым статусом и существует в особом модусе: статусом учения и в модусе науки.

Две причины побуждают Симпликия отнести изречение Анаксимандра к мнениям: во-первых, это сказал не Аристо-

⁸ Уайтхед А.Н. *Приключения идей*. М.: ИФРАН, 2009. С. 76.

⁹ Платон. *Тезет* // Он же. *Собрание сочинений...* Т. 2. С. 264.

тель; во-вторых, Анаксимандр «говорит об этом довольно поэтическими словами».

В самом деле, очень особенный, будто бы обвиняющий, тон изречения обращает на себя внимание, смущает. Именно эта риторическая поза «предречения неотвратимой расплаты за прегрешения» кажется странной и провоцирует к тому, чтобы отнести изречение к мнениям. «Поэтические слова», о которых говорит Симпликий, при этом образуют семантические триады, похожие на троп, выражающий некоторый семантический ритм закона:

γένεσις (рождение) – χρεών (задолженность) – φθορὰν (гибель)
ἀδικίας (обида) – δίκην (по суду) – τίσιν (воздаяние)

Частая проблема логики, отмечаемая, например, Людвигом Витгенштейном, состоит в том, что «некоторые вещи не могут быть высказаны, но могут быть показаны»¹⁰. Принципиальная функция слов «естественного языка» в том, чтобы указывать там, где высказывающая способность языка иссякает.

Когнитивная, логическая, коммуникативная, риторическая функция «поэтических выражений» заключается именно в том, чтобы использовать выразительную способность слов, указывая при помощи многозначительных риторических фигур на вещи, которые не имеют места нигде, кроме как в рассуждениях философов¹¹. Это такие вещи, как «благое», «единое», «истинное» и так далее. Сказанное не значит, что этих философских понятий не существует, но это значит, что вещи, не имеющие места, предположены философами в результате особенных оценочных процедур. Так же, как «слово “хороший”, которое в относительном смысле просто означает соответствие определенному установленному стандарту»¹², становится словом ἀγαθόν, то есть «лучший вне обстоятельств», «абсолютно хороший», так же и слово χρεών, что буквально значит «долг по займу» становится «роковой задолженностью».

Становится заметна ось смысловой симметрии, показанная изречением Анаксимандра, – слово χρεών это то, что связывает гибель и рождение, что «воздаст по суду за несправедливость». Если согласиться с Симпликием относительно того, что Анаксимандр выражается поэтически, то следует задаться вопросом: что же выражает изречение? Примем как гипотезу, что «роковая задолженность» в изречении Анаксимандра является метафорическим выражением философского понятия «необходимость».

10 Витгенштейн Л. *Дневники 1914–1916*. М.: Канон+; Реабилитация, 2009. С. 348.

11 Там же. С. 332.

12 Там же.

ФИЛОСОФСКОЕ ПОНЯТИЕ НЕОБХОДИМОСТИ

БОГДАН ГРОМОВ

ВИНА ВЕЩЕЙ.
КОММЕНТАРИЙ
К ИЗРЕЧЕНИЮ
АНАКСИМАНДРА

Необходимость – сильнейшее принуждающее орудие логической истины. Каждый вывод каждого логического умозаключения во всех случаях начинается с подразумеваемого «необходимо, что...». Необходимость в природе связывает причину и следствие в естественных явлениях, а логическая необходимость связывает посылку с выводом в истинном суждении так же, как «расплата по задолженности» связывает рождение и гибель. При этом следует увидеть, что и логическая необходимость является особенной формой метафоры – предвосхищающим ожиданием действия, обусловленного какой-то причиной. Эту область неизбежного действия законов природы мы и называем действительностью, или реальностью. Пределы, в которых может быть приложима принуждающая сила логики, описаны Витгенштейном в одном из афоризмов «Логико-философского трактата»:

«Нет принуждения, заставляющего одно происходить вслед за другим, единственная необходимость, которая существует, – логическая необходимость. [...] И потому люди преклоняются перед законами природы, почитают их ненарушимыми, поклоняются им, как поклонялись в минувшие столетия Богу и Судьбе. И они одновременно правы и неправы: взгляд древних яснее, поскольку у них имелся некий четкий предел, а современная система пытается представить так, будто все уже объяснено»¹³.

Впервые аристотелевский термин «необходимость» был переведен на латынь Боэцием. В «Комментариях к Порфирию» он фиксирует перевод аристотелевского *αναγκαίον* как *necessarium*. Следует обратить внимание, что и Аристотель применял «поэтические выражения», используя имя трагической богини Ананке для создания понятия «необходимость». Далее, уже после Аристотеля, Порифирия, Боэция этот термин оказывается принят Аквином для третьего доказательства существования бога:

«Нельзя не принять бытия некоей сущности, необходимой через саму себя, а не через иное и обуславливающей необходимость всего прочего, что необходимо. И это то, что все зовут Богом»¹⁴.

Еще позже этот термин оказался принят Новым временем для обоснования удивительнейшего предмета нововременной натурфилософской – естественного закона, *lex naturalis*. Принуждение естественного закона в Новое время достигает тотальности, абсолютной неизбежности, выражающейся в словах,

13 Он же. *Логико-философский трактат*. М.: АСТ Астрель, 2010. С. 143, 144.

14 Фома Аквинский. *Сумма теологии. Часть 1. Вопросы 1–43*. Киев: Ника-Центр, 2002. С. 25.

по своей обвинительной силе очень близким изречению Анаксимандра. В «Опытах о законе природы» Джон Локк пишет:

«Представляется, что некоторые статусы вещей неизменны и некоторые обязанности, рожденные необходимостью, не могут быть иными не потому, что природа, или, лучше сказать, Бог, не смогли создать человека иным, но потому, что раз уж он создан именно таким, наделен разумом и другими способностями, рожден для того, чтобы жить в условиях той жизни, то из его природной конституции неизбежно следуют некоторые определенные его обязанности, которые не могут быть иными»¹⁵.

Мысль Локка и изречение Анаксимандра звучат как сказанные об одном и том же, а именно, о неотвратимой расплате, об обязательном к оплате долге.

Переводя термин «необходимость» с греческого на латинский, Бозций осуществляет особенную герменевтическую процедуру, которую можно восстановить, вчитавшись в небольшой, но очень удачный комментарий к переводу этого термина.

«Нам следует сказать и о том, что скрыто в глубине за этими словами. Слово “necessarium” в латинском языке, как и “αναγκαίον” в греческом, имеет несколько значений. В переносном смысле “necessarium” обозначает, по словам Марка Туллия, кого-то своего или нашего (т.е. близкого человека). Затем мы употребляем слово “necessarium”, обозначая им своего рода пользу, когда говорим, например, что нам “необходимо” [*necessarium esse*] спуститься на форум. Третье значение – когда мы, например, говорим о солнце, что оно необходимо должно двигаться: здесь “necessarium esse” значит “necesse esse” (“неизбежно”). Первого из этих трех значений мы можем не касаться, так как оно не имеет ничего общего с тем, что имеет в виду Порфирий. Но зато два последних словно составляют друг с другом... – “necessarium” может обозначать и пользу [*utilitas*], и неизбежность [*necessitas*]»¹⁶.

В итоге «глубинная герменевтика» Северина Бозция очень проста. Бозций, говоря о том, в каком смысле употребляется греческое *αναγκαίον*, уже переведенное им как *necessarium*, выделяет три значения латинского слова «необходимость», а затем не выбирает одно верное значение, а описывает семантическую комбинацию по той же схеме, какую описывал Платон, когда говорил, что «имена, переплетаясь, образуют объяснение, сущность которого, как известно, в сплетении имен». Итого, Бозций указывает значение концепта необходимость следующим образом: *necessarium = utilitas + necessitas*, то есть необходимость – это польза и неизбежность.

15 Локк Дж. *Сочинения: В 3 т.* М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 166.

16 Бозций. «*Утешение философии*» и другие трактаты. М.: Наука, 1990. С. 15.

Следует подчеркнуть особо: именно такая эквивокальная спутанность значения и составляет существо философского понятия. Тончайшие объясняющие различия внутри спутанности философского «логоса» и есть сама практика философской работы.

В качестве обобщения скажем, что о необходимости говорят в четырех смыслах:

1. Как об отношении союза в общем деле: такое понимание обнаруживается в политических философиях Локка, Спинозы, Гоббса.

2. Как об утилитарном следствии человеческого деяния: такое использование обнаруживается в философской психологии Юма и моральной философии Бентама.

3. Как о неизменности истины, исходящей от истинных условий к истинным следствиям: таково знание логики, например, у Лейбница.

4. Как о неизбежности окончания наличного: такова метафора, выраженная начальным мышлением изречения Анаксимандра.

БОГДАН ГРОМОВ

ВИНА ВЕЩЕЙ.
КОММЕНТАРИЙ
К ИЗРЕЧЕНИЮ
АНАКСИМАНДРА

Когнитивная, логическая, коммуникативная, риторическая функция «поэтических выражений» заключается именно в том, чтобы использовать выразительную способность слов, указывая на вещи, которые не имеют места нигде, кроме как в рассуждениях философов.

ВИНА ВЕЩЕЙ

Повелевающее мышление Начала есть положение первопринципа мышления, образующего правило мышления. Начальное мышление – это правилосообразующая деятельность, то есть деятельность в соответствии с повелением мыслить по таким, а не иным правилам, имея этот, а не иной регистр повелений. Положение принципа есть и предположение понятия. Начальное мышление не дедукция, а генерация. Разница между дедукцией логоцентрической философии и генеративным порождением начального мышления в той существенной спутанности, которая сохраняется в многозначном слове начального мышления.

Мартин Хайдеггер, комментируя изречение, указывает на особое присутствие, по обе стороны которого размещена сим-

метрия рождения-гибели. «Присутствующее есть промедлительное. Промедление существует как переходное прибытие в отход. Промедление существует между про-ис-хождением и отходом прочь»¹⁷. Термин хайдеггеровской философии «присутствие», или «вот-бытие», *Dasein*, размещен «между» происхождением (*γένεσις*) и отходом (*φθόρον*). Размещение присутствия от рождения до гибели есть промедление. Что это значит? Термин «промедление» в этом комментарии (в переводе Васильевой) означает то же, что «сдержанность» в других переводах. Хайдеггер использует немецкое слово *Verhaltenheit*, которое можно также перевести и как «поведение» в смысле английского слова *behaviour*, давшего имя бихевиористской психологии и социологии. Поведение в психологическом смысле – это устойчивая реакция на среду, детерминированная окружением и частично предсказуемая. Таково промедление присутствия между рождением и гибелью – это объективация вещи.

Следующим, на что указывает симметрия изречения Анаксимандра, является ожидание. Промедление присутствия может быть помыслено только как «упрямо» ожидающее гибели по вине рождения. Но не есть ли это ожидание принципиальное предвосхищение гибели, рожденное не из опыта, а из требования риторического правила симметрии? Дополненная значением «задолженности» многозначность понятия необходимости рождает саму суть принуждающего действия научного знания – практическую философию. Изречение о необходимости, вписанное в контекст рождения и разрушения, создает особый род естественной причины – вину вещей.

Слово «вина» в русском языке так же многозначно, как и слово «необходимость» в философии. Виновным называют того, кто причинил вред, ущерб, сотворил несправедливость. Кажется, что понятие вины является юридическим и морально-психологическим, но не логическим и не онтологическим. Но вместе с тем вина – только тогда вина, когда она доказана аргументами, то есть вина устанавливается процедурами логики. Вина служит причиной чего-то из существующего, то есть это онтологическое понятие. У Феофана Прокоповича¹⁸ можно было встретить выражения вроде «народ повинен верховной власти», что означало «причастен власти», «причинен верховной власти», то есть рождает верховную власть (в конкретном контексте трактата это власть абсолютного наследного монарха). В этом словоупотреблении само существование народа порождает над собой верховную власть. Этот совершенно особый род вины-причинности истребует следствия для причины в форме расплаты по долгу, учиненному бесчинством.

17 Хайдеггер М. Указ. соч. С. 54.

18 Феофан (архиепископ Елеазар Прокопович). *Избранные труды*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 123.

Это логика и онтология вины. Рожденное виновно гибели в том смысле, что причастно гибели по самому событию своего рождения.

БОГДАН ГРОМОВ
ВИНА ВЕЩЕЙ.
КОММЕНТАРИЙ
К ИЗРЕЧЕНИЮ
АНАКСИМАНДРА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О СИММЕТРИЧНОЙ ЛОГИКЕ НАЧАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Промедление вещи от рождения до гибели, вина и задолженность всех вещей показывают симметрическое предвосхищение гибели как особенной логической необходимости. Упрямое промедление объекта, его косность в собственной форме размещает объект в темпоральной протяженности «между», отмеченной Хайдеггером. Эта темпоральность «от и до» продиктована правилом симметрии, но сама асимметрична, поскольку устремлена в бесконечность. Гибель всех вещей есть предположение от вины рождения всех вещей, но сама эта гибель всех вещей никогда не наблюдалась, следовательно, ее необходимость есть не неизбежность (*necessitas*), а какая-то неизвестная *utilitas*. Предречение гибели несет некоторую пользу.

Эта польза станет понятна, если всмотреться в симметрию «рождение – задолженность – гибель» изречения Анаксимандра. Промедлительность присутствия «между» размещает области самотождественности по ту и эту сторону, создавая мыслимое пространство таблицы, организованной пересечениями тождества и противоречия.

		Противоречие	
Тождество	рождение	зadolженность	гибель
	причина	<i>αναγκαίον</i> необходимость <i>necessarium</i>	следствие
	вина	промедление	вещь

Важнейший принцип логического мышления звучит как: «Два суждения, одно из которых именно это свойство приписывает предмету, тогда как второе ему в этом отказывает, не могут быть одновременно истинными»¹⁹. Невозможная одновременность быть чем-то и ничем есть обратная сторона промедления, необходимости и задолженности, разводящая по сторонам противоречащие друг другу тождествления. Это то самое «бесчинство» вещей, по которому будет происходить взыскание по порядку времени.

19 Лукасевич Я. Указ. соч. С. 61.

Важный и финальный вопрос относительно изречения Анаксимандра: каким же правилом образовано изречение о неизбежности губительной расплаты по вине рождения? Правилom противоречия или правилом симметрии? Чтобы обострить эту проблему, приведем изречение еще одного комментатора и переводчика Анаксимандра – Фридриха Ницше. В одном из посмертно опубликованных фрагментов неопубликованной книги он пишет:

«Мы не можем одно и то же утверждать и отрицать: это субъективный, опытный факт, в нем выражается не “необходимость”, но лишь наша неспособность. Если, по Аристотелю, закон противоречия есть несомненнейший из законов, если он последнее и глубочайшее положение, к которому сводятся все доказательства, если в нем кроется принцип всех других аксиом; тем строже должны мы взвесить, какие утверждения [*Voraussetzungen*] он в сущности уже предполагает. Или в нем утверждается нечто, касающееся действительности сущего, как будто это уже известно из какого-нибудь другого источника; именно, что сущему не могут быть приписываемы противоположные предикаты. Или же закон этот хочет сказать, что сущему не следует приписывать противоположных предикатов. Тогда логика была бы императивом, но не к познанию истинного, а к положению и обработке некоего мира, который должен считаться для нас истинным»²⁰.

Этот комментарий указывает на возможность усомниться в могуществе принуждающей силы логической необходимости. Возможно, что по зрелом размышлении над основонастроением начального мышления мы сможем свободно ответить на вопрос «Что нам за дело до истины?».

20 Цит. по: МАН П. ДЕ. *Аллегории чтения: фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. С. 144.

АЛЕКСАНДР
ПИСАРЕВ

Исследования художественные, политико- теологические и комедийные:

обзор российских
интеллектуальных журналов

Александр Александрович Писарев (р. 1988) – исследователь, переводчик, преподаватель, младший научный сотрудник Института философии РАН.

Рубеж 2023–2024 годов выдался богатым на противоречивые сочетания в темах журналов. Авторы «Логоса» обсуждают феномен художественного исследования, а в «Художественном журнале» темой стала непрямота высказываний искусства. Вокруг политической теологии выстроены материалы «Stasis», а «Ab Imperio» решил обсудить комедийность истории.

Художник как исследователь

Современное искусство, желая высказываться на актуальные темы, обнаруживает

**ОБЗОР
ЖУРНАЛОВ**

213

себя в сложном настоящем, познание которого требует исследовательских инструментов, а не умолчаний здравого смысла. Это одна из причин появления и развития в последние три десятилетия такого жанра, как художественное исследование (*artistic research*). Ему и посвящен «Логос» (2024. № 1).

Как отмечается в редакционном предисловии, между искусством и наукой странные отношения. С одной стороны, научное знание с его строгой рациональностью и доказательной базой воспринимается как навязанное художнику – в качестве материала для иллюстрирования или как форма для теоретизации собственной деятельности в формате магистерской или докторской диссертации. С другой стороны, подчеркивается, что искусство всегда было исследованием, пусть и специфическим. Одновременно происходит умножение видов знания – телесное, перформативное, процедурное, незнание... Вдобавок, как доказывает своей статьей Дмитрий Кралечкин, достоверное и обоснованное знание в принципе в кризисе, поскольку перестало совпадать с действительностью этого мира или логикой оснований.

«Сегодня на знание, его порождение могут претендовать любые сущности и вещи, в любых обстоятельствах, с любыми процедурами обоснования или, наоборот, их отсутствием» (с. 93).

Оно размножается, но не обещает какого-либо итогового синтеза суждения. Все это умножает варианты соединения знания и искусства, усложняя их рисками подмены знания постправдой. В этой ситуации определить художественное исследование становится проблематично. Альтернатива – перейти от определения к изучению того, что подобное исследование может *делать*. Авторы номера следуют обоими путями. Отметим, что читатель сможет собрать набор примет художественного исследования, которые пусть и не сложатся в консистентное определение, но позволят ориентироваться в этом предельно разнообразном поле.

Номер открывает статья Леры Конончук, посвященная художественному исследованию в России. Она начинает свой обзор с обсуждения истории (с. 8–11) и базового определения этого жанра:

«Суть художественного исследования заключается в том, что это исследование чего-то внеположного искусству средствами искусства, через поиск соответствующего теме или направлению изысканий художественного метода, результатом которого также становится искусство, в свою очередь (в наиболее успешном случае) переопределяющее саму сущность того, чем искусство является» (с. 14).

Ирит Рогофф, цитируемая Конончук, замечает, что знание в искусстве постоянно ищет форму – через архивы, озвучание, телесное воплощение, образовательные платформы, сотрудничество, разговор, обмен, коллективное и индивидуальное движение и другие «эпистемические изобретения». Альтернатива – понимать художественное знание через *диспозитив* производства знания в искусстве:

«Анализировать его как практическую активность, которая каждый раз *разворачивается* заново, с учетом новых практик, мер, тел, институтов, намерений, теорий, технологий и прочих лингвистических и нелингвистических явлений» (с. 17).

В этой двойной рамке – связь между предметом и методом, переопределяющая суть искусства, и диспозитив производства знания – Конончук анализирует российские кейсы художественного исследования (с конца 2000-х: точка отсчета – картина «Труд» Дианы Мачулиной).

Определенная популярность художественных исследований обусловила крен арт-резиденций в сторону исследовательского искусства. Этой тенденции посвящена статья Жени Чайки. Она анализирует эту тему, пользуясь философией создания миров Нельсона Гудмена: художественные резиденции – это «лаборатории по созданию миров» (с. 51).

Ольга Широкоступ сосредотачивается на генеалогии художественного исследования как явления и дискуссиях, развернувшихся вокруг него. По ее мнению, отличительной чертой художественного произведения является *аргументация* точки зрения, формируемая в ходе контекстуальной, интерпретационной и концептуальной работы художника. Широкоступ подчеркивает, что, хотя этот жанр возник в академии, он не должен быть колонизирован ею.

«Дать множество уникальных имен, принять, что художественное исследование – это спектр понятий, и вернуться к поэтическому языку его описания, а не к языку науки – это, вероятно, попытка “перезапустить” дискуссию о художественном исследовании с тем, чтобы больше говорить о самой практике и уникальных кейсах, а не о дисциплине и ее месте в академии» (с. 66).

Впрочем, замечает исследовательница вслед за Бишоп, зачастую художники не

производят знание, а занимаются пересборкой фрагментов информации, что не направлено на изменение существующих структур знания и только погружает в неопределенность (с. 67). Но, возможно, дело в том, что акцент должен быть сделан не на создании оригинального знания, но на прояснении уже существующего – туманного, нестабильного, ускользающего, – на что указывают и Конончук, и Широкоступ (с. 12, 67). В этом и состоит выход «из-под опеки академии».

Вместо определений художественного исследования Широкоступ предлагает говорить об «*отличительных способах производства знаний* и строить *рабочие схемы, базовые формы и формулы*» (с. 70), в основе которых социальное и теоретическое воображение, герменевтика, концептуальные, лингвистические и доказательные инновации, вербализация. По мнению Мики Ханнула, Юхи Суоранты и Тере Вадена, цитируемых исследовательницей, художественное исследование *процессуально* и трансформируется от фазы к фазе:

«Художественный процесс – это общая структура, с которой начинается исследование и к которой оно возвращается (двигаясь изнутри вовнутрь), и он чередуется с более или менее отчетливыми фазами контекстуальной/концептуальной работы. Вместе эти два вида действий образуют непрерывный исследовательский процесс» (с. 71).

Подробнее о методологии художественного исследования читатель узнает из статьи Станислава Шурипы, в которой делается акцент на сценариях ответа на кризис воображения, провоцируемый цифровым капитализмом. Эту тему продолжает Константин Бохоров, чей текст посвящен использованию искусственного интеллекта художниками и искусству после победы искусственного интеллекта.

«В самой “искусственности” ИИ оно [искусство] открывает для себя надежду (что как раз и является результатом ее сверхъестественных интуиций) на то, что с концом идентичности и исчезновением человека на кремниевом пляже мерно накатывающего и отстающего времени интеллект, наконец, отрефлексирует себя не в формах конца корреляции, а в формах искусства и пойсиса» (с. 127).

«Технологическую» тематику продолжает статья Анастасии Алехиной и Александра Писарева. Она посвящена критическому анализу практик *Art & Science* с точки зрения трех метафизик: классической, трансцендентальной и эмпирической. Авторы обсуждают способы соединения искусства и науки и приходят к выводу, что научно-технологическое искусство может быть понято как *перформанс техннауки* (с. 163–164). Такое определение не только отсекает ложных претендентов на статус *Art & Science*, но и открывает возможность новой интерпретации проектов этого искусства и создания критических проектов на его территории.

Отдельного внимания заслуживает социальная обусловленность работы художников, сотрудничающих с учеными социальными и естественнонаучными. Дело в том, что первые оказываются в социальном поле последних, где им навязывается определенная оптика, идущая как приложение к согласию на сотрудничество (с. 166). Эта проблема зависимости актуальна для *Art & Science*, но также для многих проектов исследовательского искусства. Перед художником встает проблема защиты своей автономии, и она не имеет очевидного решения. Например, Артур Жмиевский выступал за отказ от автономии искусства ради возможности ошибаться, признавать ошибку и на равных участвовать в дискуссии с учеными. Но как быть с удержанием самостоятельности позиции?

Завершает номер эссе Максима Селезнева о статусе скриншота в кино и его использовании зрителями. Он показывает, что в некоторых случаях кадр – вовсе не часть фильма, а равнозначная ему и даже самостоятельная величина. «Кинематограф живет и продолжает свою работу отнюдь не только внутри фильмов, но и в скриншотах, цветах, словах, воспоминаниях» (с. 220).

НЕПРЯМО ГОВОРЯ

Художественное исследование, казалось бы, претендует на революцию в искусстве, поэтому знание как знание должно сообщаться прямо, а не косвенно, как обычно происходит в данной сфере. Проблематизации этой непрямоты и посвящен *«Художественный журнал»* (2024. № 125).

Сергей Гуськов в открывающей номер статье заявляет, что исторически не прямое или опосредованное высказывание – это высказывание с позиции власти (с. 7). Впрочем, тут же добавляет, что непрямота на деле всеобща, таков «один из столпов человеческой цивилизации». Это касается

и искусства, ведь «как бы искренне и эго-документально ни выглядело произведение, каким бы эмоциональным порывом и все объясняющей теорией оно ни было вызвано к жизни, – его [прямого высказывания] там попросту нет» (с. 8).

Константин Зацепин замечает, что непрямота высказывания сегодня связана и со сложностью и непроницаемостью реальности:

«Искусство все чаще прибегает к риторике непредставимого, тайного, неименоваемого, пытаюсь говорить о действительности как о загадке и взамен прямых интерпретационных кодов предлагая зрителю напряженное чувственное ощущение, аналогом которого в кинематографе является саспенс» (с. 133).

Зацепин показывает эту тенденцию на примере жанра *пейзажа*, который способен выразить хрупкий опыт благодаря нерепрезентативным формам и дистанцированности от человека. Речь о транспортных развязках, офисных зданиях, одноэтажных пригородах, гаражных массивах, видах из окна поезда и лиминальных пространствах. Марсель Бротарс, в свою очередь, усиливает тезис и указывает на *нормативность* не прямой речи для художника:

«Надо отказаться от четкого послания, чтобы эта роль не могла возлагаться на художника и, в более широком смысле, – на любого коммерчески заинтересованного производителя. И здесь можно было бы начать полемику. [...] Между искусством и меседжем не должно быть прямой связи, тем более, если это послание политическое, иначе мы погрязнем в фальши. Просто утонем. Я предпочитаю надписи, которые представляют собой ловушки для простаков, без обязательств» (с. 23).

Общая интенция интервью с Бротарсом – сорвать покров с таинства искусстве всеми доступными средствами. Но не входят ли это в противоречие с идеалом?

С Бротарсом и Гуськовым не согласен Иван Новиков. Он придерживается мнения, что перед художником всегда стоит «дилемма явного и неявного высказывания: показать ли интересующую меня тему очевидным путем, [...] или говорить о ней апофатически, избегая очевидных указаний и описаний» (с. 105). Причем в последние годы, после пандемии и войн, граница в этой дилемме стала однозначной и «охраняемой»:

«Ты либо на стороне тех, кто высказывается открыто, “в лоб”, иллюстративно, честно (тут можно подобрать эпитеты с любым оценочным окрасом), либо на стороне тех, кто говорит эзоповым языком, неявно, стыдливо, трусливо, более глубинно» (с. 108).

Если уехавшие в другие страны художники склоняются к прямому высказыванию, то оставшиеся – к неявному. Впрочем, замечает Новиков, такая поляризация – проблема глобальной современности. Думается, обсуждению темы не хватает учета стороны зрителя: зачастую непрямота высказывания зависит от интерпретатора, который может поддаться и принять правила игры, а может захотеть воспринимать все «в лоб».

Проблематика (не)прямоты тесно связана с самой возможностью художника говорить от своего имени, а не быть проводником тех или иных сил – другого класса, капитала, империализма, господствующей культуры. Словом, иметь *собственную* речь. Николай Ухринский в своем тексте отвечает на вопрос о том, может ли современный художник, «критически осознающий, что институционально и структурно он хотя бы отчасти принадлежит империализму и гегемонии, произвести деколониальное высказывание» (с. 69).

«[Деколониальный художник] оказывается на пересечении нескольких, порой весьма противоречивых требований. Как худож-

ник вообще, он должна олицетворять автономию искусства и эмансипированного субъекта, то есть говорить от своего имени, продолжая базовую установку искусства. Как боец за гегемонию прогрессивных сил [...] он должен пытаться дать голос угнетенному, способствовать справедливому перераспределению символических и материальных ресурсов, то есть делать вклад в изменение мира и длить отказ от автономии искусства. Как радикальный практик, он должен быть изощренным и эффективным в работе с существующими символическими и языковыми кодами и субъектностями, в том числе своей собственной, чтобы продолжать развитие арсенала средств и методов радикального современного искусства. Наконец, как критический художник, он должна рефлексировать свои институциональный интерес и привилегию, чтобы продолжать искусство как действительно критический проект» (с. 77).

И это при том, что любой художник «заражен» структурами империализма, капитализма и колониализма, встроен в их воспроизводство институционально и структурно. Работа со своей субъективностью – ключ к тому, чтобы ответить на все эти противоречивые требования и «исполнить субалтерна», не являясь им в полной мере, – «говорить не своей колониальной и гегемонистской частью, а угнетенной» (с. 78).

Вопрос о непрямом говорении в искусстве неизбежно затрагивает тему статуса *репрезентации*. Тристан Гарсия ставит целью «объяснить объективное, реальное и материальное существование репрезентаций, созданных человеческим искусством» (с. 12). Разобрав три основных подхода понимания репрезентативного объекта (копия и мимесис, знак и сигнификация, дубликат), он предлагает свою модель: репрезентировать значит *отсутствовать* (прежде всего в пространственном смысле).

«Любая репрезентация, будь то визуальная, звуковая или даже тактильная, предполагает работу удаления, устранения присутствующей материи: изображение есть трехмерный объект, сведенный к состоянию квазиповерхности, глубина которой уменьшена почти до нуля, а одна сторона превращена в оборотную. [...] Любую репрезентацию следует понимать как систему обмена, происходящего внутри самих объектов: сдерживая то или иное измерение или часть пространства, чтобы свести его практически к ничему (то есть делая его отсутствующим), вы не по волшебству, а рационально заставляете то, чего нет, п(р)оявиться. И репрезентация есть не первоначальное представление чего-то отсутствующего, но существующего где-то в другом месте, а п(р)оявление чего-то отсутствующего, обусловленное отсутствием чего-то присутствующего» (с. 16–17).

Словом, присутствующее как репрезентирующий объект, не похожий на репрезентируемое, становится практически отсутствующим, а отсутствующее репрезентируемое – предьявленным. Существенна объективность репрезентаций, которые «не находятся ни в нашем сознании, ни в нашем восприятии: они вписаны человеческим искусством в определенные объекты, которые заставляют наше познание признавать отсутствие присутствия в них, а в качестве компенсации – присутствие чего-то отсутствующего» (с. 19).

Также в номере читатель найдет статью Бориса Гройса о выставке как разоблачении аппарата производства арт-системы и о том, что с ней происходит, когда выставляется арт-документация из интернета. Примечателен тезис автора о том, что «искусство обладает универсальной функцией сопротивления технологическому прогрессу, а художественный музей есть место, где эта универсальная функция может себя проявить» (с. 35). Это означает, что технологическое и научное искусство внутренне противоречиво: союз с прогрес-

сом сочетается с сопротивлением ему, ведь и такое искусство хочет быть сохранено для будущего.

Питер Осборн посвящает свою статью теневой фигуре концептуализма – Луису Камницеру – и его художественным стратегиям. Причин у аномального положения этого художника две:

«Эмигрантская латиноамериканская (в частности, уругвайская) родословная, осуществляющая геополитическое смещение канонического западного дискурса о концептуальном в искусстве, и практико-критическая основа вне проблематики формалистско-модернистской редукции, в экспериментальной экспансии графики в область стандартного “искусства”» (с. 38).

Западному концептуализму посвящена и статья Саши Бурхановой-Хабадзе, в частности, теме любви у Барбары Крюгер. То же направление развивает Наталья Смолянская, но переносит обсуждение на территорию московского концептуализма. Ее статья посвящена специфическому типу означивания, используемому Ильей Кабаковым и художниками его круга, а также его генеалогии. Разбирая работы Кабакова, она показывает, что произведения московского концептуализма, в отличие от западного, не производят тавтологии, «их произведения функционируют исходя из открытых символических царств» (с. 61). То есть комментарий расходится с действием и несет основную нагрузку, запуская рассказываемую историю. Андрей Фоменко подхватывает обсуждение о связи текста и изображения в московском концептуализме, в центре его внимания – работа «Иду» Эрика Булатова.

Завершает номер блок, посвященный языку граффити. Если Игорь Кобылин подвергает эрудированному анализу стиль и работы нижегородского художника Синего Карандаша, то Дарья Плаксиева сосредотачивается на иронии в стрит-арте.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

«*Stasis*» (2023. № 1-2) посвящен неоднозначности и трудной судьбе *политической теологии*. В предисловии редакторы-составители отмечают:

«Имя для определенной области вопрошания – вопрошания о присутствии “теологического” (что бы оно пока ни значило) посреди “мирского града”, о смесях и смешениях, в которых пытаются установить места “Бога” или того, что от него остается, “мира” и “политики”; также оно есть имя для тех сознательных, рефлексивных проектов, нацеленных на производство иных смесей, исправляющих наличествующие и предлагающих решение патологических узлов, спутывающих “священное” и “мирское”, политику и спасение» (с. 6).

Текущий, третий, этап развития политической теологии тематизирует «“постутопическое” состояние, которое определяется как нигилистическое, обездвиженное или заключающее в себе нормализованную чрезвычайную ситуацию» (с. 7). Это время не после катастрофы, а в условиях грядущей или нормализованной катастрофы. Политическую теологию на этом этапе развивают левые мыслители (Жижек, Бадью, Агамбен), радикальные ортодоксы и такие авторы, как Мишель Анри и Франсуа Ларюэль. Одна из ведущих тем – критика секулярной реальности.

Открывается номер обзором, прочерчивающим отношения между теологией и современной философией. Агата Биелек-Робсон сопоставляет философско-теологические подходы к насилию у Жижека и Бенямина. Том Уолкер обнаруживает в работах раннего Маркса и Фейербаха гуманистическую политическую теологию. Анастасия Мерзенина разбирается с политико-теологическим содержанием у Гегеля и Шеллинга.

Затем обсуждение переходит к осмыслению текущих военных конфликтов в поли-

тико-теологической перспективе. Арсений Куманьков исследует теологическое происхождение правовой теории наказания военных преступников, направленного на прекращение и устранение греха. Евгений Учаев и Иван Николаев с опорой на Жирара переосмысливают понятие катехона в контексте угрозы ядерной войны. Их задача – интегрировать в политическую теологию идею ее безусловного предотвращения. Катехон переопределяется как антиномия «принуждение – легитимность», отсюда выражением катехона становится сосуществование «мирской» (принуждение) и «духовной» (легитимность) властей без иерархического подчинения одной из них другой.

В обсуждении политической теологии никуда без Шмитта: ему посвящен большой блок номера. Владимир Бродский, продолжая проект Майкла Мардера, выстраивает онтологическую интерпретацию политической теологии и сближает ее с хайдеггеровской фундаментальной онтологией. В свою очередь, Олег Горяинов при помощи рационалистической философии Декарта показывает апорийность и хрупкость политической теологии (Шмитта и не только). В центре его внимания бессилие бога у Декарта как исток этой теологии. Статья Артема Соловьева посвящена немецкой дискуссии по поводу гностицизма в послевоенной немецкой политической теологии как контексту формирования концепции «гностического рецидива» Одо Маркварда.

В завершение номера – материалы об утопии. Даниэль Недолян сопоставляет Эрнста Блоха и Алена Бадью. Он обнаруживает общее между двумя разными способами производства нового – утопией и событием. Лолита Агамалова пишет о преобразовании понятия утопии в современных спекулятивных и аналитических теориях модальности возможного.

КОМЕДИЙНОСТЬ ИСТОРИИ

«*Ab Imperio*» (2023. № 1) посвящен необычной для журнала теме «Возвращая способность автономного мышления и действия (агентности): экосистемы гуманизма и постгуманизма» (правда, постгуманизм так и не появится в материалах номера). Как отмечается в редакторском предисловии, речь идет о «процессе восстановления личной “агентности” в отношении рационализации человеческого разнообразия сразу на нескольких уровнях» (с. 20). История не может упускать из виду автономную субъектность людей.

«За пределами больших социологических и идеологических схем история всегда – про личный выбор. [...] Новые подходы к формированию исторических нарративов возникают только в процессе артикуляции новых субъективностей тех, кто рассказывает историю, проясняя свои личные предубеждения и академические приоритеты. Эпистемологическая осознанность, неизбежно предполагающая самоиронию и, возможно, даже черный юмор, позволяет противостоять гегемонии кажущихся анонимными структур мышления, будь то дискурсы нации, класса, идеологии или расы» (с. 25).

Центральная часть номера – дискуссионный блок о мейнстримных нарративах советской истории и, что неожиданно, смехе. Участники форума – литературоведы, историки, политологи – обсуждают эссе Шейлы Фицпатрик «Советская история как черная комедия». В нем Фицпатрик применяет жанр черной комедии к нарративу советской истории в качестве способа достичь критической дистанции и избежать оппозиции героев и злодеев (с. 31). Вопрос в том, какая пропорция трансгрессии продуктивна и допустима? Как отмечает сама Фицпатрик, генератором абсурдности СССР и его истории была пропасть между идеологическим тезисом

о закономерности истории («в принципе») и неожиданными случайностями жизни («на практике») (с. 38–39). Черная комедия возникает, когда неожиданное одновременно мрачно.

Энн Лаунсбери добавляет, что, помимо упомянутой Фицпатрик критичности и ироничности, черная комедия может способствовать признанию человеческих страданий. Марк Эделе также поддерживает Фицпатрик и указывает, что смех позволяет выявлять абсурдность и претенциозность тоталитарных режимов. Рональд Суни призывает избегать издевательского тона, сохранять эмпатию и с пониманием относиться к неидеальным историческим действующим лицам.

Евгений Добренко, однако, не соглашается с Фицпатрик и замечает, что любая история – черный юмор, а потому он является слишком широкой жанровой и эстетической рамкой для советской истории (с. 66). Добренко считает, что эстетика советского и советской истории – это соцреализм, а ее суть – имитационность:

«Соцреализм производил символические ценности социализма вместо реальности социализма. В этом и была его основная функция – не пропаганда, но производство реальности через ее эстетизацию. [...] В сегодняшней перспективе соцреализм сам превратился в бесконечный источник комического: ирония, пародирование, пастиш» (с. 70, 71).

Авторов рубрики «История» объединяет «контекстуализация опыта создания конституций в новых национальных государствах, возникших после Первой мировой войны на руинах европейских континентальных империй» (с. 21). Для этого процесса характерна сложность перехода от имперского режима разнообразия к национальному. Одним из таких государств была Грузия, которой посвящена статья Тимоти Блаувельта и Антона Вачарад-

зе. В центре их внимания – перипетии формирования грузинской нации в 1918–1921 годах и сопротивление этому процессу абхазов. Объявление страны национальным государством и «грузинизация» поделили население на грузинское большинство, в которое вошли многочисленные местные этнокультурные группы, и меньшинство, включавшее наименее ассимилированные группы, в том числе абхазов. Если первые придерживались унитаризма, то вторые склонялись к федералистским сценариям. Итогом противостояния стало включение в Конституцию пункта об ограниченной автономии Абхазии. Авторы анализируют коммуникацию между абхазскими делегациями и Конституционным комитетом социалистического Учредительного собрания Грузии и «реконструируют автономность мышления и действия конкретных людей, скрывающуюся за абстракцией “исторического процесса”» (с. 23).

Еще одно государство, ставшее национальным после распада империи, – Польша. Виктор Мажец исследует процесс разработки принятой в 1921 году Конституции в контексте решения проблемы управления этнокультурным разнообразием в крайне неоднородном и политически разделенном постимперском государстве. Существовали три постимперские части Польши, каждая со своим прошлым и непольским населением, признаваемым теперь меньшинством. Однако правонационалистический парламент учитывал интересы меньшинств лишь под давлением иностранных государств.

Что можно сказать о номерах, попавших в обзор? Все они так или иначе заняты поисками альтернатив магистральным подходам и путям развития. И художественное исследование, и политическая теология, и комедия как жанр истории – попытки попробовать что-то новое в условиях тупика современного искусства, политической теории и историографии.

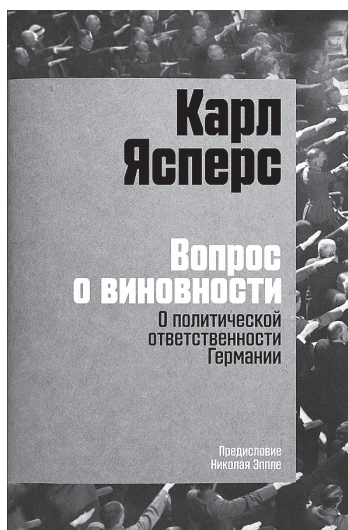
Рецензии

КАРЛ ЯСПЕРС И ВОПРОС О ВИНОВНОСТИ

*Вопрос о виновности. О политической
ответственности Германии*

КАРЛ ЯСПЕРС

М.: Альпина Паблишер, 2023. – 220 с. – 4000 экз.

Издание (отчасти – переиздание) русского перевода текстов философа Карла Ясперса (1883–1969), посвященных дискуссиям о коллективной вине немецкого народа за преступления нацизма, оказалось как нельзя кстати. Военные конфликты последних лет, сопровождаемые военными преступлениями, преступлениями против человечности, которые порой трактуются как геноцид, вызвали к жизни ожесточенные споры о виновности в происходящем тех или иных народов как таковых, их культуры и даже их языка. Ясперс, который дал оригинальную, глубокую трактовку этой проблемы, читается в данном контексте актуально – и отчасти неожиданно. Именно поэтому рецензию Софии Веретенниковой на недавнее русское издание «Вопроса о виновности. О политической ответственности Германии» мы решили дополнить комментарием философа Анатолия Рясова. [НЗ]

Когда он увидел море, то тотчас его полюбил, а узнав, что существует болото, проникся теплом и к нему. Лишь горы вызывали

НОВЫЕ КНИГИ

у него неприятие. Ребенком чувствовал абсолютную родительскую защиту и потому всегда брал пример с отца. Именно у него мальчик научился мыслить свободно и независимо, судить о вещах самостоятельно, быть честным с самим собой и принимать на себя ответственность. В школьные годы считал себя беспартийным и не желал быть причисленным к какой-либо социальной группе, спорил с учителями и называл дисциплину, насаждаемую директором, военной, из-за чего был в постоянном конфликте со школьным начальством. Своим пристанищем видел университет, в котором, по его мнению, свободы было больше, чем в любом другом месте. «Преподавателя можно уволить, только если он нарушил закон, но не за его мнение!»¹, – такова была его позиция. Когда из Берлина поступило требование поддержать протест против подписания Версальского мирного договора, наш герой счел такой акт невозможным, о чем открыто заявил. В 1937–1945 годах нацистские власти сначала запретили ему преподавать, а затем и публиковаться.

Все перечисленное – моменты из жизни автора рецензируемой книги Карла Теодора Ясперса, немецкого философа, психолога и психиатра, одного из крупнейших мыслителей XX века. Так его характеризуют на обложках многочисленных публикаций его работ. Читатель представляет, насколько неудобным было задавать вопрос такого рода во второй половине 1945 года, но Ясперс все-таки его поставил: справедливо ли бремя коллективной ответственности, возложенной на немецкий народ после завершения войны? Наболевшая тема, которая раньше обсуждалась в кругу близких людей, поздней осенью 1945-го впервые была вынесена в публичное простран-

во: о ней начали говорить в лекционной аудитории Гейдельбергского университета. Центральные тезисы того, что позже превратилось в трактат «Вопрос о виновности», были изложены в лекциях, прочитанных зимой 1945–1946 года. Попытка начать открыто рассуждать о духовной ситуации в послевоенной Германии, пусть и не сразу, но была оценена. Работа вызвала резонанс во всем мире, в том числе она не раз издавалась по-русски².

В момент, когда идет Нюрнбергский процесс над нацистскими преступниками, еще вчера «героями Германии», Ясперс произносит слова, дарящие надежду и облегчение – но тут же их и отбирающие. Более того, порой дело только этим не ограничивается: многие крайне возмущены рассуждениями философа. Ясперс говорит о необходимости начать, наконец, открыто дискутировать о тех вещах, которые шепотом обсуждаются почти на каждой немецкой кухне. Объясняет, как важно для немцев разобраться в себе, чтобы вернуть то, что именуется им «народным единством». Просит слушать и слышать друг друга. Призывает отказаться от скоропалительных вердиктов и верить не чувствам, а фактам. Позже, завершая введение в цикл своих лекций, он напишет:

«Когда мы будем говорить о типичном, никто не должен относить себя к той или иной категории. Кто все примет на свой счет, тот пусть сам за это и отвечает» (с. 31).

Ясперс не юрист, и это сразу бросается в глаза, когда читаешь текст. Открывая книгу с подобным названием, предполагаешь, что речь пойдет о гражданах Германии. Но после прочтения уже первой главы понимаешь, что он пишет об ответственности

1 Я опираюсь здесь на материалы документального фильма «Карл Ясперс – автопортрет» («Karl Jaspers – ein Selbstportrat»), снятого режиссером Ханнесом Рейнхартом в 1968 году (<https://youtu.be/8a3ufmtvsvo?si=f1f8ntcexjpsxorx>).

2 Впервые работа в переводе Соломона Апта была опубликована в России в 1999 году. Этот же перевод воспроизводится и в обозреваемом издании.

не только немцев, но всех, кто хоть как-то связан с немецкой культурой – в первую очередь, с немецким языком. Позже, когда перед читателем возникают контуры практикуемого Ясперсом экзистенциального подхода, становится ясно, что поверхностным разбирательством относительно вины немцев в той тотальной катастрофе, которой стала завершившаяся война, намерения автора не ограничатся.

Подступаясь к проблеме, он заявляет, что объективного разговора не получится, если не разграничить понятие виновности на уголовную, политическую, моральную и метафизическую.

Мыслитель не уделяет большого внимания определению вины в уголовном смысле; он пишет лишь, что в подобных вещах решающей инстанцией выступает суд, а ответственность возникает из объективно доказуемых деяний, нарушающих закон. Впрочем, Ясперс не считает такой способ привлечения к ответственности по-настоящему эффективным. Что касается политической вины, то под ней он понимает ответственность граждан за действия правительства своей страны. Инстанцией в данном случае является власть. Моральная ответственность наступает всякий раз, когда человек совершает этически значимое действие, причем независимо от того, по чьей воле оно делается. Даже если к пагубным последствиям привел чужой приказ, каждое отдельное лицо должно осознавать, что решение исполнить (или нарушить) его принималось человеком самостоятельно. Ключевой инстанцией здесь оказывается совесть. Наконец, метафизическая ответственность предстает своего рода моральной виновностью, возведенной в квадрат. Когда дело касается метафизики, ответственность налагается уже за то, что человеку было известно о творимом зле, но он ничего не сделал, чтобы его предотвратить. И вот тут судящей инстанцией философ считает одного лишь бога, поскольку

в равнодушии видит исключительно проявление человеческой природы: иначе говоря, человек виноват уже в том, что он человек. Говорится об этом так:

«Остается стыд от чего-то всегда присутствующего, не имеющего конкретного обозначения и определимого разве лишь в самых общих чертах» (с. 48).

Осознание метафизической ответственности, таким образом, идет через переживание стыда за собственную человеческую небезупречность. Ясперс разграничивает перечисленные виды виновности, желая уйти от пустого разглагольствования на тему войны. Доказывая субъективность уголовной, моральной и метафизической вины, он, с одной стороны, позволяет немцам выдохнуть – ибо «не может существовать (кроме политической ответственности) коллективной ответственности народа или группы внутри народов» (с. 67), – а с другой стороны, все-таки признает за ними коллективную вину.

Обращаясь непосредственно к Нюрнбергскому процессу, немецкий философ пытается оценить ситуацию со стороны как победителей, так и побежденных. В целом он согласен с трибуналом, но скептичен относительно некоторых примененных им процессуальных практик. Для него абсолютно неприемлемо смешение всех перечисленных выше типов вины в одном обвинительном массиве и предъявление этой «смеси» подсудимому. «Моральные и метафизические упреки как средство достижения политических целей должны быть отвергнуты», – пишет он в разделе, посвященном защите (с. 74). Нюрнбергский процесс, в понимании Ясперса, должен был ограничиться исключительно юридическими нормами, позволяющими подвергнуть подсудимых уголовной и политической ответственности, но никак не вменять людям моральную вину и отсутствие нравственного стыда. Нюрнберг же, по его мнению,

привел к тому, что немцев стали осуждать как народ в целом, не разграничивая вину на категории, что вылилось в своего рода тоталитаризм судящих:

«На немцев, кем бы немец ни был, смотрят сегодня в мире как на кого-то, с кем лучше не иметь дела. Немецкие евреи за границей нежелательны как немцы и считаются, по существу, немцами, не евреями» (с. 133).

Причиной подобных эксцессов, по мнению немецкого философа, выступает сама привычка мыслить в коллективистской модальности.

Далее читателям предлагается другой, не менее важный вопрос: а есть ли вообще смысл говорить о справедливости применительно к такому процессу, как Нюрнбергский? Какая, в конце концов, разница, о справедливом или несправедливом суде идет речь, когда победители судят побежденных? Согласно Ясперсу, смысл Нюрнбергского процесса был в другом: это грандиозное действие послужило провозвестием зарождающегося мирового порядка, в котором найдется место и для обновленной Германии, пусть и не сразу. Чтобы обеспечить это, немцам необходимо было принять на себя политическую ответственность в ипостаси *национального* сообщества и моральную ответственность в качестве *человеческого* сообщества. Немецкий философ считал категорически неправильным ограничиваться исключительно политическими проявлениями ответственности: он не видел будущего Германии без морального очищения немецкого народа, которое требовало чего-то большего, нежели просто разговор о справедливости.

Ясперс указывает на трудности, справиться с которыми без помощи извне немецкому народу, оказавшемуся под ярмом нацистов, было не под силу. «Требовать, чтобы население государства бунтовало и против террористического государства – значит требовать невозможного», – заме-

чает он (с. 146). Признавая коллективную политическую вину за немцами, он говорит также о необходимости возложить часть политической вины и на страны, одержавшие верх в Первой мировой войне:

«Англия, Франция, Америка были державами, победившими в 1918 году. От них, а не от побежденных зависел ход мировой истории. [...] Победителю не положено замыкаться в своей узкой сфере, у него есть власть, чтобы предотвратить событие, сулящее пагубные последствия. Неупотребление этой власти – политическая вина того, кто обладает ею» (с. 159).

Те государства, которые признали гитлеровский режим, тоже несут политическую ответственность. Упоминая о роли других держав, философ стремится не преуменьшить собственную вину немцев, а лишь создать предпосылки для более объективной и честной оценки ситуации.

Большое значение как для трактата, так и для самого Ясперса имеет послесловие, написанное в 1963 году. Семнадцать лет спустя, будучи гражданином уже не Германии, а Швейцарии, он прилагает к статье «Вопрос о виновности» текст, который едва ли может претендовать на то, чтобы называться отдельной главой. Однако содержание этих нескольких страниц не только в полной мере передает мотивы написания всего эссе, но и дополняет его новой философской аргументацией. Согласно Ясперсу, он долгие годы не мог отделаться от мысли, будто Нюрнбергский процесс, несмотря на свою юридическую безупречность, не был настоящим процессом и носил по большей части лишь показательный характер: «Не было учреждено право, а было усилено недоверие к праву. Разочарование при таком величии замысла убийственно» (с. 217). По этой причине этот суд едва ли смог заложить фундамент нового международного права: ведь спокойствие в послевоенном мире зиждется на законах, соблюдение которых является обязательным главным

образом для великих держав. Послесловие – и, соответственно, все эссе – Ясперс завершает пассажем, который есть смысл привести целиком:

«Само это спокойствие, гарантированное законом по воле великих держав, которые сами подчиняются этому закону, нуждается в одной предпосылке. Оно не возникнет просто из таких мотивов, как безопасность и освобождение от страха. Оно должно постоянно воссоздаваться со все новым и новым риском для свободы. Длительное ощущение этого спокойствия предполагает духовно-нравственную, полную высокого достоинства жизнь» (с. 218).

Выбранная автором форма эссе является, по-видимому, единственно подходящей для передачи смыслов, вкладываемых им в это фундаментальное сочинение. Воспроизводит ли новое русскоязычное издание ту самую, задуманную Ясперсом, идеальную форму? Это большой вопрос, ведь в процессе труда над изданием чужой книги порой появляется желание взять в руки перо и приписать еще что-нибудь от себя. Работа над старыми текстами может показаться скучной и лишенной творчества, однако дело обстоит совершенно иначе: все зависит от цели, которую ставит перед собой команда, готовящая очередное издание. И тут исключительно важно, чтобы эта цель, пусть даже сама благая и злободневная, не искажала изначального авторского замысла. В процессе чтения мне не раз казалось, что создатели обозреваемого здесь книжного проекта выбрали именно такой путь. В результате книга оказалась экипированной невероятным количеством «фонарей», занимающих одну пятую(!) всего ее объема. Понятно, почему это было сделано, но согласиться с такими полемическими приемами все равно трудно.

София ВЕРЕТЕННИКОВА

К ВОПРОСУ О ВИНОВНОСТИ

Среди четырех понятий виновности, в свое время предложенных Карлом Ясперсом в разговоре об ответственности Германии после Второй мировой войны, куда более многосложными оказываются не уголовная (определяемая судом) и политическая (по сути, она выступает как априорная и характеризуется принадлежностью граждан к государству, обвиняемому в преступлениях), а моральная и метафизическая. Первая из них связана прежде всего с личной или семейной ответственностью, а вторая касается проблемы (не)возможности солидаризироваться в вопросе о (не)справедливости с более широкой общностью людей.

Несмотря на всю проблематичность этого разграничения, нельзя сказать, что оно не имеет никаких оснований. И в случае моральной или метафизической виновности дополнительную напряженность порождает осознание того, что она в некотором смысле оказывается неискупимой. Включение вопросов морали и метафизики в уголовно-политическое поле развернет их согласно той же тривиальной логике противостояния прокурора и подзащитного, но в этом случае мы будем иметь дело с подменой понятий или как минимум с их упрощением. Напротив, куда менее ясными они оказываются при смещении акцента с внешних инстанций обвинения на чувство вины. В этом случае виновность способна открыться как внутреннее воле-ние, которое Кант называл основанием этического поступка.

Одной из точек отсчета здесь оказывается ситуация, в которой власть существенно расширяет возможности привлечения к уголовной ответственности за высказывания. В этом случае моральную виновность начинает определять компромисс, при котором несогласный с политикой государства, пусть даже внутренне противостоя ей,

все же вынужден делать вид, что согласен с ней. Это выражается в поддержке власти если не действиями, то как минимум высказываниями. Поддержка может маскироваться под форму особого мнения в духе «согласен, хотя и не во всем» и тем самым оказывать на высказывающегося успокоительный эффект, способный избавить от гнетущего чувства вины как якобы ложного. Но именно этот выбор достаточно четко определяет момент перехода определенной границы.

От позиции артикулированного согласия существенно отличается так называемая внутренняя эмиграция, основным условием погружения в которую является молчание. Его ошибочно уравнивать с одобрением власти или расценивать исключительно как расчетливое выжидание (хотя это не значит, что оно не может являться таковым). В контексте разговора о чувстве вины молчание оказывается свидетельством невозможности согласия. Но это положение, в котором несогласие с действующей политикой остается никак не артикулированным, разумеется, сложно определить как благополучное. В фильме Терренса Малика «Тайная жизнь» («A Hidden Life», 2017), в основу которого легли реальные события, простая юридическая формальность способна спасти героя от смерти, но, несмотря на это, его молчание преобразуется в отказ присягнуть «третьему рейху». В каком-то смысле этот выбор оказывается больше человека, и, однако, он всецело принадлежит ему, не объясняясь лишь религиозными убеждениями.

Дополнительным генератором самообвинений становится взаимодействие с так называемыми родными и близкими, считающимися необходимым выразить (искреннее или лицемерное) согласие с политикой государства. Выбор между радикальным разрывом общения и необходимостью солидаризироваться снова оказывается ложным упрощением как минимум в силу того, что

в этом кругу могут присутствовать, например, дети или близкие к состоянию деменции старики. Однако и во многих других случаях на невозможность принятия точки зрения другого здесь может накладываться чувство ответственности за него.

Итак, люди оказываются разделены на тех, кто чувствует неконтролируемую боль, и на тех, кто ее не чувствует. В некотором смысле круг близких знакомых может быть расширен до пределов метафизической категории народа. И проблема заключается даже не в невозможности отречься от принадлежности к этой социально-исторической общности, а во взаимоналожении двух несовпадающих взглядов. Чудовищные (как правило, еще и в своей тотальной неосмысленности и противоречивости) высказывания соотечественников вызывают агрессивное неприятие, но одновременно они лишь иллюстрируют принцип функционирования идеологии. А поскольку механизм предъявления взыскания в этом случае оказывается предельно неясным, стратегия прокурора также имеет все шансы превратиться в идеологический инструмент обвиняющей стороны (а чаще всего – уже им является). Но подобные апории и порождают метафизическую виновность, независимую от логики обвинения.

Эта генеалогия вины может быть существенным образом расширена, но даже в столь схематичном виде она способна напомнить взаимоотношения с неврозом. Перед нами нечто близкое к состоянию меланхолии (как определял его не Ясперс, а Фрейд): вопреки здравому смыслу субъект то ли ощущает невозможность признать утрату, то ли осознает, что утратил некий идеал, которым никогда по-настоящему не обладал. И проблема здесь заключается не в поиске возможности исцеления от невроза, а в необходимости научиться жить с ним.

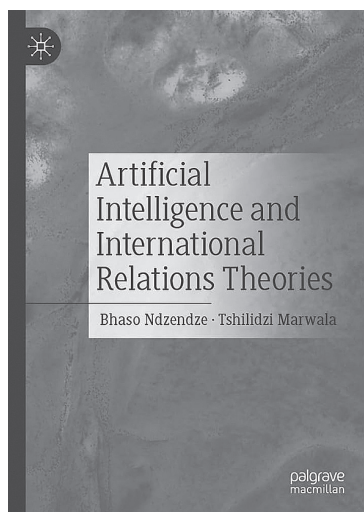
Анатолий Рясков

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Artificial Intelligence and International Relations Theories

BHASO NDZENDZE, TSHILIDZI MARWALA
Singapore: Palgrave Macmillan, 2023. – 165 p.

Принято считать, что базовая цель, вдохновляющая науку о международных отношениях, заключается в том, чтобы помочь человечеству наиболее оптимальным образом сбалансировать войну и мир. Все теоретические искания, касающиеся этой области, так или иначе выходят на указанную тему. Несмотря на то, что теория международных отношений остается сравнительно новой областью социального знания, ее корни уходят глубоко в историю, поскольку многие ключевые для нее концепты можно обнаружить уже у Томаса Гоббса, Джона Локка, Жан-Жака Руссо и других классиков. Сказанное, однако, ничуть не мешает теоретическому знанию откликаться на запросы современности или даже постсовременности; одним из недавних подтверждений тому стала рецензируемая здесь книга. Ее авторы, Бхасо Ндзэндзе и

Тшилидзи Марвала, работающие в Университете Йоханнесбурга (ЮАР), пытаются понять, каким образом разворачивающееся у нас на глазах пришествие искусственного интеллекта (ИИ) скажется на теории и практике международных отношений. В качестве объектов анализа они выбирают разноуровневые теории, описывающие международную динамику, среди которых либерализм, реализм, конструктивизм, а также постколониальные, феминистские, «зеленые» теории.

В книге десять глав, в семи из которых разбираются взаимосвязи между ИИ и конкретной теорией (или группой теорий). Первые три являются, по сути, вводными, хотя каждая глава из этой тройки «вводит в тему» по-разному. Во вступительной главе-введении авторы представляют обстоятельный обзор литературы, которая начиная с середины XX века ориентировалась по большей части на эмпирические случаи соприкосновения международных отношений и ИИ. Среди последних, например, сравнительный анализ эффективности подводных лодок времен Второй мировой войны и летательных аппаратов-беспилотников наших дней, итоги применения ИИ в борьбе с наркоторговлей, а также другие столь же любопытные истории. В целом авторы возлагают на ИИ немалые надежды, с самого начала заявляя, что он «может стать одной из разработок, которые радикально изменят мир» (р. 8). Однако, предупреждают они, всестороннее и полноценное привлечение ненатурального разума в сферу взаимоотношений между народами станет возможным лишь после того, как нынешняя теория международных отношений очистится от своего западничества (если не сказать расизма): не решив предварительно проблему инклюзии, вовлекать ИИ в международные отношения попросту опасно.

Что же касается следующей главы («Теория в международных отношениях»), то,

обозревая книгу в короткой рецензии, ее, наверное, уместно пропустить, так как она, во-первых, почти не упоминает об ИИ, а во-вторых, лишь резюмирует ранее накопленные знания, касающиеся международных отношений и их концептуального инструментария. Фактически, эта глава принадлежит к категории ритуальных разделов, без которых не может обойтись ни одна научная монография: новизны почти никакой, но без повторения пройденного дальше идти не принято. Впрочем, изучая трансформации, иногда полезно напомнить себе, как все выглядело до их начала.

Гораздо интереснее третья глава вводной части («Искусственный интеллект и международные отношения»). Здесь внимание авторов сосредоточено в основном на Китае как на одном из пионеров продвижения ИИ. Утверждение новой технологии в стране происходило нелегко, поскольку политика не только вмешивалась в этот процесс, но и временами тормозила его. Тем не менее сегодня китайское руководство принимает ИИ в качестве незаменимого средства, позволяющего всесторонне наращивать потенциал страны. Причем вопреки расхожим мнениям Китай отнюдь не является азиатским монополистом в применении ИИ:

«Даже в таких странах, как Пакистан или Йемен, компьютеры уже принимают решения о жизни и смерти. Большие объемы данных радиоэлектронной разведки обрабатываются здесь посредством алгоритмов, самостоятельно решающих, где есть угроза, а где ее нет. Для населения, над головой которого постоянно летают беспилотники, подобные решения могут быть фатально опасными» (р. 49).

Выстраивая своеобразную иерархию зон, в которых закрепился ИИ, авторы обозначают вполне ожидаемых флагманов в лице КНР, США и Европейского союза, а также наступающий им на пятки второй эшелон, включающий Великобританию, Индию,

Канаду, Сингапур, Южную Корею, Японию. Любопытно, что для России, упоминаемой в тексте довольно часто, места этих списках они не находят.

Последующая часть книги посвящена комбинациям ИИ с конкретными теориями международных отношений. Начинать тут – «по старшинству» – приходится с реализма, что авторы и делают в четвертой главе («Реализм и искусственный интеллект»). Касаясь прозрений одного из основоположников этой школы, южноафриканские ученые делятся следующим наблюдением:

«Если продолжить логику Томаса Гоббса, то следует признать, что современные рациональные машины, оснащенные искусственным интеллектом, способны принимать решения более эффективно, чем люди» (р. 56).

В дискурсивном пространстве реализма появление ИИ провоцирует целый ряд вопросов: насколько обсуждаемое новшество изменит международную систему и как лидеры государств будут реагировать на эти изменения; какие рычаги государственного влияния на международные отношения укрепятся после внедрения ИИ; усилит или ослабит ИИ могущество государств, которые доминируют на международной арене сегодня?

С одной стороны, на сегодняшний день некоторые акторы, включая Китай, Россию и США, готовы рассматривать ИИ как инструмент получения геостратегических преимуществ и укрепления безопасности, официально признавая эти его роли в своих дипломатических и оборонных доктринах. С другой стороны, политики и эксперты нередко трактуют ИИ как угрозу «среднего уровня», достаточно серьезную, чтобы дать одним приоритет, но недостаточно мощную, чтобы сулить другим уничтожение. Несмотря на несомненную дискуссионность темы, в некоторых ее аспектах отмечается выработанное единодушие. Так, по мнению

авторов, никто сейчас не спорит с тем, что ИИ уже превратился в один из инструментов поддержания международного баланса сил – наравне с военным потенциалом: «Подобно ядерным ударам, информационная война способна наносить удары как по гражданским, так и по военным ключевым точкам» (р. 69).

В целом же в книге выделяются три ключевые сферы, где ИИ с большой вероятностью сможет скорректировать теорию реализма: во-первых, он уже стал частью уравнения, поддерживающего глобальный баланс сил; во-вторых, он превратился в фактор, ощутимо меняющий формы ведения войны; в-третьих, доступ к нему, получаемый средними и мелкими акторами, вынуждает реалистов отказаться от традиционного приписывания значимости только крупным государствам. У нас на глазах ИИ становится все более доступным, а это выводит на международную арену тех, кто раньше не имел на ней голоса. Если обозначенные в книге линии влияния ИИ на реализм продолжают углубляться, то это станет, пожалуй, самым серьезным вызовом для теории с момента ее появления. Ведь, оглядываясь на прошлое науки, занимающейся международными отношениями, нельзя не заметить, что реализм и наследующий ему неореализм весьма долго отличались устойчивостью к любым внешним перипетиям.

Пришествие ИИ модифицирует и другие теоретические подходы к миросистеме – в частности, либерализм с его убежденностью в том, что цементирование экономической взаимозависимости между народами окончательно и бесповоротно установит мир на земле. Обращаясь к либеральной трактовке международных отношений в пятой главе («Либерализм и искусственный интеллект»), авторы почти сразу же сталкиваются с парадоксом: с одной стороны, действительно, продвижение ИИ все ощутимее упрочивает экономическую

взаимозависимость акторов мировой политики, но, с другой стороны, этот факт никак не сказывается на умиротворении планеты. Более того, подъем ИИ совпал с сокращением числа либеральных демократий, и это заставляет южноафриканских ученых предположить, что «демократия и искусственный интеллект, по-видимому, отрицательно коррелируют друг с другом» (р. 76).

Стремясь защитить собственный ИИ, передовые государства «закрывают» свои демократии как от других режимов (включая и другие демократии), так и от негосударственных акторов. Как следствие, демократический тонус планеты в последние десятилетия неуклонно понижается, поскольку модели народовластия отступают под натиском «авторитаризма, основанного на технологиях». Опираясь на представленный в книге материал, можно предположить, что удар, наносимый ИИ по современным неолиберальным демократиям, окажется довольно ощутимым – но вот насколько новые явления будут фатальными для ключевых принципов либерализма как идеологии? По-видимому, ответ на этот вопрос может дать только время. С экономическими аспектами взаимозависимости, переживающей вторжение ИИ, дело тоже обстоит не слишком благостно: во-первых, экспансия новых технологий ведет к потере рабочих мест, а во-вторых, подобные разработки все чаще применяются на благо войны, а не мира.

Именно на последнем из упомянутых аспектов сосредоточена следующая, шестая, глава («Теория гегемонистской стабильности и искусственный интеллект»). Парадигма гегемонистской стабильности исходит из того, что в системе международных отношений должен наличествовать мощный лидер-гегемон, принуждающий всех остальных к мирному сосуществованию, а наиболее сильные акторы борются между собой за монополию на такое лидер-

ство. В настоящее время главными антагонистами выступают США и КНР, причем «роботы, которые будут быстрее, сильнее и точнее, определят, кто выйдет победителем» (р. 93). Политическая конфронтация подкрепляется экономической, и в комплексе это заставляет конкурентов задумываться о перспективах возможной когда-то в будущем войны. Именно в этой связи Пентагон в 2020 году представил проект пяти этических принципов использования ИИ в военное время. Среди них: а) артикуляция ответственности человека; б) гарантии беспристрастности ИИ; в) обеспечение глубокого и широкого понимания принципов работы ИИ; г) гарантии надежности и функциональности систем ИИ; д) минимизация непреднамеренного вреда в процессе управления ИИ человеком. Мы пока не знаем, послужит ли этот или какой-то похожий свод правил основой для очередной Женевской конвенции, но уже сейчас ясно, что тема будет становиться все более и более актуальной.

В седьмой главе («Зависимость и технология в четвертую промышленную революцию») авторы возвращаются к теме интегрированности ИИ в современную экономическую жизнь: они показывают, как начало нового этапа промышленной революции, разворачивающегося сегодня, сказывается на расстановке геополитических сил и на мировом экономическом неравенстве. Тот факт, что доступ к технологиям, включая ИИ, становится особым активом, за который государства все острее конкурируют между собой, вполне вписывается в построения международников-реалистов, для которых ИИ давно превратился в составляющую властных уравнений. Вместе с тем у реалистов появляются и новые оппоненты, к числу которых книга относит, в частности, так называемую английскую школу международных отношений.

Это направление генерирует оригинальный подход к использованию ИИ в перспек-

тиве мирного сосуществования народов, о чем речь идет в восьмой главе («Английская школа и искусственный интеллект»). Авторские надежды, возлагаемые на английскую школу, обусловлены тем, что ее построения свободны от «американоцентризма» и сопутствующих ему недостатков. Во многом именно из-за этого она продвигает идеи инклюзии всех участников рынка ИИ и отстаивает формирование всемирного сообщества разработчиков ИИ. Последнее исключительно важно: ведь если технологии, как заявляют авторы, сейчас представляют собой своего рода «ядерное оружие» (р. 137), то и обращаться с ними надо соответственно – обставляя их использование специальными режимами, ограничивающими использование ИИ набором международных договоренностей и мониторингом их соблюдения.

Девятая глава («Критические теории международных отношений и искусственный интеллект») имеет дело с целым спектром теорий, которые принято называть критическими и которым авторы без утайки симпатизируют: среди них, в частности, постколониализм, феминизм, экологизм.

«Все эти теории достаточно точно предсказывают способы и пути, с помощью которых будет функционировать завтрашняя власть, в том числе в эпоху ИИ. Важно отметить, что новая эра только начинается, а упомянутые теории наиболее эффективно объясняют [...] новые пути распространения власти» (р. 154).

Каждая из концепций смотрит на ИИ под своим углом зрения. Так, «зеленая» теория изучает его воздействие на окружающую среду; феминизм усматривает в нем очередное проявление мужского доминирования; постколониальные исследования обращают внимание на встроенную в него языковую гегемонию. Похоже, что авторское тяготение к критическим теориям, как и к английской школе, объясняется не только содержательной частью последних,

но и довольно популярным сейчас общим неприятием «американоцентризма» в международных отношениях, которое в книге проявляется то здесь, то там на протяжении всего текста. Как полагают южноафриканские специалисты, именно критическим теориям, а также политическому реализму предстоит в наибольшей мере преобразоваться под давлением ИИ.

Завершая свою работу, авторы книги делятся интересным наблюдением относительно преподавания международных отношений:

«Многим событиям, включенным в нынешние образовательные программы по международным отношениям, десятки и даже сотни лет. Это делает их слишком абстрактными для многих наших студентов. Ведь для некоторых даже война во Вьетнаме кажется такой же архаикой, как Вторая мировая война. Но искусственный интеллект открывает возможность для иммерсивного обучения, основанного на экспериментах. Разработки в области виртуальной и дополненной реальности вполне применимы

в образовательных сферах: моделируя те или иные исторические события, студенты смогут принимать на себя роли конкретных акторов – дипломатов и политиков, а также использовать искусственный интеллект для теоретического моделирования будущих событий» (р. 161).

С подобными прогнозами трудно спорить. Как и любое новшество, ИИ вызывает повсеместное возбуждение. Уже сегодня мы наблюдаем, как он становится неотъемлемой частью жизни – и даже меняет ее, несмотря на то, что человечество пока не до конца понимает все обусловленные им блага и опасности. И тем важнее одна из немногочисленных пока книг, посвященных оценкам чарующих и пугающих перспектив вхождения ИИ в важнейшую область социальной жизни – в международную политику и дипломатию.

Юлия Фролова, доцент кафедры политологии РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Summary

The 155th *NZ* issue contains three major thematic blocks and several standalone pieces outside of those.

The first selection, entitled “WORLD WAR II: PRACTICES OF NORMALIZATION, FORGETTING AND REINTERPRETATION”, is devoted to the transformation of public policy, public opinion and destinies of individual people that came as a consequence of the greatest war of the 20th century. This block opens with an in-depth historiographical study (the first of its kind) of the biography of a German counterinsurgency unit commander who fought against Soviet partisans in the occupied territories. Putting together what little they could find in archival documents and contemporaries’ accounts, Oleg Beida and Igor Petrov traced the life story of a Dr. Hans Beutelspacher. Both before and after the war, Beutelspacher pursued a career as a soil scientist (seeing more success in the later years), whereas during the war he zealously contributed to war crimes against Soviet civilians and POWs. After 1945, he escaped any punishment for his deeds, as did many other lower-level Nazi officials.

In a sense, Beutelspacher’s story is typical; what makes it stand out, however, is the fact that he was born on the territory of the then Russian Empire, in Odessa, and after World War II, while he was an employee at a research institute in Braunschweig in the 1950s, Beutelspacher actively collaborated with soil scientists from the USSR. Beyda and Petrov’s article is entitled “*Blood and Soil: The Two Lives of Dr. Beutelspacher*”.

Another biographical study – though covering a life much shorter and a fate far more tragic – is offered by Anatoly Voronin (“*Her Second Mission: The Life and Death of Vera Voloshina*”). The article reconstructs the life story of a young Soviet woman, who in the autumn of 1941 was tasked by the Soviet command with completing acts of sabotage behind enemy lines, but was captured and executed. Subsequently, Vera Voloshina entered the pantheon of Soviet war heroes.

Another text in this thematic block is devoted to public opinion in the countries that were part of the Allies in WWII, and to changes it has undergone over the recent decades. The focus here is public opinion and state-dictated “politics of memory” in Russia and the USA after 1991. Ivan Kurilla (“*Memories of a World War II Ally: Sketches of US-Russian Relations*”) examines how Russia’s attitude towards its American ally – and vice versa – has been changing, reflecting the changes in the domestic policies of these countries, and especially the radical shifts in bilateral relations that have occurred since.

The last text of the first section reads as a fitting addition to the preceding pieces, particularly the last one. The Australian historian, professor at the University of Melbourne Mark Edele offers *NZ* readers a brief overview of his personal biography as a scholar of Soviet history and the Great Patriotic War. Much of the text is devoted to looking back at his own book, “*Soviet Veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991*”, that was first published 16 years ago.

In the newest instalment of his column **SOCIOLOGICAL LYRICS**, Alexei Levinson ponders the question of the attitude of the Russian public towards foreign powers in light of the isolationist course set by President Vladimir Putin, and the open confrontation between today's Russia and the West.

Thematically, the second and third selections of the 155th *NZ* issue can be classified under *cultural studies* (more precisely, *cultural anthropology*) and *contemporary philosophy*. The second block of articles, called "EARLY 20TH CENTURY CINEMA: MEDIA, PARANOIA, POLITICS", contains two texts written by *NZ*'s regular contributors. Igor Smirnov pieces together some filmmaking conventions of the 1900s–1940s by analysing American cinema (silent and sound films) and Soviet, Stalinist one. Vadim Mikhailin in his article "Diversification of Paranoia: Fritz Lang's «M» and Fridrikh Ermler's «The Great Citizen»" also employs the comparative method, but chooses the classic German expressionist film "M" by Fritz Lang as representation of "non-Soviet" cinema.

Contemporary philosophy's shift toward so-called *animism* (or toward a *new natural philosophy*, even) is the theme of this issue's third thematic block. The first article here, Egor Dorozhkin's "Geophilosophy of a World Plunged in Darkness: Earth, Subjectivity and Imagination", tackles one facet of the problem, briefly summarising and assessing the kind of philosophical thinking which the author – following an already established tradition – dubs "geophilosophy".

The core perspective which this type of philosophical current stems from is called "animism": Dorozhkin discusses theoretical questions pertaining to the relationship between animals and human society (communities), drawing on the theories of Martin Heidegger, Georges Bataille, and Emmanuel Levinas. The selection ends with Bogdan Gromov's article "The Injustice of Things: A Commentary on the Saying of Anaximander", which offers a reading of the Greek philosopher's saying (once famously interpreted by Heidegger) done in the spirit of the "new natural philosophy".

The 155th *NZ* issue also includes the latest instalments of Tatiana Vorozheikina's regular column **THE REVERSE OF THE METHOD** (she talks about the short-lived period in post-war Argentine history, between 1962 and 1966, when a civilian, democratically elected government was in power) and **CULTURE OF POLITICS**, which offers a short treatise by the German scholar Otto Luchterhandt, focusing on the topic of legal nihilism in modern Russia.

The 155th issue wraps up with the **RUSSIAN INTELLECTUAL JOURNALS REVIEW** by Alexander Pisarev and the **NEW BOOKS** section, where one piece seems particularly noteworthy: Sofia Veretennikova's review of a collection of Russian translations of works (newly and frighteningly relevant today) written by the German philosopher Karl Jaspers, which tackle the topic of "collective guilt" and "collective responsibility" of entire nations (primarily the Germans) in the aftermath of the World War II.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at www.eurozine.com

eurozine

Оформить подписку на журнал можно в следующих агентствах:

«Подписные издания»: подписной индекс ПЗ832 (только по России) <https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.periodicals.ru

«Экстра-М»: подписной индекс 42756 (по России и СНГ) www.em-print.ru

«Ивис»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.ivis.ru

«Информ-система»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informsystema.ru

«Информнаука»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informnauka.ru

«Прессинформ»: подписной индекс 45683 (по России и СНГ) <http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»: подписной индекс: 45683 (по России и за рубежом) www.ural-press.ru

Приобрести журнал вы можете в следующих магазинах:

В Москве:
«Московский Дом Книги»
ул. Новый Арбат, 8
+7 495 789-35-91

«Фаланстер»
М. Гнездниковский пер., 12/27
+7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе)
4-й Сыромятнический пер., 1-6 (территория ЦСИ Винзавод)
+7 495 926-30-42

«Циолковский»
Пятницкий пер., 8
+7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства
Лиговский пр., 27/7
+7 812 579-50-04
+7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский»
ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а
(ТЦ «Петровский пассаж»)
+7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский»
ул. Б. Ельцина, 3
(«Ельцин-центр»)
+7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль»
ул. Б. Покровская, 46
+7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский»
ул. Ленина, 54
+7 342 243-03-51